

16+

Норвейн Ветер

ПОЕЗД В
АРКЕНОР

Annotation

Яна была простой лаборанткой до тех пор, пока её не пригласили на королевский Отбор. Но вот незадача - князь Волхонский, который будет сопровождать её до встречи с женихом, вызывает у неё всё больший интерес. Впрочем, Отбор никто не отменял. Принц Асмодей твёрдо решил, что хочет жениться на ней - и больше ни на ком. Не так-то просто будет выбраться из этого треугольника живой... В книге есть: попаданка - 1 шт, принц - 1 шт, князь - 1 шт. Экшен, интриги, приключения и любовь - в ассортименте

- [ПРОЛОГ](#)
- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
- [ГЛАВА 2](#)

- [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

ПРОЛОГ

Дверь гостиничного номера захлопнулась у меня за спиной.

Из груди вырвался рваный вздох.

Кровать, окна, письменный стол – всё здесь было не таким, как я привыкла. Ножки, подлокотники, спинки... Казалось, как мебель может удивить? До этой ночи я думала, что никак. А теперь смотрела на изгибы дерева, украшенные таинственными символами, и по-настоящему понимала, насколько разным может быть всё, что наполняет нашу жизнь.

Горячая грудь прижалась к моей спине.

– Всё в порядке?

Голос мягкий и глубокий, обволакивает, заставляя сердце останавливать бег.

– Всё очень хорошо.

Почти что правда. Потому что разве может быть плохо то, что я оказалась здесь? В комнате, размером с бальную залу небольшого дворца, где стены слабо мерцают серебром, а кровать колыхается, как будто под ней гуляет морская волна.

Грудь прижимается сильнее.

– Элирена, если тебе нужно время, то я могу оставить тебя одну...

– Надолго? – машинальный вопрос.

– Скажем, на полчаса.

О да. Полчаса – самое то, чтобы уложить в голове всё, что произошло со мной за последние сутки. Поверить в существование других миров. Перестать задаваться вопросом: сон это или не сон.

– Нет, – разворачиваюсь, чтобы заглянуть тебе в глаза. – Нет, не надо уходить. Лучше скажи... Что это за место? Куда мы пришли?

Со вздохом отходишь к окну и замираешь. Вижу, как ветер треплет растрёпанные пряди твоих волос. На твоём лице – печать грусти. И я не знаю почему. Наверное, мы знакомы слишком недолго, чтобы я могла узнать.

– Это место называют Перепутьем. Перепутьем Ветров.

Ты замолкаешь, и я чувствую, что ты отмериваешь – что нужно говорить, а что нет.

Это недоверие болезненным уколом отзывается в груди. Впрочем, с какой бы стати ты мне доверял? Самой становится смешно.

На ходу расстёгивая стягивая свитер, подхожу к кровати и опускаюсь на неё. Сначала сажусь. Потом падаю на спину, оставляя ноги на полу.

И по-прежнему смотрю на тебя, не в силах поверить, что ты действительно здесь.

– Мы не задержимся тут больше чем на ночь. Я взял билеты на рассветный экспресс, – продолжаешь тем временем ты. – Но если всё пройдёт хорошо, ты сможешь вернуться сюда... Если захочешь. Он не будет ограничивать тебя.

«Он».

За то время, что я провела в дороге рядом с тобой, я так и не поняла, кто этот «Он». Кто этот «Он» и зачем ему я – хотя по сути, это всё, о чём ты со мной говорил.

– Почему именно я?

Наверное, за последние часы тебе надоело слушать этот вопрос.

Но ты лишь поворачиваешь голову и с насмешкой смотришь на меня.

– Потому что в тебе течёт кровь последней княгини Восточных Равнин.

Делаешь шаг ко мне.

– Потому что он ждёт именно тебя.

Ещё один шаг.

– И потому что... Ты самая красивая из людей когда-либо живших на земле.

Не уверена, что ты сам понял, что сказал.

Кажется, ты тоже удивлён.

Отворачиваешься и делаешь шаг к двери.

– Я всё-таки оставлю тебя одну. Если станет скучно – спускайся вниз. На первом этаже обеденный зал.

И, не дожидаясь ответа, шагаешь в коридор.

Испускаю ещё один разочарованный вздох.

С минуту лежу неподвижно. Разглядываю лепнину на потолке.

Не знаю, в какой мир ты меня ведёшь. Но сомневаюсь, что это место – самый обычный ваш отель.

Поднимаюсь и подхожу к окну.

За окном очередной поезд замедляет ход.
Тот, на котором мы прибыли, уже ушёл.
Растаял в небытие, не оставив за собой даже следов.
Только обрывки рельс, тонущие в пустоте.
Десять лет не ездила на поездах. Иногда даже хотела...
Да ладно, я вообще никуда не ездила десять лет.
Перевожу взгляд дальше за пассажирский мост и разглядываю невзрачные двухэтажные домишки, рядами выстроившиеся по другую сторону дороги.

Вроде бы почти как у нас... И в то же время нет.
Опускаю взгляд и осматриваю свои руки, едва прикрытые рукавами футболки. Следов от уколов нет. Впрочем, ты мог использовать таблетки или газ...

Трудно поверить, что можно без наркотиков оказаться здесь.
Взмахнув крыльями, двуглавый конь бьёт копытами по крыше и пускается в полёт. Всадник придерживает шляпу и сжимает у горла плащ. Средневековый такой плащ – я их видела только в кино.

Как и крылатых тварей, наподобие той, что с ноги на ногу переминается у входа в отель. Отсюда видно только рога и одно крыло. Она тоже кутается в плащ. Наверно ей обидно от того, что её называют тварь...

Протираю глаза и отворачиваюсь от окна. В комнате нет ни люстры, ни торшеров, ни бра. Свет исходит прямо от стен. А ещё... мне кажется, светятся венчики цветов, которые стоят в вазах на комодке и на письменном столе.

Ещё раз протираю глаза.
Да. Или они светятся, или я сошла с ума.
– На-да-эр, – повторяю по слогам.
Ты сказал, что так тебя зовут. А меня должны звать – Элирена. Исходя из каких-то там генеалогических карт. Я ещё уточнила: может, древ? Но ты ответил, что нет.

Мне точно надо поспать, чтобы понять – проснусь я или нет.
Но там за окнами целый мир, который придётся покинуть через несколько часов.

И я не могу сидеть в четырёх стенах.
Я на всю жизнь насмотрелась стен.

Подхожу к зеркалу. Поправляю волосы – длинные и гладкие, светлые, в отличии от твоих. Какая там Элирена... Обычная среднестатистическая девчонка. И особой волшебной красоты я тоже за собой не замечала.

Но сейчас это не важно.

Выхожу в коридор и плотно прикрываю за спиной дверь.

Слишком много времени ушло впустую. И больше я не собираюсь его терять.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Ещё вчера меня звали Яной. Никаких удивительных фэнтезийных имён.

У меня были нормальные родители, которые не пытались назвать меня в честь планеты или скандинавского божества. И жизнь у меня тоже была нормальная – насколько может быть нормальной человеческая жизнь.

Я закончила университет, исполненная больших надежд обошла все сайты наподобие job.ru и уже через пару месяцев поняла, что никому нафик не нужен ни мой джоп, ни мой диплом.

Дальше были попытки устроиться на то, что есть, смириться с тем, что всё идёт наперекосяк, парень, которому не подходил такой безнадёжный вариант... Скандалы, сплетни, интриги, расследования... Последнее уже на новой работе, где, как оказалось, эти самые интриги заслоняют весь производственный процесс.

В общем, всё как у всех.

Мне и хотелось бы сказать, что жизнь эта была лучше, чем у других... Ну, или хотя бы хуже, чем у них... Что меня преследовали, не любили, стремились выгнать из общества, для которого я не подходила... Но нет. Эти иллюзии окончательно издохли в моей голове, когда мне исполнилось двадцать два года.

Иллюзии издохли – а я осталась. Копошиться в однообразных буднях, начало которых постепенно тонуло в дымке вчерашнего дня, забывалось. Конца им тоже было не видеть.

Работала я лаборанткой – ну очень хорошая работа для выпускницы престижного вуза.

И внешность у меня выдалась подстать – не красотка, но и не замарашка какая-нибудь. Может, излишне бледновата, но таких бледных молек девятьсот девяносто девять тысяч на миллион, так что я давно уже перестала комплексовать.

Если бы меня спросили, чем плоха моя жизнь, вряд ли я смогла бы сказать. Ответ, который на самом деле просился на язык, показался

бы глупым сотням и сотням людей, у которых всё очень плохо – или наоборот, очень хорошо.

Ответ этот был – «тоской». Пустотой. Ощущением, что я застряла в бесконечном Дне сурка. Что время не движется вперёд.

Когда мне было шестнадцать, иногда, разглядывая пассажиров в метро, я думала – а что если мир, в котором мы живём, это ад? А настоящий мир, в котором люди не предадут, оценивают не по лицу и презрение не становится единственным мотивом для ненависти – может, этот мир где-нибудь есть, но нас всех сослали сюда, потому что мы не годились для него?

Если бы меня спросили о подобном теперь, я бы грустно улыбнулась и сказала, что это очень неплохой сценарий. Но на самом деле он не может быть правдой. Даже не потому, что нет никаких других миров – хотя их, конечно же, нет. Просто потому, что этот мир слишком тих и бестолков, чтобы быть местом для наказания. Он... преисподняя, может быть. Или Булгаковский покой. Мир, в котором не происходит ничего.

Мир, в котором все чувства – лишь слабые отголоски эха других, настоящих чувств.

Иными словами, мне не слишком то нравилась моя нормальная, почти сложившаяся и нифига не такая, как хотелось бы, жизнь.

Однако день семнадцатого мая, когда всё это началось, стал почти особенным с самого утра.

Мне не везло.

Не могу сказать, что мне вообще когда-нибудь везло, но в этот день всё вовсе шло кувырком. Скандал с водителем автобуса, который едва не заехал дверями мне по голове, был только первым звеном в цепи неудачных событий, которая вечером чудесным образом закончилась заявлением об увольнении, опущенным декану на стол.

Тот смотрел с удивлением, пытаюсь понять, что на меня нашло. А я просто чувствовала, что мне нужно разорвать эту цепь. Сделать хоть что-то, чтобы окружавшие меня люди заметили, что я есть.

Не знаю, чего я ожидала.

Что меня будут отговаривать?

Бред.

Он молча опустил взгляд на листок и поставил подпись. А я, понимая, что отступать некуда, понесла этот банальный квестовый

предмет дальше, по всем необходимым инстанциям.

В восемь вечера я сидела в кафе, из тех где столики стоят прямо на улице, так что над тарелками висит запах бензина. Потягивала коктейль из высокого стакана и думала – что же на меня нашло? И что делать теперь?

Жалко не было.

Я ничего не потеряла. Но я и ничего себе не доказала.

Денег оставалось на пару месяцев. Я думала, что наверняка легко найду такую же бестолковую работу, как та, что я только что потеряла.

Ну или не найду. И тогда не знаю, что будет потом. Постепенно горло начинал сдавливать страх, а в голове всё чаще проносились мысли о том, какая же я идиотка.

Пока в какой-то момент проезжую часть не заслонила тень, и передо мной на плетённый стул не опустился абсолютно незнакомый человек.

– Здесь занято, – машинально ответила я. Ко мне никогда не подсаживались незнакомцы. Ясно, что приличным мужчинам я нафик не сдался, а охотники снять девушку на одну ночь издалека видят, что им здесь не обломится.

– Мной, – подтвердил незнакомец.

Только теперь я подняла взгляд на его лицо. Довольно правильное, с тонкими чертами. Волосы чёрные, неухоженные, собраны на затылке в хвост. И синие, как полосы на вагоне метро, глаза.

Никакой магии не произошло. В тот момент точно нет. Но от мужчины, так нахально нарушившего моё уютное бесконечное «нормально», исходила такая странная аура, что на некоторое время я перестала контролировать себя. Забыла, как нужно говорить и на каком языке посылать.

Незнакомец, напротив, к моей слабости оказался готов.

Он махнул рукой официантке – к слову, не замечавшей мой столик уже двадцать минут – и та бабочкой подпорхнула к нам.

– Пиво и пачку сигарет.

Я молча наблюдала за тем, как девочка принимает заказ. Потом подумала: «А тебе, собственно, что? Допивай коктейль и иди по своим

делам».

Допивать второпях, правда, всё равно не хотелось, но я отвернулась, старательно делая вид, что сижу за столом одна, и поднесла стакан к губам.

– Ты потом домой точно дойдёшь? – спросил всё ещё незнакомый, но очень нахальный мужик.

– Доползу, – буркнула я, стараясь мыслями снова погрузиться в свои тоскливые рассуждения.

– Я мог бы помочь. Нам с тобой по пути.

На этом месте меня проняло. Я развернулась и посмотрела на него. Очень надеялась, что незванный попутчик прямо тут провалится в подпол, но он дымиться под моим испепеляющим взглядом не спешил.

– Я, собственно, хотел поговорить о другом, – продолжил он, раскуривая сигарету из пачки, которую официантка опустила на стол.

На вид этот человек не выглядел так, как будто у него есть деньги покупать сигареты в кафе. Однако он их покупал.

– Мне кажется, ты ищешь работу. Хорошую, высокооплачиваемую работу, которая соответствует твоим способностям.

На последних словах мою фигуру очертил такой красноречивый взгляд, что я почувствовала себя товаром на прилавке.

– А ты что-то можешь мне предложить? – поинтересовалась я. Поинтересовалась в основном потому, что не могла поверить, что он действительно собирается предложить то, что обещал этот красноречивый взгляд. Грудь у меня, конечно, на месте, но как-то привыкла я к такой среде, где подобным образом не смотрят даже на самые откровенные декольте.

– Проживание, командировочные размером шестнадцать прожиточных минимумов, питание и косметические процедуры за счёт клиента.

На фразе «косметические процедуры» я поняла, что нужно валить. Но рука незнакомца легла поверх моей руки. Я опустила взгляд, разглядывая его сухие длинные пальцы. На безымянном красовался перстень с печаткой – звезда, оплетённая змеей. Герб этот показался мне знакомым, и я ещё удивилась, что кто-то носит подобные вещи среди бела дня. Перстень был серебряный, не золотой, но всё равно выглядел старинным и очень дорогим.

– Выслушай меня, – мягко попросил он. – То, что я предлагаю, тебе не предложит никто другой.

– Эскорт? – уточнила я. Приподняла бровь и посмотрела на него.

Губы мужчины тронула улыбка – такая, какая мелькает на губах у взрослых, когда они разговаривают с глупыми детьми, но очень не хотят показывать, насколько те наивны.

– Поездка в... далёкие края, – поправил он. – В которой ты сможешь познакомиться со множеством интересных людей.

– Точно, ты сутенёр, – сделала вывод я.

Мужчина закашлялся и прикрыл рот свободной рукой. Но правую с моей кисти не убрал.

– В твоём мире это единственное, что тебе могут предложить? – закончив кашлять спросил он.

Я нахмурилась, не улавливая намёк.

– Вообще-то, – начиная злиться, ответила я. – Я приличная образованная девушка. И моя сфера интересов весьма далека от подобных... подобных дел.

– Тогда почему ты в этом подозреваешь меня?

– Потому что у тебя на лице написано, что ты спал в какой-нибудь ночлежке. Что у тебя нет документов. А деньги ты тратишь так, как будто они у тебя сегодня есть, а завтра нет. Потому что приличные мужчины не пристают к приличным девушкам в кафе... С предложениями высокооплачиваемой работы. Если только не пытаются их снять.

Незнакомец несколько ошарашенно смотрел на меня. Так, что мне даже стало его жаль.

– Надаэр, – внезапно сказал он.

– На... что? – запнулась я.

– Надаэр, – медленно и размеренно повторил он. – Так меня зовут. Теперь мы с тобой знакомы, и этикет твоего мира позволяет тебе обсуждать со мной деловые вопросы?

Я ошеломленно молчала. Эта присказка насчёт «моего мира» чем-то неуловимо меня раздражала. В каких, интересно, далёких краях такие фрукты растут?

– Ты не знаешь, как зовут меня! – наконец достала я козырную карту.

– Яна Селезнёва.

Я поняла, что попала.

– Откопал мой старый аккаунт в Вк! – обиженно выпалила я. Давно же знала, что надо его удалить! Да руки никак не доходили.

– Не важно, – лёгкая улыбка на губах собеседника подсказала мне, что я права. – Я знаю, что в своей Академии ты больше не работаешь. К слову, этот опыт может стать приятным, но вовсе не обязательным бонусом на той должности, которую я хотел тебе предложить.

Не стала я признаваться, что весь мой опыт – это сплошные бумажки из кабинета в кабинет носить. Тем более, что этот гад явно просто заметил, как меня сегодня выкинули из профгруппы Академии ВИ.

– Терпеть не могу, когда за мной шпионят! – прошипела я, наклоняясь к нему через стол.

– Боюсь, к этому тебе придётся привыкнуть, – без тени сомнений заявил он.

Я встала. Платить не собиралась – раз прицепился ко мне и сделал вид, что мы вдвоём, то пусть и решает этот вопрос.

Надаэр тоже встал и, не дожидаясь счёта, опустил на стол две новеньких купюры ценностью по две тысячи рублей. Очень сомневаюсь, что его пиво стоило хотя бы половину этих денег.

– Это значит – нет, – пояснила я, – работа мне не нужна.

– Я тебя провожу, – сообщил он, не замечая моих слов.

Я спустилась с веранды и направилась к автобусной остановке.

Надаэр без единого слова проследовал за мной

ГЛАВА 2

– Речь не идёт ни о чём, что могло бы опорочить твою честь.

Мы стояли на остановке, и Яна Селезнёва продолжала делать вид, что не замечает меня.

Не то чтобы я ожидал, что задача будет лёгкой, но мне попался на редкость раздражающий экземпляр.

Никогда в жизни меня, князя Надаэра Волхонского, не принимали за... сутенёра. Не будь она девушкой, я бы за подобные предположения вызвал её на дуэль, но...

Во-первых, миссия предполагала полную анонимность. А какая радость бросать вызов от чужого имени?

Во-вторых, по девчонке за милю было видно, что никаким оружием она не владеет. И хотя это вообще никак не оправдывало её длинного языка, было ещё и в-третьих —

Магистр в обязательном порядке обозначил, что привести нужно именно её. Одну из семерых, подобранных для Его Высочества.

Сам принц Асмодей не знал потенциальных невест даже в лицо. Потом, когда в Пандемониуме соберётся основной состав, ему покажут портреты. Когда все заинтересованные лица будут уверены, что можно начинать Отбор невест из других миров.

Почему из других миров? Довольно пикантный момент.

Дело в том, что принца в своё время вынудили принести клятву, что он никогда не вступит в брак с девушкой из королевской семьи Аркенора. Тогда ему угрожали клинком и раскалёнными щипцами, но этот момент прошёл. И теперь нам всем отчётливо ясно, что Его Высочеству пора вступить на престол. Нарушить клятву, подтверждённую на бумаге, он не может – нельзя позволить, чтобы правление началось со скандала. Поэтому было решено подобрать для него подходящую партию среди дальних родственниц из иных миров. Редко, но такое случалось в истории Аркенора. Прецеденты нашлись.

Каждый из тех, кто имеет вес при дворе, тут же поспешил выдвинуть свою кандидатуру. Не отставали и мы. При всей моей любви к Его Высочеству, даже я понимаю, что за будущим королём нужен бдительный надзор.

Мой Магистр выбрал наследницу одной очень дальней, но весьма древней аристократической ветви. Шесть поколений назад мать этой Селезнёвой покинула Арканум и осела на Земле. Но это не мешает ей быть великой княгиней. А значит... быть принцессой и самой Яне.

С манерами, похоже, проблем не будет – наша кандидатка заносчива, как будто родилась во дворце. Но ей, тем не менее, ещё многое предстоит узнать. И прежде всего понять, зачем она вообще мне нужна.

– Слушай, друг, – Селезнёва развернулась и внимательно посмотрела на меня. Глаза у неё светлые, наперекор этому тусклому миру. Кажутся единственным живым пятном на холодном до неподвижности лице.

Заправила за ухо прядь волос. Тоже светлых, не особенно ярких и довольно коротких – до плеч. Конечно, в Аркеноре ей придётся пересмотреть этот факт. Коротко стригутся только простолюдинки и наёмницы.

– Слушай, друг, – повторила она. – Я не та, кто тебе нужен.

– Именно та!

– Может, ты и прав, работа мне нужна. Но я не торгую собой.

Идеальна. И она права.

– Ты права. Я зашёл не с той стороны. Этот мир... Плохо действует на меня. Тут всем нужны только деньги.

– Мне нужны деньги! – кривая улыбка появилась у неё на губах. – Но я не такая идиотка, чтобы брать их у первого встречного. Ты хоть представляешь, как твоё предложение выглядит со стороны?

Двое прохожих, стоявших поодаль на остановке, оглянулись на нас. Неужели они надумали то же, что и она? Какой позор.

Я глубоко вздохнул.

– Послушай, – медленно повторил я, стараясь внимательно смотреть ей в глаза. Я знаю на что способен мой взгляд. Обычно... Но, кажется, не сейчас. – Тебе просто нужно выслушать меня до конца. Клянусь, всё, что я хочу сказать, даже близко не похоже на то, что ты себе вообразила. Я очень уважаю тебя и никогда не позволил бы ни себе, ни кому-либо другому...

– С чего такая забота обо мне?

В глазах кандидатки промелькнул ледяной блеск, и я ещё раз убедился, что передо мной именно она. Наследница Элайи.

– Принцесса Элирена. Хранительница Семиокой Звезды.

Теперь уже точно вся остановка обернулась на нас.

Селезнёва покосилась на зевак, но ничего не сказала. Зато более внимательно посмотрела на меня.

– Не смешно, – сухо ответила она.

– Я не смеюсь!..

Подъехавший автобус не дал мне договорить.

Селезнёва, напрочь забыв о разговоре, направилась к нему.

– Да стой же ты! – я едва успел перехватить её за рукав. Она замерла уже на ступеньках. – Я тебя подвезу. Ничего тебе не сделаю. Клянусь. Мне очень нужно с тобой поговорить.

Селезнёва обернулась. К моему удивлению на её лице отразилась борьба.

– Откуда ты знаешь это имя?

Я молчал. Не здесь. Я не хотел говорить среди толпы.

– Ты очень важна для меня.

– Я задала вопрос.

– Идём и я расскажу.

Элирена оглянулась на автобус в последний раз. Водитель зачем-то дал гудок – наверное хотел, чтобы мы перестали мешать ему закрывать двери.

– Ладно, – наконец решила моя кандидатка. – У тебя полчаса. Хочу успеть домой к выпуску новостей.

Селезнёва абсолютно не выглядела человеком, который побежит домой ради выпуска новостей. Ни в одном из миров. И я решил, что ничего не случится, если мы проговорим целый час.

Мы не стали возвращаться в кафе – слишком много людей.

Было бы глупо садиться на лавочке во дворе и я решил отвести её на берег реки. В этом городе их полно. Как и в нашем. И так же все они запаяны в камень и изрезаны мостами, так что я примерно представляю куда идти.

– В этом мире я в третий раз, – я специально сказал это вслух. И специально сказал именно так. – Но насколько представляю ваши

обычай – могу представить, насколько глупым тебе покажется всё, что я скажу.

– Тогда, может, лучше не говорить? – Яна приподняла бровь.

– Не могу, – спокойно ответил я. – В моём мире очень многое зависит от того, поверишь ты мне или нет. И у меня нет времени заплетать вокруг тебя многоходовую игру – вот, – я достал из внутреннего кармана куртки билет и протянул ей.

– Восемнадцатое мая, – прочитала она. – Юго-Западный вокзал. В нашем городе такого вокзала нет, – она подняла глаза на меня.

– Есть. Просто ты о нём не знала.

– Допустим. Хотя вообще-то я этот город знаю очень хорошо.

– Нам нужно добраться до Пандемониума через семь дней. Иначе всё потеряет смысл.

– Тебе нужно, – поправила она. – Не могу понять, при чём здесь я.

– При том, что я должен привести тебя в свой мир и представить ко двору.

– Ага, – задумчиво произнесла Яна и снова посмотрела на билет. Потом на меня.

– Ты думаешь, как бы позвать врачей?

– Полицию. Пусть сами решают, куда тебя определить.

– Ты узнала мои слова, так?

Яна нахмурилась.

– Семиокая звезда – герб твоей прабабки Анастасии. Но в твоём мире нет подобных гербов. Я знаю, ты их изучала.

Яна молчала. Ничего не разобрать по её холодному и в эти мгновения безупречно красивому лицу.

– Я покажу тебе портреты, потом. Ты увидишь, что она очень похожа на тебя. Я уверен, что не ошибся.

– Знаешь, даже если предположить, что ты действительно дальний родственник и плохо знаешь русский язык... поэтому несёшь эту чушь насчёт твоих-моих миров... сложно поверить в твой рассказ.

– Я не говорил, что я твой родственник, – пришлось поправить её. – Я просто... Я – слуга его высочества принца Асмодея. И по его поручению должен привести тебя к нему.

– Потому что я правнучка женщины со звездой на гербе?

– Да.

Яна молчала. На сей раз я видел, какая борьба проходит внутри неё. Она готова был сдаться. Готова поверить – а это очень много, когда речь идёт об уроженцах иных миров. Это мы привыкли к тому, что нужно лишь знать дорогу – и тебе откроется вся колода реальностей. Многим трудно представить, что они живут не на единственной Земле.

Я чувствовал, что какое бы решение она не приняла, оно будет принято вот-вот, и потому заторопился:

– Его высочество, наследник империи Аркенор должен вступить в брак. Только так он сможет занять престол. Очень важно, чтобы он выбрал правильную невесту в одном из известных нам миров – ты же историк, должна понимать.

Яна рассеянно кивнула. Впрочем, самого главного она ещё явно не понимала. Только переспросила:

– Иных миров? А поближе он найти никого не смог?

– Из иного мира, – перебил её я. – Потому что система наследования не так проста. Принц Асмодей – сын законной королевы, но на престол претендовал и его двоюродный брат. Эта проблема уже разрешилась, но, пока принц Калерон питал свои бессмысленные надежды, его люди похитили Его высочество, законного наследника принца Асмодее. Заключение в темницу и заставили подписать обещание, что он никогда не вступит в брак ни с одной женщиной, рождённой в Аркеноре. Так они собирались гарантировать, что он не сможет оставить наследников. И даже вступив на престол, в случае своей смерти – уверен, они надеялись, что смерть эта будет скорой – оставит трон своему брату. Теперь ты понимаешь?

– Нет, – коротко отрезала Яна. Однако, мне показалось, что она начинает понимать.

– Я должен привести ко двору принца Асмодее невесту, достаточно знатную, чтобы Его Высочество мог вступить с ней в брак. И подходишь только ты.

Я ошибся. Не знаю в чём, но явно ошибся. Я видел это по её глазам. Готовность поверить вмиг сменилась яростью и презрением.

– Невесту, – медленно повторила она.

– Святые основатели, – не сдержался я. – Дело не в том, что так не даёт тебе покоя! Я не... тот, кем ты меня назвала! Я – князь Надаэр

Волхонский, третий перст императора! И никогда не опустился бы до...

Я понял, что Элирена меня не слышит, когда она демонстративно подняла билет и разорвала пополам. Обрывки бумаги подхватил ветер и понёс над рекой.

– Дошло? – резко спросила она. – Я никуда с тобой не еду!

Я слабо улыбнулся, хотя её упрямство и начинало меня злить.

– Это ничего, – старательно сдерживаясь произнёс я. Подошёл к ней вплотную, так что её дыхание коснулось моей щеки. И вытянул из кармана её джинсов ещё один билет – точно такой же. Отступил и поднёс к её глазам.

Яна с подозрением смотрела на меня.

– Идиотский фокус, – сообщила она.

– Ты можешь так же. Достаточно захотеть.

Яна подняла бровь. Я видел, как её рука дёрнулась, как будто она хотела забраться в карман – и замерла.

– Я не стану ничьей невестой, – мрачно озвучила она. – И больше не преследуй меня.

Развернулась и двинулась вдоль набережной прочь.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как стоять и смотреть ей вслед.

ГЛАВА 3

Какое-то время Надаэр просто стоял, глядя вслед удаляющейся фигуре.

Ренвил замер в узком проулке, из тени домов наблюдая за каждым его жестом. Руки второго посланника были спрятаны в карманы, ветер трепал распущенные волосы, едва скрывавшие мочки ушей – такие же чёрные, как у Надаэра, но мягкие и ухоженные.

Затем Надаэр подхватил с парапета небольшой обломок камня и с силой швырнул его в реку.

Ренвил усмехнулся. Его забавляла эта импульсивность – слабость, которую знал каждый в окружении принцев.

Их было трое – перстов императрицы – и слабости были у каждого. Но другие двое старались скрывать их как могли.

Дайолен не чувствовал людей. Никто кроме них троих, ближайших защитников императорской власти, этого не знал.

Ренвил всегда слишком долго принимал решения. Сам он считал себя рассудительным, но прекрасно понимал, что эта рассудительность частенько создаёт проблемы. Скрыть подобную черту было непросто, и он прятал её за молчанием, заставляя окружающих думать, что у него всегда есть план, о котором Ренвил попросту не хочет говорить.

Надаэр не скрывал ничего.

Для человека, дожившего до тридцати лет при дворе, он был неестественно прям, импульсивен и скор на руку. Все знали, что такими легко управлять – но управлять Надаэром пока что не удалось никому. Ну, почти никому...

Именно этим Надаэр раздражал. И его, Ренвила, и многих других. Но судьбы всех участников придворной игры переплелись слишком тесно, чтобы выбирать, с кем тебе нравится идти рука об руку, а с кем нет. Приходилось вести расчет исходя не из симпатий, а из того, насколько действия того или иного союзника можно предсказать. Или – насколько можно ему доверять.

Ренвил знал, что предсказать действия Надаэра нельзя. Но доверять ему можно и в этом он, определённо, был привлекательней Дайолена.

Из трёх перстов почившей императрицы Ренвил остался последним, кто ещё не определился с выбором союзников. И вопреки сложившемуся мнению, ему вовсе не нравилось играть на противовесах и вечно оставаться в стороне. Он просто слишком хорошо видел недостатки как Асмодея, так и Калерона.

Асмодей казался человеком чести, но он был жесток. Иногда Ренвилу казалось, что сына Гелоры вовсе не интересуется, что станет с королевством и людьми, населяющими её. Его заботило только собственное достоинство, собственная честь, и сам факт того, что не все хотят видеть его королём, он считал оскорблением этой чести.

Калерон никогда столь явно не проявлял своего интереса к власти. Насколько мог заметить Ренвил, этот интерес появился впервые только тогда, когда наставником племянника Гелоры стал кардинал Ловеин.

Отец Калерона был младшим братом Гелоры, и здесь, вопреки красноречию Надаэра и других подобных ему, наблюдалось явное разночтение – потому как ни разу, со времён Элайи, престол Аркенора не наследовала женщина.

Нет, прецеденты, конечно, бывали... самые разные. Но никогда этого не поддерживал закон.

Не поддерживал закон и Гелору, регентшу при младшем брате, которая получив эту должность, через некоторое время нашла способы узаконить свою власть.

Отец Калерона не пытался отнять у неё главенство – если и хотел, то не мог.

Ренвил был уверен, не собирался делать этого и сын. Если бы не наставления излишне мудрых людей.

И всё же Ренвил не считал Калерона дураком. Его не оставляло чувство, что принц заметно умней своего кузена, и в этом крылся залог симпатии к нему. Но Ренвил не знал, кто именно станет управлять Аркенором, если власть получит Калерон – он сам или его кардинал.

Пока Ренвил предавался собственным размышлениям, Надаэр достал из кармана амулет на длинной серебряной цепочке. Отщёлкнул крышку и провёл большим пальцем по его плоской поверхности.

Радужные блики промелькнули в воздухе, и Ренвил нахмурился. Прищурил глаза, силясь разобрать по губам, о чём пойдёт разговор.

Сомнений быть не могло, посланник собирался связаться со своим магистром. Но Ренвил не очень-то верил, что Надаэр намеревается

рассказать о неудаче.

– Она не хочет, – тем не менее разобрал Ренвил. Ответа магистра было никак не узнать, но он продолжал внимательно всматриваться в движения губ.

– Я ей сказал, Учитель. Она очень упряма. Не уверен, что нам удастся ей управлять.

Снова пропущенный ответ.

– Нет, она готова поверить. Мне кажется... – Надаэр тоже нахмурился и сделал паузу, раздумывая, как облечь мысли в слова. – Мне кажется, её смущает вовсе не существование иных миров. На мгновение мне даже показалось, что она действительно хочет поверить. Действительно хочет отправиться со мной, но... стоило заговорить о браке, как Элирена выразила однозначный и безоговорочный отказ. Мне показалось, что сама мысль об отношениях с мужчиной неприемлема для неё.

Секунду Надаэр молчал, выслушивая ответ, а затем перебил собеседника и раздражённо произнёс:

– Я не сделаю этого, Учитель. Ты прекрасно знаешь, что есть границы, которых я не перейду.

Ещё несколько мгновений молчания.

– Ладно. Я попробую ещё раз. До рассвета время есть.

Надаэр резко закрыл амулет и засунул его обратно в карман. Он повернулся, чтобы уйти, когда Ренвил выступил из тени и окликнул его.

– Нужно поговорить.

Надаэр резко повернул голову, и руки его сами взлетели, складываясь в магическом жесте. Лицо отразило раздражение и насторожённость.

Рэнвил поморщился.

Их отношения с первым посланником складывались по-разному – но в основном не очень хорошо. Надаэр никогда не любил компромиссов, договорённостей и осторожности. Ренвил всем этим жил.

В молодости, когда оба они лишь осваивали основы военного дела в гвардейском корпусе, все трое, включая Дайолена, были почти что друзьями. Но Надаэр был упрям и бескомпромиссен уже тогда.

После того, как череда интриг разрушила его военную карьеру, Надаэр стал только злей. Какое-то время он вообще отказывался появляться при дворе и, возможно, навсегда покинул бы большую игру, если бы не встретился с магистром Торваном. Орден Ветров тогда лишь набирал силу и почти не имел сторонников. Ренвил подозревал, что именно отверженность стала общим началом, соединившим этих двоих.

Однако, так или иначе Надаэр на удивление легко поверил всему, что говорил Магистр. О том, что он принёс обет, никто не говорил вслух, но знали все. Однако, могущество князя было слишком велико, чтобы в чём-либо его упрекать. А могущество Ордена с поддержкой нового союзника становилось всё сильнее. В последние месяцы всё чаще поговаривали о том, что, если небо не рухнет на Аркенгор, Торван в самое ближайшее время сможет соперничать во влиянии с кардиналом Ловейном. И если последний управлял мятежным принцем, то второй, похоже, отдавал приказы опальному князю, вернувшемуся в столицу и теперь ставшему третьим перстом Гелоры.

«Перст Гелоры», – Ренвил усмехнулся собственным мыслям.

Звание должно было потерять силу со смертью королевы – но всё получилось иначе. И теперь именно они трое решали, кто взойдёт на престол.

– Что тебе нужно? – резко, почти грубо спросил Надаэр, прерывая его мысли.

– Хочу помочь, – коротко ответил Ренвил и прислонился к каменному парапету возле него.

Надаэр проводил его насторожённым взглядом и медленно опустил руки. От взгляда Ренвила, впрочем, не укрылось, что правая ладонь небрежно легла на рукоять спрятанного под курткой кинжала.

Надаэр недовольно разглядывал собеседника и думал о том, каким ветром того занесло. Никто не должен был знать, куда он отправился на поиски своей кандидатки.

– Я за тобой следил, – угадав его мысли, произнёс Ренвил, – сюрприз.

Насторожённость ещё отчётливей проступила на лице Надаэра.

– Зачем?

– Чтобы предупредить – за тобой слежу не я один.

Надаэр помрачнел. Стараясь не поворачивать головы, осмотрелся по сторонам.

– Никого не чувствую, – стараясь скрыть напряжение, ответил он.

– Ты и меня не почувствовал. Твоя система навигации явно даёт сбой, – Ренвил засунул руку под полу пальто и, выудив оттуда серебряную цепочку, продемонстрировал Надаэру защитный амулет. Тот негромко зарычал.

– Так они всё ещё здесь?

Ренвил невзначай огляделся по сторонам.

– Кажется, нет.

– Пошли за ней?

– Они определённо слышали ваш разговор.

Надаэр невольно стиснул рукоять кинжала ещё сильнее.

– Что тебе нужно, говори быстрее?

– Ничего, – Ренвил пожал плечами, – запишу на твой счёт небольшой должок. А впрочем... нет. Можешь расплатиться прямо сейчас.

Надаэр продолжал раздражённо смотреть на него.

– Хочу понять... Почему именно она? Эта Яна.

– Ты знаешь. Потому что княгиня Анастасия выбрала этот мир.

– Да-да... Но не она одна, так? Как ты верно заметил, этой девушкой будет трудно управлять.

– Ты... – Надаэр подался вперёд.

– О да, я слышал разговор. Что теперь?

Князь стиснул зубы и отступил. Огляделся по сторонам. Определённо, улица чужого города была неудачным местом для драки.

– Потенциал принца должен раскрыться, – продолжал тем временем Ренвил. – Для этого он должен провести ночь с тем, в ком течёт кровь небесных миров. Это знаешь ты, это знаю я. Очевидна и причина, по которой вы хотите, чтобы он сразу вступил в брак – принц не должен бродить по мирам, собирая силу. Иначе он станет могущественней вас.

– Ты ничего не знаешь, – Надаэр с насмешкой посмотрел на него.

– Вот я и хочу... чтобы ты объяснил.

– Мой долг не настолько велик. Если действительно хочешь узнать – придётся помочь мне ещё раз.

– Как? Затащить её на вокзал? – Ренвил поднял руки, демонстрируя собственное бессилие. – Это без меня. Не хочу стать тем, кого будет проклинать новая небесная королева.

– Это всё, что волнует тебя? Твоя собственная безопасность?

Улыбка Ренвила стала злой.

– Можешь считать и так. И ты не ответил на вопрос.

– Я ответил. Хочешь узнать больше – помоги мне ещё.

– Что ж, – Ренвил оторвал тело от парашюта и направился в сторону проулка. Князь последовал за ним. – Жаль. Тогда как-нибудь... в другой раз.

Он ступил в полумрак и растаял среди теней.

Надаэр огляделся по сторонам и свернул в подворотню, где оставил свой транспорт – не слишком удобный земной двухколёсный аппарат, хоть чем-то напоминающий ему коня. Карет Надаэр патологически не любил. Чтобы двигаться вперёд, ему нужно было чувствовать ветер, бьющий в лицо.

Перекинул ногу через седло и нажал на газ.

«Они здесь», – билось в голове. «Значит, времени больше нет».

ГЛАВА 4

Я вошла в квартиру и захлопнула дверь за спиной.

Какое-то время таращилась на другую дверь, ведущую в комнату.

Странное разочарование нахлынуло ниоткуда. И, бросив сумку на пол, я стала перебирать в голове события прошедшего дня.

Медленно двинулась на кухню, поставила греться воду и, достав фарфоровый заварочный чайник, стала ждать.

Мои родители были странными людьми. Консервативными, можно сказать. Любили соблюдать старинные обычаи и ритуалы, наподобие правил заваривания чая. Хотя моя любовь к генеалогии и геральдике исходила не от них, но они всегда поддерживали меня. До тех пор, пока нас окончательно не развело по разным городам.

Заваривая чай по дедушкиному рецепту, я стояла и думала о том, что парень, приставший ко мне в кафе, видимо просто решил надо мной посмеяться. Не так уж мало людей знало о моих увлечениях. Может, кто-то видел и звезду. А я... Я как дура почти купилась на его бредни, позволила ему выложить коронную карту.

«Стать невестой принца из другого мира...» – мне стало обидно до горечи, и я едва не швырнула чайник о стену. Ничего более идиотского и придумать было нельзя.

Опустив чайник на стойку, я прошла в комнату, села за письменный стол и уронила лицо на ладони. Потёрла виски и, открыв глаза, уставилась на толстый старинный том, который лежал раскрытым передо мной.

В своё время я долго о нём мечтала, а когда наконец сумела отыскать, несколько месяцев копила, чтобы приобрести.

Это был справочник – очень редкий и очень древний, тысяча восемьсот девятнадцатого года. И в справочнике этом, как считалось, значились все гербы Российской Империи за прошедшие шестьсот лет. Все – кроме одного. Проклятой семиконечной звезды.

Я искала и в других книгах. В польских перечнях и даже в турецких, но... В общем-то, без всяких поисков понятно, что таких гербов в наших широтах нет. И в других странах – тоже не могло быть. В средние века гербовыми изображениями становились звери и птицы,

иногда цветы, помещённые на геральдические щиты. Но никому в голову не пришло бы помещать на герб звезду... Его бы, наверное, язычником сочли.

Я привычным движением повернула ключ в ящике стола и, выдвинув его, выложила на стол старое полотно. Отрывок знамени, от которого мало что осталось. Угол его украшала искусно вышитая семиконечная звезда.

Я едва успела коснуться пальцами обрывка, когда за спиной раздался тихий свист – никогда не слышала такого раньше, как будто бумаги смахнули со стола, только громче в несколько раз.

И прежде, чем я осознала, откуда идёт этот звук, сильная рука зажала мне рот.

Я дёрнулась и замычала, попыталась отцепить от себя руку по пальцу, а когда не смогла, замолотила кулаками по столу.

– Уймись ты! – прошипели мне в ухо. Я не сразу поняла, что голос принадлежит тому самому незнакомцу, который надо мной пошутил. Когда же поняла, от неожиданности замолкла, и он продолжал: – Слышишь?

Я прислушалась, но ничего не услышала.

– Они уже близко. Надо уходить.

Мгновение я оставалась неподвижна от растерянности, а потом сообразив, что имею дело с сумасшедшим, быстро закивала.

– Бери знамя и идём.

Он убрал руку от моего рта, и я тут же завопила:

– На помощь!

А в следующее мгновение по стенам комнаты пробежали разноцветные блики. Две вспышки полыхнули по центру, и я увидела два человеческих силуэта в паре шагов напротив меня.

Чего они хотели, я понять не успела, потому что один из них рванулся вперёд.

Тут же Надаэр воздел руку и нападающего отбросило к стене. Он картинно влетел в мой книжный шкаф. Зазвенело стекло, а второй уже бросился в атаку следом за ним.

Краем глаза я видела, как Надаэр чертит в воздухе загадочные знаки, а затем второй пришелец взорвался в прыжке, так что брызги крови разлетелись по обоям.

Я тихонько пискнула – ничего более осмысленного в голову не шло.

– Надо уходить, – упрямо повторил незнакомец. Его случившееся явно не удивило.

Он перехватил мою руку и потянул прочь.

– Постой! Да стой же ты! – я пыталась вырваться, но без особых успехов. – А деньги, документы? Телефон, в конце концов! Мне надо родителям позвонить!

– Они тебе не понадобятся, – коротко отрезал Надаэр.

Он ненадолго замешкался у двери, пытаясь открыть замок.

Я, воспользовавшись случаем, вывернулась из его рук и отступила на шаг назад.

– Нет, так не пойдёт! Я хочу знать какого чёрта здесь произошло!

На последнем слове ощутила мощный толчок в спину и полетела бы кувырком, если бы Надаэр не развернулся и не подхватил меня одной рукой.

Другую он воздел перед собой. Я видела, как там, где его палец проходит сквозь воздух, загорается алый след, а в следующее мгновение за спиной послышались сдавленный крик и грохот.

– Идём.

Надаэр почти что вынес меня на лестничную клетку и бегом рванулся по ступеням вниз.

– Есть же лифт! – попыталась возразить я. Незнакомец проигнорировал мои слова.

Только когда мы оказались во дворе, он замешкался, оглядываясь по сторонам. Надаэр тяжело дышал, я – тем более. Он привалился к стене и не глядя на меня произнёс:

– Обычной дорогой идти нельзя.

– Ок, – только и смогла ответить я.

– Пойдём так, как я пришёл сюда. Главное – не возражай. Твоя воля очень важна. Ты же хочешь, чтобы я тебя от них спас?

– Да... – я растерянно кивнула.

Надаэр снова схватил меня за руку и рванул на себя.

Мы пробежали по переулку несколько шагов, а потом стены зданий стали расплываться, как смазанная фотография.

Трёхэтажные старинные дома в мгновение ока превращались в шестиэтажные, на их месте появлялись современные супермаркеты. Машины появлялись и исчезали раньше, чем мне удавалось поверить, что они несутся на нас.

Сердце стучало всё быстрее. Мне казалось, я слышу топот преследователей за спиной.

«Господи, мои обои...» – билось в голове. «Мои книги... моя жизнь, в конце концов!»

Наконец, хотя я уже окончательно перестала понимать, где нахожусь, Надаэр замедлил ход.

Остановился и повернулся ко мне.

Я бешено вертела головой, пытаюсь понять, куда мы попали. Прошло минут пятнадцать, но это место никак не находилось в четверти часа ходьбы от моего дома или даже в четверти часа бега.

– Какого чёрта? – выдал я ёмкий вопрос. И Надаэр почему-то усмехнулся. Понятия не имею, что в моей раскрасневшейся физиономии показалось ему таким смешным.

– Ты очень мила, – признался он.

– Это не ответ на вопрос о том, что произошло.

Надаэр улыбнулся, уже мягче, и пояснил:

– Ты же понимаешь, что мир не плоский?

– В школе я училась.

– Я не о ваших примитивных представлениях что мир – это шар. Я говорю о четвёртом измерении. Ты понимаешь, что было бы глупо предполагать, что мир – это лист бумаги?

Я моргнула.

– Я не сильна в физике. Допустим, что да.

– Пористая структура мира предполагает, что можно перемещаться по его поверхности – или двигаться насквозь. Что и пришлось сделать нам.

– Так... – осторожно произнесла я. – А те, кто были там... Кого ты убил?

Надаэр дёрнул плечом.

– Они знали, на что шли. А если и нет – глупо надеяться убить слабого и не ждать, что кто-то более сильный, чем ты, придёт за тобой

потом.

– Убить... кого? – уточнила я. – Они собирались меня убить? Но зачем?

– Чтобы не позволить тебе стать новой королевой Аркенора.

Мне стало нехорошо.

– А если я... не собираюсь становиться королевой?

– Боюсь, им всё равно.

Я уронила лицо на ладони и потёрла виски, пытаюсь привести в порядок ворох новостей, кружившийся в голове.

– Так, – согласилась я. – А теперь? Они продолжают меня искать? Они не придут за моей семьёй?

– Думаю... Нет, – сказал он, поразмыслив, – я постараюсь сделать так, чтобы их не нашли.

– Постараюсь?!

– Это самое большее, чем я могу помочь.

– Всё, чем ты уже помог – просто бесценно! – не выдержала я.

Однако, подняв взгляд на спутника, увидела, что ему больше не смешно. Ответной злости на лице тоже не было, и моя остыла в один миг.

– Надаэр, – произнесла я осторожно. – Давай честно. Я боюсь. И абсолютно не хочу идти с тобой.

Надаэр взял мою руку. Поднёс к губам и поцеловал. А затем заставил опустить ниже и засунуть во внутренний карман своей куртки. Пальцы сами собой нащупал листок из плотной бумаги.

– Тяни, – велел он.

Я послушалась, а когда освободила руку, обнаружила, что в ней находится билет. В тусклом свете фонарей мне удалось рассмотреть время отбытия поезда – двенадцать часов. И свою фамилию в углу. Ровно под ней значилось: Элирена, Хранительница Семиокой звезды.

– Что за... – только и выдавила я. – У тебя их целая пачка?

Надаэр с грустью посмотрел на меня и качнул головой.

– Если ты получила его – значит хочешь поехать, Элирена. Я не могу тебя заставить. Никто не покидает свой мир против воли.

Я снова опустила глаза на билет. Хочу поехать? Страх постепенно отступал, и с каждым мгновением я понимала всё отчётливей – да, хочу. Хочу покинуть эти серые улицы и увидеть места, где есть цвет.

Ничто не держало меня здесь, кроме прошлого. Но даже с прошлым я распрощалась сегодня, ещё не зная, какую грань собираюсь пересечь.

Меня никто не будет искать. У меня нет друзей, которых бы действительно волновало, где я и что со мной. Нет мужа. Парня, если на то пошло, тоже нет.

И хотя мне как-то не слишком хочется вступать в другой мир в качестве чьей-то невесты... Тем более в качестве невесты человека, которого я в глаза не видела... Должен же у них там быть развод?

Это, в конце концов, другой мир. И если мне там понравится – я найду способ сбежать от ненормальных, которые прочат мне брак.

А если не понравится... Я тем более найду способ сбежать. Вообще из этого мира.

Мне уже нечего терять. Я по уши увязла в их разборках и меня в любом случае будут искать, чтобы убить.

Я подумала, что это, пожалуй, даже хорошо. Страх исчезает, когда встречаешься с ним лицом к лицу.

– Идём, – произнесла я вслух и подняла глаза на Надаэра. – Где этот твой вокзал?

Спутник повёл в воздухе рукой, и глухая стена растворилась, превратившись в КПП. На сотрудниках железной дороги была незнакомая, чёрная форма, украшенная серебром.

Надаэр извлёк из того же кармана свой билет и протянул одному из них.

Взглядом показал мне сделать то же самое.

Сотрудник тщательно осмотрел оба билета, едва заметно поклонился и сделал рукой приглашающий жест.

Мы прошли сквозь узкий проход, зажатый между двух служебных будочек. Пересекая невидимую черту, я ощутила, как бёдер касается слабый электрический разряд. Надаэр коснулся моего плеча, как бы давая понять, что беспокоиться не о чем.

Я остановилась по другую сторону и огляделась по сторонам.

– Вот чёрт... – не удержалось на языке.

ГЛАВА 5

Поезд ожидал на седьмом пути. Я завидела его сразу и сразу узнала среди всех других поездов.

Он был светло-голубым, и крышу над кабиной машиниста украшало вырезанное из дерева изображение крылатой девушки – как на старинных кораблях. Машинист в синем кителе с крупными пуговицами и серебряными эполетами стоял на платформе и курил трубку.

Но его я разглядела уже потом.

Первым, что бросилось мне в глаза, было множество людей, мало походивших на тех, что я привыкла видеть на улицах своего города.

Девушки в длинных платьях самых разных фасонов – открытых и закрытых, в шароварах из тонкой ткани, как у восточных одалисок, и в коротких плотных рединготах, как в викторианской Англии. В кринолинах с веерами и, кажется, даже в античных туниках.

Мужчины, одетые не менее разнообразно – многие в военной форме прошлых столетий, другие – в плащах без рукавов или коротких мушкетёрских накидках. Все они, конечно же, бродили, переговаривались, выбирали сладости на разложенных под открытым небом лотках.

Вопросов было столько, что у меня отнялся язык и, пользуясь моим состоянием, Надаэр подтолкнул меня вперёд – к платформе, у которой стоял наш экспресс.

– Это пересадочный пункт, – пояснил он. – Как и большинство вокзалов. Путешествовать между мирами не так легко. Нужно пройти определённые точки. Точки, в которых соприкасаются разные миры. Иногда приходится несколько раз сменить экспресс, чтобы построить маршрут через все, нужные тебе.

Я молча следовала вперёд, ведомая его рукой. У меня не было слов. Наконец, я сумела сформулировать первый вопрос:

– Все они люди.

– Не совсем, – когда я поймала взгляд Надаэра, мягкая улыбка играла на его губах. – Но этим способом перемещения пользуются те, кто наиболее похож на вас.

– На вас, – повторила я, пока не совсем понимая смысл этих слов. – Есть и другие способы?

Надаэр кивнул и подтолкнул меня к одной из открытых дверей поезда. Протянул билет стоявшему у входа проводнику – обычному мужчине средних лет, выглядевшему слишком тускло для той формы, которую он носил.

Я последовала примеру спутника, и проводник провёл пальцем сначала по одному билету, затем по другому. Вернул их нам, и мы с Надаэром вошли в вагон.

Как и в обычных «человеческих» поездах вдоль окон шёл длинный коридор, с одной стороны которого протянулся ряд дверей.

– Способов множество, – продолжил Надаэр, подталкивая меня вперёд. – Люди любят давать им символические названия... «Машины пространства», «Врата»... но есть куда более необычные, некоторыми из которых владеют только представители других рас.

– А есть расы, которые существуют сразу в нескольких мирах, как в кино?

– Нет. Одновременно можно находиться только в одной реальности. Зато есть пространства, обитатели которых вообще не могут покинуть собственный мир. Но... это очень долгий разговор, – Надаэр нажал на панель в стене. Дверь, находившаяся рядом с нами, отъехала в сторону.

– А магия? – спросила я, вспомнив странные знаки, которые он чертил в воздухе у меня дома. – Магия тоже есть?

– То, что вы называете магией – законы физики, отличные от законов физики вашего мира. Некоторые расы умеют ими управлять без использования сторонней техники. Ну... или, иногда, с ней.

Я, впрочем, уже не слышала его ответа, потому что с удивлением разглядывала то место, которое находилось за дверью.

Комната была таких же размеров, как обычное купе, может, немного шире. Между двумя узкими койками располагался маленький столик, на котором стоял чайный сервиз.

Однако обе полки покрывала ткань, расшитая золотом. Над окном висели шторы из плотной ткани с такой же вышивкой. Да и сам сервиз даже на вид выглядел очень изысканным и дорогим.

– Входи, – Надаэр не очень вежливо подтолкнул меня вперёд, – люди ждут.

Я послушно вошла. Выбрала полку справа и опустилась на неё. Надаэр сел на свою.

– Не сомневаюсь, что у тебя тысяча вопросов, – сказал он, стягивая с плеч куртку и оставаясь в одной чёрной футболке. Стащил с волос резинку и позволил им рассыпаться по плечам густой чёрной волной. Эти простые действия почему-то произвели на меня чарующий эффект. Надаэр сразу показался совсем неземным. Я разглядела, что глаза его имели необычный густо синий цвет. Тело было сильным, а лицо очень правильным – не считая носа, длинного и хищного. – Я не смогу рассказать тебе всего за те несколько часов, что мы проведём здесь, – продолжил он.

– Несколько часов?

– Да. Я же говорил – у нас транзитный маршрут.

Я лишь тупо кивнула.

– Там, – он ткнул пальцем в стену возле моей полки, и только теперь я увидела в ней дверь, – душ. Если ты не собираешься туда прямо сейчас, то пойду я.

Я кивнула. Ещё недостаточно пришла в себя, чтобы принимать подобные решения.

– Как только поезд тронется, зайдёт проводник, предложит чай. Возьми и для меня.

– Всё как всегда, – произнесла я. Почему-то эта обыденность поразила меня даже сильнее, чем сам факт, что я отправляюсь в другой мир.

– Да. В других мирах тоже пьют и едят.

– И принимают душ.

Не удостоив меня ответом, Надаэр встал и шагнул за дверь.

Я отвернулась и уставилась за окно. Перрон медленно прокатывался назад. Необычайно остро я ощутила, что всё, чем я жила до этого дня, остаётся позади.

Вот так сразу.

Ещё утром я проснулась с мыслью о том, что снова, как обычно, ничего не произойдёт. Ещё один серый день в череде из множества таких же дней. Если бы я знала, что больше никогда не увижу свой

город и свой дом, возможно, прожила бы его совсем иначе. А может, именно так, как теперь.

Ощущение свободы заставило меня улыбнуться, и такой, с улыбкой на губах, меня застал голос Надаэра.

– Можешь идти, – сказал он. – А потом советую подремать. У нас будет тяжёлая ночь.

Я поймала в стекле контуры его отражения и невольно обернулась. Надаэр был почти обнажён – только белое полотенце обнимало бёдра. Плечи у него были не слишком широкие и тело скорее стройное, чем мощное, но всё же гибкое и сильное. Неожиданное желание провести пальцами по линиям мускулов, проследить след капельки, сбегавшей по животу вниз, оказалось необычайно острым.

Я моргнула, удивляясь собственным мыслям. Вроде бы ничего подозрительного не пила – не ела. До этого момента никогда не заглядывалась на подобных мужчин.

Но Надаэр сейчас выглядел просто красивым, как античная статуя, без каких-либо оговорок, и он притягивал к себе. С удивлением я вспомнила собственные слова о том, что никогда не стала бы доверять такому, как он, и подумала, что несколько часов назад тот выглядел пародией на самого себя. Я видела много таких пародий в нашем мире – небритых, нечистоплотных мужиков, мнивших себя мужественными красавцами из романтических книг.

Надаэр не мнил. Он просто был. И он манил приблизиться, прикоснуться к себе.

– Кто ты? – поддаваясь неожиданному порыву спросила я.

– Моё имя Надаэр, – повторил он то, что я уже знала. – Надаэр Волхонский. Третий перст Геллоры, доверенный посол её сына, Асмодея.

– Да... Асмодея... – упоминание о женихе резко остудило мой пыл. И как меня угораздило подписаться на подобную дребедень? Выходить замуж за мужчину, которого я даже не видела никогда...

Я отвела взгляд и встала, чтобы пройти в душ, но купе оказалось неожиданно узким и, чтобы миновать Надаэра, пришлось почти вплотную прижаться к нему.

Горячее дыхание обожгло шею, посылая по телу пьянящее пламя. Я поняла, что схожу с ума. Отметила про себя, что надо поподробнее

расспросить про этот идиотский брак, и торопливо протиснулась в дверь душевой.

Соседнее помещение оказалось размером с наше купе. Сбросив одежду и повесив её на крючок, я отошла за прозрачную перегородку и тут же мне в лоб ударили струи воды. Я едва не задохнулась, но довольно быстро опомнилась и расслабилась. Постояла несколько минут, пока не поняла, что начинаю засыпать, и, обмотавшись полотенцем, выскользнула назад.

Похоже, в моё отсутствие заглядывал проводник, потому что Надаэр, удобно устроившись на своей полке, потягивал чай.

– Каковы наши планы на завтрашний день? – поинтересовалась я, укладываясь на свою. Есть и пить мне тоже хотелось, но куда больше хотелось спать.

Надаэр обернулся и посмотрел в окно. Стемнело и теперь по ту сторону стекла проплывали силуэты елей, едва различимые в ночи.

– Они могут проследить этот рейс, – сказал Надаэр, – но чем ближе к Аркенору, тем меньше у них шансов. В нашей реальности они ничего не смогут сделать со мной.

Я кивнула. Хотелось верить в его слова. А Надаэр говорил так, что сомневаться в них было просто невозможно.

– Но дорога займёт несколько дней, – остудил он мой пыл. – И пока мы не добрались до места, остаётся риск.

– Ты сказал, что позаботишься о моих родных.

– Да... в твоём мире остался один... человек... Я попрошу его взять это на себя.

Я кивнула. И снова Надаэру хотелось доверять.

– Что ты делаешь со мной? – постепенно проваливаясь в дрему, пробормотала я. – Какой-то гипноз.

Короткая грустная улыбка проскользнула по его губам.

– Нет. Я бы не стал. Ты слишком плохо знаешь меня, раз можешь такое предполагать.

– Не стал? – уточнила я. – Значит, можешь?

– Могу кое-что.

– И кстати... те знаки, которые ты чертил в воздухе... – я попыталась повторить один из них, но Надаэр быстро перегнулся через проход и схватил меня за запястье.

– С этим не стоит шутить, – резко произнёс он.

Я пошире раскрыла один глаз, рассматривая выражение его лица.

– Значит, я тоже могу... – подытожила я.

– В тебе – кровь аркенорских князей. Но она очень слаба. Что-то ты сможешь. Но вряд ли столько же, сколько я. Не говоря о том, что для владения этой силой надо обучаться много лет.

Слова Надаэра конечно же опечалили меня, и я не стала продолжать этот разговор. Высвободила руку и отвернулась к стенке.

Так я и уснула, а проснулась от того, что Надаэр тряс меня за плечо.

– Пора, – сказал он.

Поезд стоял. За окнами сгущались сумерки, и замер незнакомый вокзал.

– Поторопись, стоянка десять минут.

Последние слова заставили меня окончательно проснуться. Я соскочила с кровати и принялась натягивать футболку и джинсы.

Через десять минут мы уже стояли на перроне полностью одетые, а поезд скользил по рельсам, удаляясь от нас. Я оглядывалась по сторонам, пытаюсь понять, сплю ли я по-прежнему или уже нет.

– Не стоит покидать вокзал, – сказал тем временем Надаэр. – Идём. Я сниму комнату, и ты сможешь ещё немного поспать.

ГЛАВА 6

Вот так и началось это странное путешествие, больше похожее на сон, где двуглавые кони летают среди поездов, а время и пространство играют в чехарду.

Теперь я медленно спускалась по идущей полукругом лестнице – слишком большой для того здания, в котором мы собирались разместиться на ночлег, но поскольку моё логическое мышление стало основательно сбоить ещё несколько часов назад, я решила просто не задумываться и не сомневаться ни в чём.

Почти что весь первый этаж занимал ресторан. Мне было бы куда интереснее выбраться за пределы гостиницы и посмотреть город, но я сильно подозревала, что Надаэр этого не допустит – и угадала.

Стоило мне миновать поворот лестницы, как он вырос из ниоткуда прямо передо мной и перегородил путь.

– Моя княжна желает поужинать перед сном? – насмешливо поинтересовался он. Улыбка играла на его губах и искорками отражалась в глазах.

– А ничего, что ты вот так прилюдно называешь меня принцессой? Нас не выследят, пользуясь твоей болтливостью? – в тон ему поинтересовалась я.

– Князей и принцев в несколько раз больше, чем миров. Конкретно сюда ведут дороги примерно из сорока шести. Так что... думаю, нет. Никого не смутит то, что со мной путешествует княжна.

Я хмыкнула и, перегнувшись через перила, изучила взглядом ресторан. Место было более чем респектабельное. За аккуратными круглыми столиками, укрытыми белыми скатертями, сидело несколько одиночек. Ещё одна компания устроилась на балкончике в полумраке в самом тёмном углу. Таких балкончиков с витыми оградами в ресторане было два, а между ними расположились бильярдные столы.

– В других мирах тоже играют в бильярд, – подметила я, решительно спускаясь по оставшимся ступеням.

– Это вы заимствовали его у нас, – ответил Надаэр. Я почти физически ощущала на спине его пристальный взгляд.

Стараясь игнорировать это настырное внимание и убеждая себя, что если теперь я – княжна, то к этому надо привыкать, я выбрала столик на другом балкончике, тоже стоявший в углу, и устроилась за ним.

Надаэр, похоже, был не слишком доволен моим выбором, но всё-таки опустил ся напротив меня.

Стройная девушка в длинном платье с белым фартуком и волосами, собранными в аккуратный пучок на затылке, приблизилась к нам.

– Желаете посмотреть меню? – поинтересовалась она.

– Для начала, можно вина? – спросила я.

Надаэр напрягся ещё сильнее.

На стол передо мной тут же легла винная карта и при виде множества названий, половина которых вообще была записана неизвестными иероглифами, у меня тут же зарябило в глазах.

– Чёрную кровь, – выручил меня спутник. – Два. И отбивные с овощами.

Стоило девушке отойти на пару шагов, он снова пристально посмотрел на меня.

– Не стоит наедаться перед сном, если среди ночи, возможно, придётся убежать.

– Окей, кэп. Что ещё?

– Никогда не садись в ресторанах в таких углах, из которых трудно будет добраться до выхода. И пожалуйста, – он сделал особенный напор на это слово. – Не садись у стены. Потому что тебе всё равно, а я должен видеть вход.

– Хорошо, – это поучение вызвало неожиданную злость. – Может, составишь мне список правил, которым должны следовать княжны?

– Их миллион. И не мне тебя им учить. Моя задача только целой доставить тебя во дворец.

– А что потом? – в груди неприятно кольнуло. Надаэр промолчал.

Появилась официантка с подносом и всё так же, в молчании, мы принялись за еду.

Присутствие Надаэра нагоняло на меня тоску, хотя умом я и понимала, что мне должно быть всё равно. Было что-то нечестное в том, что он похитил меня из моего мира – и похитил не для себя.

Нет, формально, я вроде как согласилась сама... Но от того, что никто меня не заставлял, становилось ещё грустней.

Наконец ужин подошёл к концу, Надаэр расплатился и мы стали подниматься наверх. Здесь, в городе, который Волхонский назвал Перекрестьем, время отставало от времени моего мира на несколько часов и до рассвета оставалось ещё довольно долго.

Надаэр замер в дверях, то ли ожидая, что буду делать я – то ли опасаясь, что я снова попытаюсь покинуть гостиницу.

– Я в ванную, – объявила я, поняв, что он не сдвинется с места, и направилась к соответствующей двери. Душ в поезде это, конечно, хорошо, но никак не заменит нормальных домашних водных процедур. Тем более, что за дверью оказалось нечто подозрительно напоминавшее джакузи. Включив воду, я избавилась от одежды и нырнула в неё, а когда вернулась в общую комнату, князь сидел у окна и покручивал в руках какой-то блестящий предмет. Только приблизившись на пару шагов, я смогла разобрать, что это кольцо – но Надаэр тут же спрятал его в карман.

– Просто хотела немного больше узнать о наших планах, – я развела руками, пытаясь продемонстрировать, что не опасна. – Ты взял билет на утренний поезд. Так? Что потом?

Надаэр отвернулся от меня и снова уставился за окно.

– До Аркенора не идут поезда, но ближайший вокзал находится в нескольких часах пути от последней необходимой точки перехода. Легче всего было бы воспользоваться ей. – Надаэр замолк.

– Но... – подогнала я его.

– Такое путешествие займёт всего пару дней, – продолжил он. – Скорее всего наш противник ожидает нас у этих Врат.

Надаэр поднял глаза на меня и умолк.

– Не бери в голову, – вдруг произнёс он. – Ложись. Я придумаю что-нибудь.

Я нахмурилась, не зная, как отнестись к этой резкой смене настроения, но Волхонский явно не был настроен говорить. А мне действительно хотелось спать. Потому я скользнула под одеяло на единственную нашу кровать и повернулась к нему спиной.

Заснуть удалось легко, и только через какое-то время сквозь сон я почувствовала, как кровать с другой стороны приминается – Надаэр укладывался ко мне. Он, конечно же, лёг как можно дальше и ни разу не соприкоснулся со мной до самого утра. А как ещё могли бы спать в одной кровати два человека, которые знают друг друга второй день? Однако, проснувшись, я долго не могла избавиться от смутного разочарования.

Под утро начался дождь и вставать не хотелось абсолютно. Однако Надаэр растолкал меня ещё до рассвета, и, спешно одевшись и не глядя друг на друга, мы стали спускаться вниз.

– Позавтракаем, – сказал он. – У нас есть ещё с полчаса.

Я кивнула и следом за ним направилась в ресторан.

На сей раз я слишком плохо соображала, чтобы выбрать место, и Волхонский сам занял столик у самых дверей в сторону вокзала.

Несмотря на то, что за окнами было темно, в воздухе повисла смутная тревога и даже я чувствовала, что нужно спешить.

Мы заказали яичницу и кофе и так же в молчании я принялась запихивать её в рот.

– Ты что-нибудь решил? – вяло поинтересовалась я. Ехать никуда не хотелось – только вернуться в уютную кроватку и досыпать.

– Факт, что придётся двигаться обходным путём, – начал было Надаэр и замолк. Я увидела, что взгляд его устремлён на двери, через которые в ресторан только что вошли двое людей – мужчина и женщина. Оба в серых пальто с чёрными капюшонами на головах.

– Пошли-ка в номер, заберём кое-что, – сказал он, доставая из кармана пару купюр – я заметила, что это уже не рубли.

– Я кофе не допила... – осторожно произнесла я.

– Пошли! – прошипел князь, наклоняясь ко мне.

Я сочла за благо подняться из-за стола и последовать за ним.

Надаэр пересёк весь зал и открыл ту дверь, через которую мы пришли. Отошёл в сторону, пропуская меня вперёд.

Я шагнула через порог и выдохнула, обнаружив, что на сей раз дверь ведёт вовсе не в гостиничный холл, а напрямик на перрон. Однако оглядеться мне никто не дал – Надаэр подтолкнул меня в спину и вышел следом за мной, а затем захлопнул дверь.

– Они быстро разгадают этот фокус. Так что надо спешить.

– Они? – переспросила я. – Ты думаешь, те двое?..

– Очень может быть.

Волхонский взял меня за руку и потянул вдоль перрона.

– Жаль, что билет уже не поменять. Но будем надеяться, они не поняли, какого поезда мы ждём.

Я молча следовала за ним – дыхания не хватало на то, чтобы говорить.

– Есть ещё две пересадочных станции. Одна будет в десять часов утра, другая – в шесть вечера. Я хочу, чтобы ты знала о них на случай, если нам придётся разлучиться. Вот, возьми, – Надаэр замедлил ход и сунул мне в руки бумажник. Открывать его я не стала – было не до того. Князь заметил, что я не знаю, куда его деть, быстро стянул куртку и накинул мне на плечи. – Возьми, – пояснил он. Я только кивнула.

– Что потом?

– Выйдешь, спросишь в кассе билеты... только не в Аркенор. Тебе нужно добраться до вокзала Лехштольг. Будем надеяться, что там нас будут встречать. Но если увидишь, что те, кто тебя ждёт, выглядят подозрительно – немедленно уходи.

Я кивнула, хотя по-прежнему понятия не имела, как отличить одних от других.

– Вторая точка перехода находится в море, – продолжал тем временем Надаэр. Он снова схватил меня за руку и продолжил путь вдоль перрона. – Тебе нужно будет добраться до порта Лекор и сесть на корабль, плывущий на восток.

– Ты правда думаешь, что я смогу добраться до этого вашего Аркенора без тебя?! Через кучу пересадок во множестве миров?

Надаэр напряжённо зыркнул на меня через плечо.

– Я очень надеюсь, что до этого не дойдёт.

– Да я скорее попробую вернуться домой!

– Это будет самым глупым, что ты только сможешь сотворить! – Надаэр едва не остановился, но, видимо, поразмыслив, решил не сбавлять ход. Только бросил на меня испепеляющий взгляд. – Они уже знают, кто ты и где ты жила. Там тебе покоя уже не дадут. Единственная твоя надежда – попасть под защиту Асмодея. Или кого-то не менее могущественного, чем он.

«Калерон» – вспыхнуло в памяти имя второго принца. Но я тут же качнула головой – прямо сейчас ни один из принцев ничем не мог мне помочь.

Надаэр, кажется, хотел сказать что-то ещё, но в это время раздался свисток и по рельсам оглушительно загрохотал состав.

Мы замерли, ожидая, когда он остановится и, едва открылись двери, протянули билеты проводнице и вскочили в вагон. Никто не выходил, так что мы спокойно добрались до своего купе.

Здесь обстановка была не настолько претенциозной, но полка тоже было две и тоже имелась дверь в душ. Я уселась на одну из них – правую, как и в прошлый раз – и огляделась по сторонам.

– Телевизор бы, – буркнула я, представив, что мне снова будет нечем заняться всю дорогу, кроме как спать.

Надаэр не ответил. Он смотрел в окно на удаляющийся перрон.

Двое в серых пальто стояли в отдалении, но мне показалось, что они тоже смотрят на нас.

ГЛАВА 7

Сизая равнина медленно проплывала за окнами. Город подошёл к концу довольно быстро, а дальше по обе стороны воздушной железной дороги тянулись самые обычные предместья – где-то запустелые, где-то отстроенные заботливыми руками. Иногда они сменялись длинными полосами деревьев, шелестевших зелёной листвой. И по всему этому – по листьям и крышам, и сизой траве – неустанно барабанил дождь.

В первые часы мы почти не разговаривали друг с другом – я смотрела за окно, Надаэр дремал. Терпеть не могу людей, которые умудряются спать везде и всегда, большую часть суток... И постепенно он начинал меня раздражать.

– Ты решил, будем ли мы сходить? – наконец попыталась прервать это бесконечное молчание я.

Надаэр приоткрыл один глаз. Задумчиво посмотрел на меня.

– Надо понять, сумели ли наши противники нас опередить.

– И... как?

С явной неохотой вырываясь из оков сна, Надаэр сел. Потянулся. И принялся шарить по карманам, пока, наконец, не извлёк из одного похожий на зеркальце с крышкой предмет.

– Магистр? – произнёс он, сразу же открывая предмет.

Мягкий бархатистый голос ответил ему на незнакомом языке – и тут же сам Надаэр тоже перешёл на этот язык.

Они обменялись ещё несколькими репликами – на мой взгляд, абсолютно невежливо оставив меня в стороне от разговора – а затем князь захлопнул средство связи и повернулся ко мне.

– Для нас проверят путь, – пояснил он. – От нас пока ничего не зависит. Остаётся только расслабиться... и отдыхать.

В отличие от Надаэра, я наотдыхалась на девять жизней вперёд, и потому продолжила к нему приставать:

– Кто это был?

Волхонский помолчал, как будто подбирал для ответа слова.

– Это мой наставник, – почему-то мне показалось, что ему неловко говорить эти слова. – магистр Ордена Теней. В его

распоряжении достаточно людей и они отправятся к точке перехода. Вступать в прямую конфронтацию им нельзя, но они предупредят нас, если там есть враг. А если нет – просто дождутся.

Надаэр

Наконец девчонка отстала и умолкла.

Недавняя череда переходов вкупе с небольшим сражением стоила мне немалых сил, а ночью поспать толком не удалось – глаз невозможно сомкнуть в одной кровати с ней.

Королевская кровь безусловно заметна в каждом, в чьих жилах она течёт. Но мне казалось, я давно уже привык находиться среди принцев и князей. Однако сила, пульсирующая в хрупком теле этой девочки, так и норовила пустить мне в сердце электрический разряд.

– Расскажи мне о нём, – снова оживилась Элирена.

Я подавил вздох.

– О ком? – спросил я, хотя и так знал ответ.

– О принце Асмодее. Так его зовут?

Я помолчал, размышляя, с чего начать. Принц Асмодей составлял такую огромную часть моей жизни, что я не знал, как вместить её в нескольких словах.

– Ему двадцать два года, – наконец начал я. – Но он успел пережить столько, сколько не каждому удаётся увидеть и к сорока. Принц Асмодей – законный сын последней императрицы Аркенора. Он умен и бесстрашен но... Некрасив. Однако, я искренне надеюсь, что ты не судишь о людях по красоте.

Элирена промолчала, и я продолжал.

– Ему было двадцать, когда люди Калерона захватили его в плен. Асмодея пытали, пытаясь заставить отречься от права на престол. Это длилось почти полгода, и даже мать успела проститься с ним. Никто из нас не знает, что он пережил, – я невольно стиснул кулак. Однако взял себя в руки и продолжал: – Когда нам удалось его отыскать, лицо и тело принца оказались изранены – но он обрёл великую силу. Силу, которая давно уже не пробуждалась ни в ком из королей. Тем более, теперь я уверен, что он – самый истинный претендент на престол.

Я перевёл дух, размышляя, как уложить в несколько слов всё, что произошло потом.

– Через некоторое время императрица покинула наш мир. Это сложно объяснить, потому что это не совсем смерть... но больше её нет. И с тех пор, вот уже год, Аркенор тонет в многовластии, которое никак не удаётся прекратить. Магистр уверен, что если пробудить силу Асмодея, он сможет окончательно утвердить своё право на престол. Но для этого он должен вступить в брак. Люди Калерона не позволят ему сделать этого так легко.

Я замолк, невольно погрузившись в воспоминания о том, в каком плачевном состоянии оставил Аркенор, когда уезжал.

– Но у меня не было выбора, – вслух произнёс я. – Кто-то должен был отыскать ту, что сможет стать супругой моего принца. Не только ту, в ком течёт королевская кровь... Но и ту, кто абсолютно точно неподвластен Калерону. Тебя. Я искал тебя... Много месяцев. Это было куда сложнее, чем ты можешь представить. И здесь не помогла бы никакая магия. Но вот... Наконец нашёл.

Я повернулся к Элирене и посмотрел на неё в упор. Тело пробила дрожь от того взгляда, которым она смотрела на меня.

– А ты сам? – глухо спросила она. – Расскажи о себе. Только не надо снова повторять, что ты князь. Я даже не знаю, насколько этот статус для вас высок.

Я вздохнул и отвернулся к окну.

– Тебя не должно это интересовать, – ответил я. – Я просто тень. Перст императрицы. Стану перстом императора, когда Асмодей наконец займёт свой трон.

Я виском продолжал ощущать, как взгляд Элирены прожигает меня насквозь.

Я сел и опустив руки на колени, сцепил их в замок.

– Послушай, – проговорил я как мог убедительно. – Я помню времена, когда мой мир, Аркенор, был прекраснее всех других миров. Я много странствовал и видел много иных земель, мне есть с чем сравнить. Сегодня... Сегодня он погрузился в сумерки. Хаос царит в городах. И нам, к тому же, грозит война. Если в ближайшее время законный правитель не взойдёт на престол – всё, что я люблю, погибнет. Вот моя история. Другой я тебе дать не могу.

– Я думаю, – неожиданно вкрадчиво произнесла Элирена, – это не всё.

Я поджал губы, силясь одолеть накатившую злость.

– Не всё, – вынужден был согласиться я. – Это я должен был уберечь принца – и не уберёг. Когда мне удалось вернуть его из плена... Израненным и умирающим... Я понял, что теперь не могу быть перстом. Я ушёл и больше не появлялся в Пандемониуме почти год. Часть времени провёл в одиночестве. Другую – странствуя по иным мирам. У меня была женщина... Там, при дворе.

– Твоё кольцо... – выпалила Элирена. Я предпочёл не прерываться на этот возглас.

– Калерон отомстил ей – вместо меня.

Элирена видимо собиралась спросить что-то ещё, но, к счастью, её прервал звонок.

Я поспешно достал из кармана аррак и приветственно кивнул, увидев на экране лицо магистра.

Лицо Торвана выглядело ещё более обеспокоенным, чем в прошлый наш разговор.

– Что? – сразу же спросил я.

– В Лехштольге замечено шестеро владетелей пространства.

– Шестеро – это немного, – я облегчённо улыбнулся, – с шестерыми я справляю без проблем.

– Это элита, Надаэр. И ты не можешь рисковать.

Теперь уже помрачнел и я. Если бы не Элирена, я, безусловно, предпочёл бы бой.

– Хорошо, – согласился я. – Пойдём через Лекор.

– Нет, – Торван качнул головой. – В Лекоре беспорядки. Если кто-то узнает, что с тобой возможная принцесса-невеста...

– Ты прямо поставил задачу утопить меня в радости! – не сдержался я. – Или осторожно и скрытно пройдем через Лекор, или нужно принимать бой. Но ты знаешь – в скрытности я не силён.

– Есть ещё одна проблема, – продолжил Торван, как будто и не слышал моих слов. – Ты вообще знаешь, кто их послал?

– Ренвил говорит, что это Калерон... – я запнулся, поняв внезапно, что другой перст так до конца этого и не сказал.

– Мои посланцы не узнали никого из них. Конечно, Калерон может использовать наёмников – но наёмники уровня элиты это уже

крайне неприятный сюрприз.

– Ты всё-таки предлагаешь мне их убить? – с надеждой переспросил я.

– Вас не учили, что больше двух говорят вслух? Ну и на всем понятном языке! – вклинилась Элирена. Я покосился на неё.

– Ладно, – закончил я на аркенорском, снова обращаясь к наставнику. – Я иду через Лехштольг. Приготовлю теневой туннель – на случай, если всё же придётся отступить. Если всё пройдет хорошо – к вечеру будем у вас.

Я захлопнул аррак.

– Приготовься, – продолжил уже для Элирены. – Остановка через полчаса. Возможно будет бой.

Они стояли на платформе – трое перегородили проход к вокзалу. Ещё трое скрывались в толпе, но я чувствовал их издалека.

Все шестеро – в длинных серых плащах. И Торван прав – это странно. Калерон предпочитает красные цвета.

Жаль, что я не догадался расспросить тех двоих, которых видел в прошлый раз.

– Кого-то ищите? – издали крикнул я. Ветер бил в лицо, трепал волосы и относил в сторону слова. Дождь утих, но небо оставалось таким же хмурым, как и несколько часов назад.

– Встречаем друзей, – ответил тот, что стоял посередине звена.

Я подал Элирене знак держаться в шаге позади меня и приблизился к ним ещё немного – так, чтобы удобнее было вести разговор.

– И кто же вас послал? – с улыбкой спросил я.

– Никто, – незнакомец так же улыбнулся. – Мы сами по себе.

Вот это абсолютно точно ложь. Сами по себе они не могли устроить облаву сразу в трёх городах.

– И как же выглядят ваши друзья? – краем глаза я пристально наблюдал за тем, как вторая троица подтягивается к нам.

– Они похожи на вас, – признался собеседник. Я снова сосредоточился на его лице, пытаюсь понять, мог ли где-то его встречать. Суровое, со впавшими щеками и жёсткими короткими

волосами. Другие двое – похожи на него. И совсем не похожи на тех повелителей пространства, которых я встречал.

Боевая магия в Аркеноре доступна многим, хоть и не всем. К тому же, её нужно изучать. Так или иначе, обычных варлоков достаточно, чтобы формировать из них отряды на случай войны.

Однако, играть пространством, как я сделал там, на перекрёстке, когда совместил две точки и заставил дверь открыться на перрон, могут только те, в ком течёт королевская кровь.

Не всегда они обладают другой магией. А к тому же не всегда их силы хватает на то, чтобы использовать её всерьёз – кто-то может только в балаганах выступать, перемещая монетки из кармана в кулак, из одного напёрстка в другой.

Тех, кто овладел обоими направлениями мастерства, мы и называем элитой. Из них формируются гвардейские полки и тайные отряды, предназначенные выполнять поручения высокопоставленных особ. И три наиболее приближённых к императрице называли себя – три перста. Конечно, когда императрица ещё была жива.

– Отдай нам наследницу Элайи, – произнёс незнакомец, пристально глядя на меня. – И можешь идти. Мы не желаем ни тебе, ни твоему магистру никакого вреда.

Смешно. Я так и собирался сказать, когда проклятая наследница выступила из-за моей спины и потребовала:

– Мне кто-нибудь объяснит наконец, кто такая Элайя?

ГЛАВА 8

– Мне кто-нибудь объяснит, кто такая Элайя?

Я подумала и добавила:

– И заодно – какого чёрта меня называют Элиреной? Мама с папой называли меня не так!

Я прекрасно понимала, насколько рискую, задавая этот вопрос именно сейчас. Как-никак запомнила, на что способен Надаэр – а судя по его насторожённому лицу, наши встречающие тоже обладали немалым талантом.

Но я так же отчётливо видела, что Волхонский говорит мне слово через два. И хотя я никогда не была сильна в интригах и часто попадала впросак – именно потому, что слишком часто попадала впросак – привыкла помнить о том, что нельзя вестись на слова первого, кто принимает тебя в коллектив.

У этих ребят явно была своя тусовка со своими принцами, разборками за власть и сложной историей отношений на тему «кто с кем спал». И потому я чувствовала, что должна услышать ещё одну версию событий – скорее всего такую же неправдоподобную, как и та, которую поведал мне Надаэр. Но всё-таки содержащую крохи информации.

– Благородный князь Надаэр тебе не рассказал? – с любопытством поинтересовался человек в сером пальто. Видимо, главный среди них всех. Он перевёл взгляд с Волхонского на меня, и я краем глаза заметила, как шевелятся пальцы Надаэра, как будто перебирая невидимые струны.

Заметил ли это наш собеседник – я не знала. Но двое, стоявшие по обе стороны от него, явно тянулись к каким-то предметам, спрятанным под пальто. Что у них там? Мечи, как у горца? Автоматы? Мне не очень-то хотелось проверять.

– Если ты последуешь за нами, я с удовольствием расскажу тебе всё, что знаю сам, – продолжал тем временем он. – Здесь холодно и сыро. Просто пройдем на вокзал.

– Элирена... – шёпотом окликнул меня Надаэр.

Я колебалась. Конечно, я понимала, что он заманивает меня под крышу неспроста. Но как ещё узнать ответы на свои вопросы?

Я шагнула вперёд и в то же мгновение заметила, как женщина в таком же сером пальто, как и те, кто стоял напротив нас, отделяется от толпы проезжих и бросается в сторону Надаэра.

То, что произошло дальше, не укладывалось у меня в голове.

Её серое пальто стремительно теряло очертания, превращаясь в сизую дымку. Там, где только что были человеческие руки, теперь из серого тумана проглядывали отточенные металлические когти. Волосы тоже превратились в дым, а лицо стало похоже на ярко размалёванную фарфоровую маску.

Всё это я едва успела заметить, потому что тварь всем весом ударила о Надаэра, опрокидывая его на спину. На земле завязалась борьба, но я этого уже не видела, поскольку подалась назад, стараясь увеличить расстояние, отделявшее меня от противников. То, что разговора не получится, теперь уже было ясно как день.

Я судорожно пыталась сообразить, что делать, но тело сковал страх. Их всё ещё было трое, не считая той, что атаковала Надаэра, и ещё двое неторопливо, как в замедленной съёмке, двигались к нам издалека.

Я прекрасно знала, что не справилась бы и с одним.

Люди, скопившиеся на платформе, казалось, не испытывали никакого интереса к происходящему – только те, кто находился к нам ближе других, поспешили очистить место схватки.

Я продолжала отступать, чувствуя, как с каждым мгновением тело всё сильнее сковывает страх, пока не обнаружила, что упираюсь в чьё-то холодное тело спиной.

Инстинктивно закричала и толком не соображая, что делаю, ударила его локтем в живот. Развернулась, пытаясь понять, кто стоял у меня за спиной, и к своему удивлению обнаружила, что тело врага окутало белое пламя. Он закричал, вторя мне, и так же точно стал отступать назад. В глазах его отразился ужас.

– Взять! – рявкнул тем временем главарь. – Она не владеет собой! Сила Элайи ещё слаба!

Надаэр

Я не рассчитал. Следовало ждать, что они нападут без предупреждения – но их слова сбили меня с толку. И когда химера бросилась в атаку, мне потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

К тому времени я уже лежал на земле, а значит, магию использовать было поздно.

Подготовленный туннель активировать тоже нельзя – для этого нужно встать и убедиться, что Элирена находится рядом.

Таможня ни одного из миров не пропустила бы меня с оружием, и потому с собой не было даже ножа. Всё, что оставалось – бороться руками с проклятой тварью, в надежде столкнуть её с себя. Довольно бестолковое занятие – всё равно, что бороться с дымом от сигарет.

Тварь, впрочем, тоже никак не могла попасть когтями мне по лицу. А я прекрасно знал – что другого оружия у неё нет.

Наконец, она сменила тактику, и когда я заблокировал удар сверху, резко всадила когти мне под ребро.

Я не сдержал невольный вскрик. Кислота, проникая в тело, стремительно сжигала плоть.

Краем глаза я видел, как одну из тварей объял огонь – но осмыслить случившегося не смог.

Не знаю, чем закончился бы этот бой, если бы ещё одна тень не заслонила небо.

Стальной клинок промелькнул в сумраке, отделяя голову химеры от призрачного тела. Я едва успел откатиться в сторону, чтобы ядовитая кровь не попала на кожу – а в следующий миг новый участник событий протянул мне руку, помогая встать.

– Я здесь, брат, – спокойно сказал он. – Подъём.

– Доран... – я не поверил своим глазам, но руки уже действовали сами по себе.

Приняв предложенную ладонь, я вскочил и наконец ударил в полную силу – прочертил в воздухе знак бушующего пламени и четверых из шести оставшихся врагов накрыла огненная волна.

– Не поможет, – сказал Доран, и тут только я заметил, что он смотрит вдаль. Оттуда, со стороны здания вокзала, уже скользили к нам ещё с десятков теней.

– Где девчонка? – я не сразу выцепил взглядом Элирену, которая каталась по земле в обнимку с собственным противником. Тот уже

обрёл форму химеры и теперь изо всех сил старался полоснуть юную княжну по лицу.

Мы с Дораном одновременно бросились к ним, но я успел мгновением раньше – чтобы свернуть шею врагу и отбросить его прочь прежде, чем на тело Элирены попадёт его кровь. Тут же невольно схватился за собственный бок, чувствуя, как от раны по телу расходится жжение.

– Прикрывай! – велел я Дорану и принялся ощупывать карманы в поисках аррака – потому как без него заготовленный туннель мне не открыть.

Только тут я понял, что амулет пропал.

Элирена

Я глазам своим не поверила, когда первый противник запылал.

Однако времени удивляться особо не было. Я огляделась по сторонам в поисках Надаэра в надежде, что он скажет, что делать теперь – однако вместо этого увидела, как пространство над ним разрывается, как старая ткань – иначе не описать. В получившейся прорехе виднелось серое ничто, и едва я успела задаться вопросом, что же там, по другую сторону, как из щели выступил ещё один человек. Как и Надаэр, он был одет в чёрное, только вместо куртки на нём был длинный плащ. Волосы его тоже были длинными, но светлыми, и в ухе поблёскивала серьга. Под полой плаща без труда угадывались ножны с мечом – они висели на поясе, и прищелец явно не собирался их скрывать.

В это мгновение Надаэр и его противник в очередной раз поменялись местами, и я увидела, как от них отлетел небольшой предмет – тот самый, который в поезде князь использовал как телефон.

Повинуясь порыву, я бросилась и схватилась за него – а в следующее мгновение на меня набросился новый враг. Такое же чудовище, как то, с которым дрался мой проводник.

Когти чудовища так и метались вокруг меня, но видимо от страха я стала двигаться очень быстро, потому что они ни разу не успели меня полоснуть – до тех пор, пока голова чудовища не вывернулась под неестественным углом и само оно не отлетело прочь.

Двое мужчин стояли надо мной и снова болтали на своём непонятном языке.

– Что это было? – только и выговорила я.

Поняв, что никто не собирается подать мне руку, я сама оттолкнулась от земли и, встав, принялась отряхивать джинсы. Теперь на бедре их украшала немаленькая дыра.

Платформа пылала, языки пламени подбирались всё ближе. А подняв глаза, я обнаружила, что ещё десяток теней несётся на нас.

Надаэр

– Только не глупи.

Доран, как всегда, проявил незаурядный интеллект.

– Прямой туннель может отнять все твои силы. А если там, куда мы попадём, тоже будут враги?

– Как будто нам есть из чего выбирать! – огрызнулась я. – Держи оборону. И следи, чтобы княжна не пропала.

Больше ни на противников, ни на союзников я не смотрел.

Молча отвернулся в сторону и сосредоточился на том месте, куда хотел попасть. Отчётливо представил его в уме и, вытянув руки перед собой, попытался поверить, что раздвигаю слои миров.

В голове взорвалась боль – всё-таки Доран был абсолютно прав, второй туннель за день, даже если не считать тот маленький переход на Перекрестье – это перебор.

Медленно пространство размыкалось, пропуская мою волю.

– Вперёд! – я с трудом узнал собственный охрипший голос. К счастью, Доран понимал всё лучше меня.

Схватив разинувшую рот девчонку за плечо, он втолкнул её в открывшийся портал. Элирена закричала, ощутив, как её затягивает в пустоту – это всех пугает в первый раз.

Доран прыгнул следом и я последним, закрывая портал за спиной.

Чуть-чуть не успел – уже падая на землю, я краем глаза заметил химеру, нависшую надо мной, и в следующее мгновение меч Дорана пронзил её насквозь и отбросил в сторону.

Я осел на землю, не в силах даже перевернуться на спину. Перед глазами всё плясало, и мне с трудом удавалось не провалиться в поджидавшую меня серую муть.

Я видел, как двое спутников нависают надо мной.

– Нужно ему помочь! – Элирена.

– Потом, – Доран оглядывается по сторонам. Обожаю таких друзей.

Пытаюсь оглядеться и я и уже не могу сдержать разочарованный стон.

Теперь и Элирена осматривает окрестности.

– Мы точно хотели попасть сюда? – спрашивает она.

– Мы абсолютно точно хотели попасть НЕ сюда! – отвечает Доран и это наша общая мысль.

Он наклоняется ко мне и переворачивает на спину. Принимается осматривать рану.

– Вот же дрянь...

Я сам знаю, что дрянь... только не могу шевельнуть языком.

Снова смотрит на княжну.

– Бери его под руки. Нужно как можно скорее отыскать лечебницу.

– А ты не можешь помочь?

К сожалению, мы с Дораном оба знаем, что нет.

ГЛАВА 9

Место, куда мы попали, лично мне напоминало марсианские равнины из компьютерных игр.

Вроде всё, как должно – трава, роща вдалеке... Через пару часов пути, впрочем, она была уже вовсе не вдалеке, а вокруг нас.

Вот только трава – густо багровая. Небо отливает розовым. А по мере того, как солнце начинало клониться к горизонту и на землю опустились сумерки, я всё яснее видела на юге очертания двух лун.

Идти было тяжело, во-первых потому, что я вообще дальше чем в магазин никогда не ходила. Во-вторых потому, что с самого приключения на перроне у меня кружилась голова. Ну и в-третьих – потому, что мы оба с человеком в чёрном, который назвал себя Дораном, несли Надаэра.

Тот почти не приходил в себя – только бормотал что-то невнятное. Доран порвал ему футболку и пустил на бинты, но теперь я видела, как чёрную ткань пропитывает кровь. Рана под рёбрами казалась мне, никогда не видевшей травм, просто огромной.

– Он придёт в себя? – спросила я, когда мы ближе к закату опустились на привал.

– Надеюсь, – коротко ответил Доран. Однако после паузы, видимо, всё же решил объяснить: – Его терзают два недуга. Тело ранено ядовитыми когтями химеры, и только врач, знакомый с противоядиями, может его исцелить. Кроме того, ему понадобится время, чтобы рана зажила. Королевская кровь в нём сильна, а те, в чьих жилах она течёт, выздоравливают быстрее обычных людей. Но тут мешает ещё и второй недуг... – Доран вздохнул. – Он потратил слишком много сил за этот день. Не надо было ему открывать последний туннель. Теперь его тело не может себя исцелить. К счастью, мы не так далеко от Аркенора...

– Я в порядке... – раздался негромкий хрип, и Надаэр, лежавший на земле, тут же закашлялся, прижимая рукой рану.

Я невольно качнулась к нему в бессильной попытке помочь, хотя, что делать – понятия не имела.

– Куда мы идём? – так же хрипло продолжил он, когда приступ кашля утих.

Доран помрачнел. Было видно, что он не хочет отвечать.

Надаэр попытался повернуть голову, чтобы оглядеться по сторонам, и, видимо, что-то узнал.

– Основательно же... я... промазал... – выдохнул он.

Доран комментировать эти слова не стал.

– Придётся идти Тропой теней, – вместо этого ответил он.

Я вскинулась. Что бы ни значило это название, оно мне не нравилось.

– Доран... – Надэр снова кашлянул и сделал паузу, чтобы выровнять дыхание. – Ты понял, кто на нас напал?

– Химеры.

Несмотря на слабость, Надаэр улыбнулся так, как будто пытался сказать «Америку открыл». Для пущей выразительности даже скривил бровь.

– Поговорим о них, когда будем в безопасности, – ответил Доран, покосившись на меня. – Я всё равно толком ничего не знаю.

– Нужно... добраться... до Пандемониума... за три дня...

Доран кивнул. Лицо его помрачнело. Он покосился на меня.

– Помогай.

Доран встал первым. Я не стала спорить, мне и самой хотелось как можно скорее доставить Надаэра к врачу.

Мы снова взвалили его на плечи и побрели дальше по лесу.

Надаэр

В голове стоял туман. Было стыдно от того, что я настолько слаб. Но как я не старался сам перебирать ногами, выходило, что я только мешал друзьям.

Друзьям... Это странное слово, которое до встречи с Дораном не значило для меня ничего.

Невозможно передать словами то облегчение, которое я испытал, когда увидел его там, на вокзале.

Теперь можно было не сомневаться, что всё будет хорошо. Но проклятье, почему же я сам так слаб...

Лес, укрытый сумерками, тянулся с обеих сторон от нас.

Я то и дело поглядывал на нашу добычу – от того ли, что Аркенор был уже рядом или ещё почему, я видел, как с каждым шагом Элирена расцветала. Она всё меньше походила на ту девчонку, которую я нашёл в городе. Столько времени поисков... Ради того, чтобы найти потомка настоящих королей... И как я был разочарован, когда увидел её.

Хилая. Очень худая. С самым обычным непримечательным лицом. Я не мог поверить, что в её жилах течёт королевская кровь.

Но сейчас, вглядываясь в её профиль, в тусклые блики двух лун, игравшие на белой коже, я видел перед собой настоящую принцессу. Куда более благородную, чем Асмодей. Несмотря на рану, несмотря на боль, мне хотелось улыбаться. Я наконец-то нашёл.

Год назад, когда я покинул пост перста и впервые встретил Торвана, я и ему поверить не мог.

Он говорил о том, что причина наших бед в том, что много веков нашей землёй правят захватчики. Как бы я поверил? Ведь я сам троюродный кузен наших будущих королей. Признать, что они чужие в этом мире, значит признать, что чужой в нём и я.

Но он говорил о роде Элайи, при котором империя Аркенор не знала лжи, и даже если сам он лгал, мне так хотелось верить ему.

Я был одинок. Потерян. Разочарован во всём. Я знал с детства и Асмодея, и Калерона, и поверить не мог, что один из них мог предать другого. Меня терзало чувство вины – но не только поэтому я покинул двор. Я не хотел выбирать и не хотел видеть, как между сыновьями Гелоры начинается раздор.

Я думал, что если уйду, ненависть и предательство не коснутся меня – но я ошибся. И я заплатил свою цену – жизнь Ионы. Ещё одна, кого я не сумел спасти.

Стиснув зубы, я попытался заставить себя сосредоточиться на настоящем и не думать о том, чего не в силах изменить.

Лес всё ещё тянулся по обе руки от нас, но мне показалось, что вдалеке между деревьев, я вижу тусклые огни.

– Костры?.. – спросил я вслух.

Доран напрягся. Свободная рука его потянулась к мечу.

– Я проверю, ждите здесь, – он тут же принялся устраивать меня на земле возле дерева.

Элирена ошарашенно переводила взгляды с меня на Дорана, а затем на огни.

– Сиди и не высовывайся, – велел Доран и исчез в лесном тумане. Элирена осторожно присела возле меня.

– Как ты? – спросила она, и от сочувствия в её голосе меня мгновенно одолела злость. Я промолчал. Абсолютно не хотелось показывать слабость именно при ней. Доран видел столько, что от него уже не было смысла что-либо скрывать.

Так мы и сидели в тишине, пока вддали снова не послышались тихие шаги.

Я попытался сесть, на случай, если это враг, но мягкий голос Дорана тут же одёрнул меня.

– Люди Калерона, – сказал он вполголоса. – На сей раз это точно они.

Хотелось расспросить его о тех, с вокзала, но я понимал, что не время.

– Почему нас хочет остановить такое множество людей? – поинтересовалась Элирена, как всегда вовремя распуская свой длинный язычок. Впрочем, это не помешало ей помочь Дорану поддерживать меня с другой стороны. За это я начинал её уважать – она умела одновременно действовать и говорить.

Теперь мы старались идти не только быстро и тихо. Угроза, маячившая за деревьями, никому не давала покоя.

– Куда мы идём? – спросила Элирена. Мне тоже очень хотелось это узнать.

– Ищем точку перехода, – сказал Доран.

– Ищем... – повторила Элирена. – То есть, ты не знаешь, где она? Доран покосился на меня.

– Она впереди, – я действительно чувствовал, что ближайшее сочленение миров где-то там, на востоке, хотя точно и не знал где. – И кстати... – я закашлялся, однако кое-как подавил приступ, потому что от кашля всё равно становилось только больнее. – Я уже могу идти сам.

Никто не обратил внимания на последние слова, но Доран попытался ускорить шаг. Получилось у него не особенно хорошо – Элирена, похоже, вообще не привыкла к долгим переходам и после нескольких часов пути едва удерживала заданный темп. Однако жаловаться не пыталась, только с каждой лигой становилась всё мрачней.

– Надо сделать привал, – невольно произнёс я, глядя на неё.

– Сразу, как только перейдём, – отрезал Доран. В глубине души я понимал, что он прав, и потому больше предлагать не стал.

Когда я почувствовал близость сопряжения, солнце уже скатилось за горизонт и на небе появилась луна. Туман немного расступился, и перед нами внезапно появился обрыв. Там, в белёсой дымке, мерцали серебристые всполохи, обозначая место перехода.

– Куда он ведёт? – спросил Доран, обернувшись ко мне.

– Как будто я знаю, – невольно огрызнулся я. – Помнишь, как я точно прицелился в прошлый раз?

Доран, видимо, помнил, потому что ничего не сказал. Поправив мою руку на своём плече, зашагал туда, где виднелся относительно пологий спуск. Элирена последовала за ним.

– А если там нас тоже ждут? – спросила она.

Ей тоже никто не ответил – потому видимо, что мы с Дораном уже и сами обдумывали этот вариант.

Последние метры дались тяжелей всего, снова нас окружил туман. До перехода оставался уже с десятков шагов, когда вдали за пеленой послышался треск сучьев и негромкие голоса заговорили на аркенорском.

Мы с Дораном мгновенно переглянулись. В его глазах была та же мысль, что и в моей голове – даже если мы успеем пройти первыми, они войдут за нами и...

– Сколько их? – прошептал я.

– Шесть.

«А нас трое, причём один раненый, а другая в руках оружия никогда не держала» – пронеслось в голове. После событий на вокзале, мне абсолютно не хотелось рисковать, но выбора, как обычно, не было.

– Вперёд.

Доран и Элирена синхронно шагнули в портал.

– Давай, братишка, осталось чуть-чуть, – прошептал Доран, когда мы вывалились из перехода.

Меня в самом деле основательно ослабил этот последний прорыв реальностей.

– Очень надеюсь, – пробормотал я, оглядываясь по сторонам.

Здесь был всё тот же лес. В темноте не различить ни цвета травы, ни породы деревьев. Но запах был иным. Я сразу его узнал.

– Аркенор... – прошептал я. Захотелось рухнуть на траву и остаться тут.

– Давай, давай, – Доран подтолкнул меня вперёд, – надо уходить.

Я кивнул и как мог ускорил шаг.

– Так мы пришли? – с надеждой спросила Элирена.

Ей опять никто не ответил.

– Эй! – возмутилась она. – Не игнорируйте меня! Я всё-таки княжна! И нас всех хотят убить именно из-за меня.

Доран хмыкнул, но на неё даже не посмотрел. Видимо, решил, что это не его работа – нянчить детей.

– Это Аркенор, – пришлось пояснить мне. – Но мы можем находиться сколь угодно далеко от Пандемониума. К тому же те ребята, которые жгли костры у нас за спиной, скорее всего последуют за нами, и нам нужно убратся от точки перехода как можно дальше, пока они не заметили, что мы здесь.

– Более того, – решил всё-таки обрадовать княжну Доран. – Если это владения Калерона, то нас скорее всего убьёт первый встречный патруль.

Элирена тихонько засопела и тоже ускорила шаг.

Мы снова ступили под сень деревьев и двигались так с четверть часа, пока не услышали гортанный окрик:

– Стоять! Кто идёт?

Мы все трое синхронно замерли, стараясь не дышать. Но было поздно. Всадники с факелами в руках уже приближались к нам.

ГЛАВА 10

Отстранившись от Надаэра, Доран потянулся к оружию.

Элирена неуверенно оглядывалась по сторонам. Она тоже понимала, что в одиночку Доран вряд ли защитит их от патруля, а Надаэр всё ещё был слишком слаб.

Тот, тем не менее, оттолкнулся от плеча Элирены и попытался выпрямиться, зажимая рану одной рукой.

– Не надо! – шепнула Элирена, но князь сделал вид, что не слышит её.

Сложив пальцы в начальном жесте атакующего заклятья, он ждал.

Противник, кем бы тот ни был, тоже ждал – не выступая на свет.

– Если мы себя не назовём – они нас точно убьют, – прошипел Доран.

Поразмыслив, Надаэр кивнул и произнёс:

– Князь Надаэр Волхонский со спутниками. Надеюсь, в вас достанет благоразумия не чинить мне препятствий.

Надаэр очень надеялся, что патруль не заметит, с каким трудом он держится на ногах. Тогда можно было рассчитывать, что те вообще не рискнут вступать в схватку.

– Надаэр! – повторил другой, женский голос, и тёмный силуэт колыхнулся среди факельщиков. Укутанная в плащ фигура метнулась вперёд и почти что упала к нему в объятия. – Слава небесам, ты живой!

Командир отряда шагнул вперёд, освещая симпатичное женское лицо. Волхонский вздохнул с облегчением и слабо улыбнулся.

– Вега... – он коротко махнул рукой Дорану, – свои.

Тот, впрочем, и сам уже прятал меч.

– Нам нужен лекарь, – первым сообщил Доран. – И безопасное укрытие. И то и другое как можно скорей. Князь ранен, хоть и молчит. И с нами... та, кого захочет увидеть магистр.

– Конечно, – командир отряда кивнул.

Девушка отстранилась, оглядывая фигуру Надаэра.

– Я помогу, – она указала, заметив кровавое пятно. – Приляг, я посмотрю.

– Не здесь, – возразил Доран. – За нами идут.

Командир снова кивнул и подвёл ближе к Надаэру одного из коней. Все трое уселись в сёдлах позади патрульных, и те пустили скакунов в галоп.

Элирена впервые в жизни сидела в седле, и в последующие полчаса все её мысли вертелись вокруг того, как бы не упасть.

Когда, наконец, вдалеке выступили из сумрака стройные силуэты замковых башен, она ненадолго забыла и об этом, поражённая красотой и неожиданным очарованием представшей ей картины.

Свет луны серебрил поверхность воды в реке, окружавшей замок с двух сторон. Он стоял на излучине, сливаясь с вертикальной машиной утёса, и чтобы подобраться к входным воротам, путникам пришлось проскакать мимо него, а затем свернуть на мост.

Командир отряда не сбавляя скорость протянул над головой какой-то знак, лучи луны сверкнули на нём серебристым бликом и постовые без единого слова распахнули ворота.

Кавалькада промчалась внутрь и остановилась только после того, как кони ступили на крепостной двор.

Командир крикнул что-то на незнакомом языке, и пока путники спешили, гонец помчался к одному из строений, стоявших во дворе. Замок изнутри оказался настолько велик, что походил на небольшой городок. Донжон окружала ещё одна стена, и дверца, в которой исчез гонец, находилась в ней.

Двое воинов под бдительным присмотром Веги осторожно спустили Надаэра с седла и понесли прочь.

Элирена подалась было следом за ним, но Доран перегородил ей путь.

– Переговоришь с ним потом, – сурово сказал он. – Сейчас у тебя другие дела.

Яна хотела возразить, но голос, раздавшийся со стороны внутренних стен, окликнул её:

– Яна!

Та вздрогнула, потому что это был первый раз с самого начала этого безумного бегства, когда кто-то назвал её настоящим именем.

Она невольно обернулась на звук и увидела перед собой мужчину в таком же длинном чёрном плаще, какие носили здесь все. У горла полы плаща скрепляла серебряная брошь, изображавшая

таинственный символ. Чёрные волосы мягкой волной падали на плечи, а часть лица скрывала аккуратная короткая борода.

– Я долго ждал этой встречи, – продолжил незнакомец. – Если ты не слишком устала, я хотел бы поговорить с тобой прямо сейчас. За это время тебе подготовят покои, где ты сможешь отдохнуть.

Яна жутко устала и прямо сейчас не хотела говорить ни о чём, кроме, разве что, одного:

– Что будет с Надаэром? – она поёжилась, вспомнив страшную рану на боку.

– Ему помогут, – незнакомец протянул ему руку, приглашая последовать за собой. – Идём.

Чувствуя, что выбора нет, Яна повиновалась. Они прошли через двор и вошли в одно из зданий, ничем не отличавшееся от других в темноте. У внешней двери осталось стоять двое стражей. Ещё двое стояли у двери, которой заканчивался холл.

Внутри вдоль стен висели лампы, которые загорелись, едва сопровождавший Яну мужчина вошёл внутрь.

Кивнув стражникам, он прошёл через вторую дверь, и за ней тоже загорелся мягкий свет.

Яна ступила внутрь следом за ним и огляделась по сторонам. Это был кабинет. Стены полностью закрывали книжные полки, за исключением одной, в которой находился камин.

Мужчина щёлкнул пальцами, и в камине запылал огонь. Почти сразу стало теплей, и Яна мгновенно поняла, насколько замёрзла.

– Тебе нужно переодеться, – заметил мужчина, обнаружив, что гостя дрожит и насквозь промокла. Выглянув за дверь, он распорядился приготовить свежую одежду. Затем вернулся в кабинет и указал Яне на одно из кресел, стоявших возле камина. – Моё имя Торван, – продолжил мужчина. – Я магистр Ордена, в крепости которого имею честь тебя принимать. Возможно, ты уже слышала обо мне.

Яна покачала головой. И только после паузы вспомнила невзначай сказанные Надаэром слова:

– Магистр Ордена Теней... Он работает на вас?

– Не работает, – Магистр поморщился. Подошёл к одной из полок, достал из тайника пухлую бутылку и два пузатых бокала. Разлил по ним напиток и один бокал протянул Яне.

Та сделала крупный глоток и тут же закашлялся. Содержимое бутылки оказалось сладким и горьким одновременно, но кроме того, стоило густой жидкости проскользнуть по пищеводу, как всё тело запылало огнём.

Обычно Яна крепких напитков не пила и, отставив в сторону бокал, стала ждать продолжения рассказа.

– Тебе нужно согреться, – Магистр кивнул на бокал. – Я не собираюсь ни спаивать тебя, ни травить. Ты нужна нам живой.

– Вы что-то хотели рассказать про Надаэра, – напомнила Яна, из вежливости снова приближая к губам бокал.

– Мы с Надаэром встретились год назад. Он, как и многие, кто теперь обитает в этих стенах, потерял надежду.

– И вы ему её дали, – Яна хмыкнула.

Магистр с лёгким осуждением посмотрел на неё.

– Ты можешь не верить. Мы никого не заманиваем и не принуждаем силой.

– Не принуждаете... к чему?

– Поддерживать нас.

Яна снова хмыкнула. Ей показалось, что это слово заменяет слово «служить».

– Я пришла не по доброй воле, – произнесла она и испытующе посмотрела на Торвана.

– Имеешь в виду, что оказалась здесь по нашей вине?

– По крайней мере, именно после разговора с вашим... поддерживателем... на меня стало нападать множество странных людей. В итоге мне, конечно же, пришлось бежать и...

– Если тебя заставили покинуть дом слуги Калерона – вымещай злость на них, а не на нас.

– Став невестой вашего... как его?

– Принца Асмодея, – Торван помрачнел. – Не могу сказать, что мне нравится этот план. Но другого у нас нет.

– Зачем вам этот план? – Яна продолжала пристально смотреть на собеседника. Она давно уже поняла, что её дотошность часто раздражает тех, с кем она говорит, но поделаться с этим ничего не могла.

Чтобы действовать, ей необходимо было знать все условия той авантюры, в которую она лезла.

Торван поднялся с кресла, подошёл к письменному столу и, открыв ящик, извлёк оттуда свиток пергамента. Расстелил на столе.

Яна невольно подалась вперёд – старинные издания были одной из её страстей, одной из причин, по которым она выбрала свою специальность в университете... и одной из вещей, которых она так и не получила.

Она сама не заметила, как встала и оказалась возле стола.

– С ума сойти... – пробормотала она и наклонилась ниже, изучая таинственные рисунки и знаки. – Его начали делать несколько сотен лет назад. Потом эти надписи становятся всё новей, но.... Она была заброшена уже давно.

Торван кивнул.

– Надписи на аркенорском. Тебе в любом случае понадобится научиться этому языку. Поэтому повернись ко мне.

Яна, опьянённая новыми знаниями, машинально выполнила приказ.

Торван поднёс руки к её вискам. Коснулся пальцами и произнёс несколько слов.

Голова Яну закружилась, она моргнула, прогоняя наваждение, затем опустила глаза на карту и с удивлением обнаружила, что может прочитать написанные на ней имена.

– Это, – Магистр ткнул сухим пальцем в левый край пергамента, – Элайя. Легендарный предок, от которого пошёл весь императорский род Аркенора. Она основала и сам Аркенор.

Яна нахмурилась и кивнула.

– Почему они называют меня наследницей Элайи? – спросила она. – Разве наследник не Асмодей?

– Взгляни сюда, – магистр указал на другой край витиеватой схемы. – Анастасия Сардонская. Последняя княгиня Восточных Равнин. Её герб – семиокая звезда.

Яна вздрогнула. Она действительно узнала изображённый под именем Анастасии знак.

– Её звали так, – рука потянулась к карману, в котором лежал скомканный обрывок старинного полотна. – А где Асмодей? – внимательно разглядывая схему спросила она.

Начертанный на пергаменте рисунок в самом деле имел такое количество отростков и ветвей, что больше походил на паутину, чем на дерево. К тому же, присмотревшись, Яна разглядела под густыми тёмными линиями семейного родства едва заметные тусклые контуры провинций, названия гор и морей.

– Вот здесь, – Торван ткнул пальцем в один из боковых отростков. Затем снова наклонился к ящичку стола и достав ещё один пергамент, расстелил его поверх первого. – Князь Дарий вступил в брак с Элеонорой Вестонской. Она была из мира огня. Спорный союз, но этот вопрос не принято поднимать. Дарий и Элеонора стали основателями новой династии, – Торван накрыл рукой нижний пергамент, показывая, что он ушёл в прошлое. – И их дети правят Аркенором последние двести лет.

Яна с сомнением посмотрела на магистра. Ощущение, что её втягивают во что-то сомнительное и очень опасное, возросло.

– Я не хочу стать третьей претенденткой на престол, – предупредила она.

– Ты и не станешь, – Торван снова помрачнел. – Доказать твою причастность к роду Элайи слишком тяжело. Для этого ты должна обладать силой, которой у тебя нет. Навыками, которых не обрести за несколько дней. Но ты можешь стать супругой одного из принцев и, пользуясь своим именем, объединить Аркенор под своей рукой.

Яна не расслышала последних слов. Ухо её зацепилось за одно, единственное.

– Одного из? – уточнила она. – Моим супругом может стать и Калерон?

ГЛАВА 11

Больше в тот вечер Торван ничего не рассказал.

– Уже поздно, – только и ответил он на мой последний вопрос. – У нас впереди ещё пара дней, прежде чем начнётся Отбор.

– Отбор?

– Сейчас тебе нужно поспать. Не беспокойся, я и мои ученики расскажем тебе всё.

Я беспокоилась, и сон как рукой сняло. Мне хотелось знать, что это значит – «выйти замуж за одного из...» Да и тот факт, что я имею отношение к их королевской семье, только теперь встал передо мной во всей красе.

Тайна, которая не давала мне покоя годами, тайна звёздного герба, непохожего ни на один земной герб тех веков, кажется, наконец приоткрылась. Но истина была настолько неправдоподобной, что мне было тяжело поверить в неё даже после того, что я успела увидеть в последние дни.

Но как бы не интересовала меня старая загадка, мысли то и дело возвращались к Надаэру. К его страшной ране и последним часам, что мы провели вместе в пути.

Наверное, я идиотка, но где-то глубоко в мой душе с самого начала теплилась надежда, что он и есть тот принц, с которым мне придётся вступить в брак.

Глупость несусветная, потому что я вообще не хотела вступать в брак. Ни с принцем, ни с нищим. Я попросту не была к этому готова.

Моя жизнь до последних дней тонула в безвременьи, лишённом планов и ожиданий, но в тумане неизвестности я всё-таки оставалась свободным человеком, который мог принимать решения за себя.

А брак... Связать себя с кем-то настолько крепкими узами... Знать, что этот человек будет рядом всю оставшуюся жизнь... От подобных мыслей мне становилось душно.

Вставая посреди ночи, чтобы подойти к окну и вдохнуть свежего воздуха, я думала о том, что хотела бы остаться здесь, в этом замке. С Надаэром.

Пожалуй, это было то, о чём я действительно мечтала. Тайны иных миров, неизведанная земля за крепостной стеной... Окинув мечтательным взглядом равнину, залитую серебристым светом луны, я вздохнула и вернулась в кровать.

С дороги я так устала, что толком не успела разглядеть, куда меня привели. И только утром, когда тусклый дневной свет заставил меня кое-как продрать глаза, заметила первую вещь, которая по-настоящему отличала этот мир от моего: окно.

В окне не было стекла, но струи дождя, застилавшие горизонт, с лёгким шипением разбивались о воздух возле него.

Некоторое время я наблюдала за этой картиной и пыталась решить для себя: хочу ли я встать и разобраться что к чему?

Разобраться я хотела, но абсолютно не хотела вставать, и потому снова закрыла глаза и попыталась уснуть второй раз.

События прошедших дней постепенно складывались в новую мозаику в моей голове. Встреча с Надаэром. Бегство. Поезд. Гостиница, снова бегство. Рана.

– Надаэр! – выдохнула я и села, оглядываясь по сторонам.

Тут же за пределами комнаты раздался мелодичный перезвон, послышались негромкие шаги.

Дверь открылась, и в проёме показалась симпатичная девушка, одетая в белую блузу, шерстяные брюки и высокие сапоги. И то, и другое ничем не походило на одежду, к которой я привыкла.

– Всё хорошо? – спросила она.

– Да, – я прокашлялась, обнаружив, что слова даются с трудом. – Не обязательно так врываться.

– Извини, – девушка улыбнулась и присела на край кровати у моих ног. Теперь я заметила, что в руках она держит какую-то одежду – такую же белую рубаху и, кажется, штаны. – Меня зовут Нира. Доран рассказал, что вы побывали в тяжёлом бою. Когти химер источают яд, они могли оставить царапины и на тебе. Братья попросили тебя осмотреть, но если бы яд был – он бы уже дал о себе знать. У тебя ничего не болит?

Я покачала головой и потёрла висок. Опомнилась, представила, в каком виде нахожусь, и провела по волосам пятернёй.

Замерла, обнаружив на голове вместо обычной своей стрижки длинные мягкие пряди. Захватила одну двумя пальцами и поднесла к

глазам.

– Да! – опомнилась девушка. – Гребень и вода для умывания на столе. У нас принято всё делать самостоятельно, даже если ты принцесса или княжна. Здесь одежда, – она опустила вещи на кровать рядом с собой. – Если ты не больна, то будет лучше, если на завтрак ты спустишься вниз.

Я кивнула. Пока я даже плохо понимала, где этот «низ». Но всё-таки не удержалась от вопроса:

– Где Надаэр?

По лицу девушки промелькнула тень, но тут же оно снова просветлело.

– С ним всё будет хорошо.

– Я хочу с ним повидаться.

Девушка на мгновение закусила губу.

– Он пока что без сознания, – нехотя призналась она. – Но Вега сумеет ему помочь.

– Тем более. Я хочу хотя бы посмотреть на него. Пожалуйста...

Я сама не знала, почему это так важно для меня, и опомнилась только, обнаружив, что крепко сжимаю её руку своей.

– Хорошо, – девушка мягко, но уверенно отцепила мои пальцы от своего запястья. – Одевайся. Я тебя отведу.

На сей раз уговаривать меня не пришлось. Стоило ей выйти в коридор, как я подскочила с постели и бросилась к кадучке с водой, стоявшей на сундуке под окном. Побрызгала себе в лицо и принялась натягивать рубаху, штаны и сапоги.

«Низом» оказался первый этаж круглой башни, состоявшей, видимо, из нескольких этажей. Моя комната занимала один сегмент на третьем этаже, но всё равно была достаточно просторной, из чего я сделала вывод, что сама башня довольно велика. Выйдя за дверь, я увидела ещё три таких же двери, по одной с каждой стороны балкончика, обнимавшего «колодец» винтовой лестницы.

Спустилась вниз, не встретив на пути никого и кивнула Нире, стоявшей у противоположной стены.

Она ответила таким же кивком и рукой указала на круглый стол, стоявший посреди помещения. Он уже был сервирован: несколько тарелок ждало тех, кто должен был спуститься к завтраку. В центре возвышались кадушка с молоком, свежесдобитый хлеб, яйца и сыр.

Еда была простой, но вкусной, однако будь передо мной самые изысканные яства, я бы, наверное, не смогла сосредоточиться на них.

Нира есть не стала – видимо успела перекусить раньше. Просто села за стол напротив и задумчиво поглядывала то на меня, то за окно. Там по-прежнему барабанил дождь.

– Дороги размочит, – сказала она, рассеянно отламывая кусок от каравайки и заталкивая в рот. – Надеюсь, магистр позаботится о том, чтобы вы успели во дворец.

Дворец интересовал меня меньше всего. Я отодвинула от себя опустевшую кружку и направила:

– Ты обещала отвести меня к Надаэру.

Девушка кивнула. Поднялась и следом за ней я вышла во двор. При свете дня я смогла различить немногим больше, чем вчера в темноте. Башня, куда меня поселили, была одной из пяти башен образующих внутреннее защитное кольцо. Они стояли выше тех, что венчали внешнюю стену. И все башни, кроме башен донжона, заканчивались плоскими обзорными площадками в окружении квадратных зубцов. Заинтересовало меня это потому, что с башен в небо смотрели сооружения, которые наверняка показались бы странными для любого обитателя средневекового замка. Мне же они напомнили плоские тарелки спутниковых антенн.

– Что это? – спросила я, ткнув пальцем в один из приборов.

Нира пожала плечами.

– Где что, – сказала она так, как будто я показала ей на самый обычный элемент интерьера средневекового замка. – Конкретно это – вышка противовоздушной обороны.

Я поперхнулась следующим вопросом и замолкла.

Так, в тишине, Нира провела меня к одному из крыльев донжона и постучалась в дубовую дверь. Ждать, пока откроют, она не стала – похоже, это вообще было не в её привычках. Войдя в помещение, мы увидели ряды пустых коек. Только одна из них была занята – незнакомый мужчина лежал на ней, закинув одну ногу, запаянную в гипс, на другую, вполне целую. Он что-то читал с планшета, и я ещё

раз отметила про себя, что это место далеко не так отстало, как можно было бы подумать на первый взгляд.

Нира сделала ему приветственный жест рукой, получила ответ, и мы прошли мимо. Вышли с другого конца лечебницы и по лестнице поднялись на второй этаж. Здесь вместо длинной залы находился коридор, от которого по обе стороны находились двери. Одну из таких дверей и приоткрыла моя проводница.

Следом за ней я заглянула в проём и замерла, разглядывая болезненно знакомое лицо.

Небритые щёки запали и, казалось, совсем осунулись.

– Надаэр... – прошептала я вслух и подалась вперёд. Нира хотела было преградить мне дорогу рукой, но оглянулась на коридор и передумала.

Я вошла, осторожно присела на краешек кровати, опасаясь побеспокоить больного, и протянула руку. Я хотела и боялась коснуться его щеки. Пальцы замерли в миллиметре от неё.

– С ним всё будет хорошо, – шёпотом повторила Нира, вошедшая следом за мной.

– Он не выглядит так, как будто ему лучше, – ответила я так же тихо.

– Он спит. Рана заживёт. Вега хорошо умеет лечить.

Я огляделась по сторонам. Это место мало соответствовало моим представлениям об успешной клинике. По стенам кое-где змеились вьюны. Грубые камни прикрывали старинные, немного выцветшие гобелены.

Потом я вспомнила тарелки и планшет и посоветовала себе успокоиться.

Снова опустила глаза на Надаэра и наконец-то решилась коснуться его щеки. Сердце пронзила боль. Мы так недолго знали друг друга и так недолго были вдвоём. И я абсолютно не хотела заканчивать эту часть своей жизни и переходить дальше. Я о стольком ещё хотела у него спросить. Именно у него, а не у его магистра, Асмодея или кого-либо ещё.

– Нужно идти... – нарушила ход моих мыслей Нира. – Вега разозлится, если узнает, что мы приходили без спроса.

Мне было всё равно.

– Не хочу никуда идти, – упрямо прошептала я. – Не хочу никакой этот ваш... отбор. Не хочу ни в какой дворец. Я хочу остаться с Надаэром. Хочу убедиться, что с ним всё будет хорошо! Убедиться сама!

– Яна... – мягко произнесла девушка и коснулась моего плеча. – Ты не можешь остаться здесь. Ты знаешь, зачем Надаэр увёз тебя из твоего мира. От того, справишься ли ты со своей миссией, зависит судьба многих людей.

– Я их не знаю и не хочу знать. Я хочу только... – я запнулась, почувствовав, как к горлу подступает ком. Неожиданно вспомнила, как горячая рука Надаэра удерживала мою – там, в городе, где мы бежали от его врагов.

– Яна! – настойчивей повторила Нира.

Я вздохнула и заставила себя подняться.

– Я ещё приду, – твёрдо сказала я.

– Придёшь, – согласилась она. – Но потом.

И мы вышли в коридор.

ГЛАВА 12

Однако ни в этот день, ни в два последующих увидеть Надаэра мне так и не удалось.

Я конечно помнила, что до моего представления ко двору оставалось несколько дней, но изо всех сил старалась не поднимать этот вопрос – мне по-прежнему абсолютно не хотелось уезжать.

Поначалу Торван занимался со мной сам.

Он познакомил меня с другими генеалогическими картами, посоветовав запомнить их все. Даже при том, что я не в первый раз имела дело с такими документами, далось мне это тяжело – огромное количество имён переплеталось между собой. Почти все упомянутые на картах фамилии состояли в родстве. Самые знатные их представители носили титулы князей – это значило, что между ними и правителями Аркенора было не более трёх ступеней родства. Я спрашивала – почему же тогда называют княжной меня? Ведь моё родство было столь древним, что давно затерялось во тьме веков.

– Ты – совсем другое дело, – с лёгкой улыбкой ответил Торван. – Ты – прямой потомок Элайи. Хотя сегодня Аркенором правят дети Дария, их происхождение от Элеоноры Вестонской ставит чистоту их крови под вопрос. Никто не говорил об этом, пока не было тебя. Но теперь...

Я абсолютно не хотела знать, что будет теперь, потому что сильно подозревала, что родство с королевской семьёй доставит мне больше проблем, чем радостей.

По-новому высветились в голове недавние слова Надаэра о том, что мне придётся привыкать: шпионить за мной будут всегда.

Даже здесь, в этом замке посреди пустошей, внимание ко мне было столь пристальным, что мне основательно не хватало возможности побыть в одиночестве.

Впрочем, местные обитатели изо всех сил старались вести себя ненавязчиво. Нира, которая показывала мне замок, всё время держалась на расстоянии пары шагов, ни о чём не расспрашивала и, кажется, сама немного смущалась необходимости столько времени проводить со мной.

– К нам часто приезжают люди, которых приходится знакомить с нашей жизнью, – как-то призналась она. – Но это всегда... немного неловко. Это ведь наша жизнь. Мы устраиваем её так, как удобно нам. Большинство из нас не любит ритуалов и формальностей. Но те, кто приезжает, часто ждут особого отношения к себе.

– Я думала, у вас в Аркеноре очень увлекаются гербами, титулами и прочими... красивыми вещами, – я не сразу подобрала название всему тому, что привлекало и меня, но чего я немало боялась, потому что чувствовала, что могу не оправдать возложенных на меня надежд.

Нира едва заметно улыбнулась.

– Большинство из нас не из Аркенора. Ты разве не заметила? – она показала рукой на равнину за пределами рва. Я посмотрела в указанном направлении, но не поняла, что она имеет в виду. Мы стояли на крепостной стене. Это был третий день моего пребывания в замке, и серое небо, бесконечный дождь и тонуший в дымке горизонт уже порядком мне примелькались.

– Посмотри в другую сторону! – с трудом сдерживая смех велела она.

Я посмотрела, но по-прежнему ничего не поняла.

– Трава! У неё же совсем другой цвет.

– Я как-то... не очень разбираюсь в траве.

Нира негромко рассмеялась.

– Это же другой мир, Яна. Мы стоим в точке сопряжения миров. За одной стеной – Аркенор. За другой – Ренева.

Я ещё раз посмотрела на одну равнину, затем на другую, но только покачала головой.

Нира вздохнула.

– Просто поверь на слово, – резюмировала она.

– Так вы из Ренева?

– Нет. По крайней мере, не больше, чем из Аркенора. Мы строим подобные крепости во многих точках сопряжения миров. В тех местах, где нам удаётся получить разрешение местных жителей. Когда обитатели того или иного мира ничего не знают о сопряжениях миров, добиться такого разрешения бывает легко. Но с Аркенором – совсем другое дело. Там богатство того или иного князя определяется тем, сколько под его властью находится сопряжений. Точек перехода из мира в мир. Поэтому зарисовывая свои родственные связи, они

обязательно указывают, кто и какой владеет землёй. Можно быть очень близким родственником короля – но, если под твоей властью нет хороших сопряжений, твоё происхождение будет вызывать только смех.

Я отвернулась и покраснела. Я ведь как раз и была из тех князей, у которых кроме титула ничего нет за душой.

– У тебя – другой случай, – тут же поправилась она.

Это самое «У тебя другой случай» я слышала так часто, что мне надоело это обсуждать.

– А кому принадлежит эта земля? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Надаэру, – Нира снова улыбнулась. – Если бы не он, мы, наверное, никогда не получили бы доступ в Аркенор.

Я нахмурилась.

– Но... Этому замку уже сотни лет. Вы не могли построить его при нём.

– Конечно, нет, – согласилась Нира. – Замок стоит здесь много веков. Надаэр отдал его нам. Но это не значит, что мы все – родом из средневековых миров.

– Тарелки... планшеты... – пробормотала я.

– В Аркеноре плохо с электричеством, – пояснила Нира, догадавшись о том, что я и сама ещё не сформулировала до конца. – Нет вышек связи, да они и бесполезны, когда нужно связаться с тем, кто находится в другой реальности. Но здесь много не менее полезных предметов, которые работают на магии. Взять хотя бы тот же аррак...

Нира замолкла, заметив, что я давно уже смотрю мимо неё. Проследила за моим взглядом и прицокнула языком. Наверное, это означало неодобрение, но отвести взгляда я всё равно не могла.

Впервые за три дня я видела Надаэра. Он стоял по колено в ручье, текущем сквозь крепостную стену, и плескал на себя ледяной водой.

Я невольно залюбовалась его стройным, но сильным телом – мне о подобном парне оставалось только мечтать.

Стояла и пялилась как дура, пока князь не заметил мой взгляд. Насмешливая улыбка промелькнула на его губах, и он кивнул головой

на воду рядом с собой.

– Я... – я прокашлялась и покосилась на Ниру. – У нас ещё есть дела?

Нира фыркнула.

– Иди. Договорим потом.

Краснея и стараясь не оглядываться на провожатую, я поспешила спуститься во внутренний двор и, спотыкаясь о каждый булыжник, вышла к источнику. Ручей от него утекал дальше и терялся под стеной. А здесь из нагромождения камней довольно активно струилась вода.

– Привет, – Надаэр продолжал улыбаться, как будто и не терял меня из виду.

– Привет... – я снова кашлянула. – Тебе уже можно вставать?

– Нельзя, – признался Волхонский, чуть наклонившись в мою сторону. – Но я устал валяться один в темноте и тишине.

– У вас же нет телевизоров... Да... Хотя, я видела планшет!

– Вега считает, что мне нужно больше отдыхать. К тому же, я не очень люблю всю эту виртуальную ерунду.

– Предпочитаешь участвовать, а не смотреть, – хмыкнула я.

– Именно так.

Надаэр замолк. Улыбка на его губах несколько померкла, но взгляда он не отводил, как будто нарочно хотел загипнотизировать.

Я заставила себя отвести глаза и сделала вид, что увлечённо разглядываю птиц.

– Ты повезёшь меня дальше? – спросила я. – Или... – я запнулась, потому что очень не хотелось думать о том, что возможно скоро нам придётся расстаться навсегда.

– Если это необходимо... могу и я, – осторожно произнёс он и тут же быстро добавил: – Вообще-то, это был бы самый лучший вариант. Потому что я хорошо знаю аркенорский двор. А тебе понадобится тот, кто поможет не наделать глупостей.

Я рассеянно кивнула. Вот уж глупостей я как-то совсем не опасалась.

– Я думала, ты захочешь показать мне свой мир... – тут же и выпалила глупость я. – В смысле, может быть... Я просто... предложила. Хотя тебе, конечно, нужен покой.

Надаэр хмыкнул и, скосив на него глаза, я обнаружила, что он всё так же пристально изучает моё лицо.

– Нира сказала, что это твоя земля, – уточнила я.

– Не совсем. Я её отдал.

Князь снова замолк. Теперь уже я кожей чувствовала его взгляд и зная, что он так пристально смотрит на меня, боялась посмотреть на него в ответ.

– Ну... Я пойду, – пробормотала я и не дожидаясь ответа, двинулась прочь.

«Что на тебя нашло?» – мрачно думала я, пиная камни мостовой. То, захочет ли он показать мне эти места или нет внезапно стало таким важным, как будто больше в мире не существовало ничего. «Ничего кроме этого замка... Ничего кроме его голоса... Ничего кроме его глаз...»

Там, в поезде, было проще. Сама не знаю почему. Может потому, что я была твёрдо уверена, что Надаэр никуда не денется. Что это он будет тянуть меня вперёд и не позволит свернуть. Ощущение, что он может просто оставить меня и позволить дальше двигаться самой, оказалось неожиданно болезненным.

Погрузившись в попытки разобраться в собственных чувствах, я едва не налетела на фигуру в чёрном плаще, перегородившую проход.

– Доран... – выпалила я и в последний момент успела выставить руки перед собой. – Ты что?

За прошедшие дни я видела второго своего проводника пару раз, но мы почти не говорили. Кажется, Дорану было попросту не интересно со мной.

– Видел, как ты разговаривала с Надаэром, – без всякого приветствия выдал он.

– Разговаривала, ну и что? – буркнула я, невольно почувствовав себя так, как будто меня поймали с сигаретой на заднем дворе. – Разве это запрещено?

– Нет... Но тебе не стоит злоупотреблять его временем. От этого не станет лучше ни тебе, ни ему.

Я попыталась протиснуться между плечом Дорана и стеной, и мне это даже удалось, но стоило сделать шаг мимо него, как оказалось, что Доран следует за мной.

– Вы что, приносите обеты безбрачия или что-то вроде того? – только поняв, что ляпнула, я покраснела. Какое тебе безбрачие? Ты его знаешь едва два дня!

– Нет. Ты скоро принесёшь обет вступления в брак.

Я покраснела ещё сильнее. Развернулась и уставилась на спутника.

– А если я не хочу? – поинтересовалась я. – Связанной меня потащите под венец?

– У нас так не принято.

– Вот именно! Торван говорит, что у вас каждый имеет право выбора! Но что-то не вижу, чтобы выбирать давали мне!

– Ты снова о том, что тебя заставили покинуть дом? Это сделали не мы.

– Нет, – я стиснула зубы, изо всех сил стараясь сдержать слова, которые так и просились наружу, – нет, я ничего не говорю про дом. Я говорю о том, что... Может быть... Не хочу уезжать в Аркенор? Может быть, я хочу остаться в вашем Ордене? Почему бы нет?

Доран некоторое время молчал.

– Если ты так внезапно и сильно стала сочувствовать нашему Ордену... – наконец произнёс он. – То должна понимать, что для нас сейчас самое важное – твой успешный брак с принцем Асмодеем.

Я молчала.

– И тогда ты добровольно согласишься стать супругой принца. Если, конечно, ты болееешь за Орден, а не за... кого-то ещё.

Он наконец развернулся ко мне спиной и двинулся прочь. Похоже решив, что донёс до меня всё, что хотел.

ГЛАВА 13

Честно говоря, я очень надеялась, что после этого разговора Надаэр станет больше времени проводить со мной и, может быть, даже возьмёт на себя обязанности Ниры.

Довольно глупо, конечно, учитывая, что он – князь, и что у него здоровенная рана на животе. Надо было радоваться, что он вообще стоит на ногах...

Надежды мои, конечно же, не сбылись.

Весь остаток дня я не могла избавиться от того щекочущего чувства, которое испытала, когда поймала на себе его взгляд. То и дело начинала оглядываться по сторонам, проверяя, не схожу ли с ума... И трижды обнаруживала, что он действительно смотрит на меня. То его силуэт виднелся меж зубцов крепостной стены, то в тених между башен...

Однако Надаэр так и не подошёл. Вместо этого, когда я уже устала бродить по замку в одиночестве, меня снова поймала Нира и сказала, что меня хочет видеть Магистр.

Я помрачнела, заранее предчувствуя, что этот разговор будет неприятным – но снова ошиблась.

Торван только выдал мне учебник по этикету и биографию Асмодея.

– Зачем я должна её изучать? – мрачно поинтересовалась я. – Вряд ли Асмодей много читал про меня.

– Это будет полезно. К тому же... Ты знаешь, что в Аркеноре есть традиция отбора невест?

У меня задёргался глаз. Глупо было бы спрашивать, при чём тут я...

– Технически, вы меня уже отобрали! – заметила я.

– И всё же тот факт, что борьба будет идти за руку Асмодея – неоспорим.

Я хмыкнула.

– У меня вроде как есть запасной вариант по имени Калерон. Его биографию вы не хотите мне дать?

– Нет.

Я начинала подозревать, что Торвана вообще невозможно вывести из себя.

– Кто-то, по крайней мере, расскажет мне, по каким признакам... кроме родства с Элайей... меня будут отбирать?

– Обязательно, – пообещал Торван. – На днях.

– На днях... – повторила я. – Разве нам не нужно было успеть во дворец за несколько дней?

– Иди и не беспокойся о времени. Этот вопрос остаётся за мной.

Поняв, что ничего больше от Торвана не добыю, я действительно ушла.

Надаэр

По мере того, как рана заживала и тело крепло, душе моей становилось всё более беспокойно.

С самого начала моих поисков я знал, что должен привести наследницу Элайи ко двору. Что этот брак поможет установить порядок и вернуть благоденствие в мир, который я так люблю.

Всё было легко и тогда, когда я отыскал Элирену. Девчонке было нечего терять. Я знал, что подарю ей сказку, которой она не увидела бы иначе никогда.

Я не усомнился ни разу... Ни разу до тех пор, пока она не явилась мне во сне. Здесь, в Замке Чёрной Совы, когда травы Веги погрузили меня в глубокий сон.

Мне казалось, я чувствую прикосновение её пальцев на своей щеке. Вижу рядом её нежное лицо.

Княжна Элирена... Это имя подходило ей. И Асмодею она тоже подходила.

Но если так, то что делаю в этой истории я?

Мой долг перед Асмодеем очевиден. Долг перед Орденом – тоже. И умом я понимал, что делаю именно то, что должен делать... Но в голову невольно закрадывалась мысль: если этот брак нужен Асмодею... Почему бы ему самому не поехать и не добыть себе невесту?

Мой мир уважает обычаи. С давних времён мы храним легенды о подвигах наших праотцов. Для многих всегда была любимой легенда о

рыцаре, который отправляется в дальние края, чтобы вернуться домой с невестой.

Для многих... возможно, и для меня. Потому что я хотел странствовать. И свою любовь я хотел отыскать сам. Возможно, в далёких землях, а возможно – в иных мирах.

Невеста, которую предложил мне отец, была мила... Но я знал, что мне будет безумно скучно прожить с ней целую жизнь.

Я всегда чувствовал, что у меня иная судьба.

И теперь, глядя на ту, кого я отыскал сам... я невольно думал о том, что именно это – и есть та судьба, которую я искал.

Я её заслужил. Я привёз её сюда. И я никому не должен её отдавать.

Видимо, подобные мысли были написаны у меня на лице на протяжении всех последующих дней, потому что Доран то и дело косился на меня с подозрением. Вега не хотела выпускать из лечебницы. А в конце концов меня пригласил в кабинет магистр Торван и, после долгой, нудной и очень светской беседы об устройстве иных миров, где я побывал, спросил наконец напрямик:

– Что ты думаешь о нашей княжне?

Я молчал. Торван, безусловно, видел ответ по моим глазам.

– Полагаю, – наконец заставил я себя проговорить, – я вообще не должен о ней думать. У неё великая судьба, связанная с Аркенором. Моя судьба уводит меня в иные земли.

– Ты в это веришь?

Нет. Конечно, нет.

– Разве не так предполагалось с самого начала? – только и спросил я.

– Надаэр... – Торван вздохнул. – Я думал, мы с тобой доверяем друг другу.

Я молчал. Торван был прав. Год назад наша встреча изменила мой взгляд на мир. С тех пор у меня и мысли не было о том, чтобы ему солгать. Мы могли спорить. Я мог не делать того, чего он хотел.

Но лгать... никогда.

– Чего ты от меня хочешь? – после долгого молчания спросил я.

– Ничего, – ответил Торван и отвёл взгляд.

Я почти что хотел, чтобы он запретил мне видеться с Элиреной. Чтобы повёл себя так, как повёл бы мой отец. Но Торван не был мне

отцом. И Торван никогда ничего не запрещал. Он знал, что я должен решить за себя. И я тоже это знал.

В ту ночь я плохо спал, и мне снова казалось, что Элирена сидит на моей кровати. Касается рукой моего лица.

Утром, поднявшись, я подошёл к окну и замер, глядя на двор.

Элирена в простой аркенорской рубахе и шерстяных штанах занималась с клинком. Естественное желание Торвана – хотя и не самое срочное, на мой взгляд. Любая аристократка должна это уметь, да и на дороги Аркенора опасно выходить без оружия.

Она тиранила чучело, а я смотрел и не мог отделаться от мыслей о том, как правильно, как естественно она выглядит здесь. В этой одежде. Под этим небом, исполненным низких серых туч.

Настоящая аристократка жаловалась бы на то, как ей тяжело.

Следовало ожидать, что и горожанка из иного мира тоже будет без конца ныть.

От Элирены я не слышал ни слова жалобы... зато теперь, глядя на неё, вспомнил тот взгляд, которым она смотрела на меня вчера. А потом... старалась не смотреть.

Сделал глубокий вдох и отвернулся, прежде чем она заметит столь пристальное внимание к себе.

Вега скрепя сердце разрешила мне покинуть лазарет, и теперь я вернулся в башню, где всегда ночевал, если приезжал сюда.

Огляделся, пытаюсь насладиться тем, что наконец-то вернулся домой – но никак не мог. Так и тянуло обернуться и снова выглянуть за окно.

Здесь, вдыхая наполненный магией воздух Аркенора, Элирена изменилась. Её волосы стали длинней и крепче, кожа казалась матовой и безупречно гладкой. Но этот новый облик не выглядит чужим, нет, скорее я чувствовал, что она наконец-то стала собой. Наверное, чувствовала это и она...

Поборовшись с собой несколько минут, я накинул плащ и стал спускаться по лестнице во двор. Вышел из башни и направился к тренировочной площадке. Снова и снова перед внутренним взором вставало лицо Торвана, снова и снова мысли возвращались к тому

разговору, который состоялся между нами – но ничего с собой поделаться я не мог.

– Привет, – я улыбнулся, заметив, как Элирена вздрогнула. Рука её крепко сжалась на рукояти клинка.

– Привет... – выдохнула она.

Я подошёл со спины и полуобняв её одной рукой, придержал запястье, чтобы другой поправить пальцы, лежавшие на мече.

– Не сжимай так сильно. Это мешает тебе контролировать кисть.

Элирена замерла в моих руках. Боялась? Интуиция подсказывала мне, что дело вовсе не в страхе.

– Что-то ещё?.. – шёпотом произнесла она.

Я качнул головой. Надо было оставить её в покое и идти по своим делам.

Я стоял как идиот, старательно делая вид, что не обнимаю её, а просто учу обращаться мечом.

– В смысле... – пояснила Элирена, – может, покажешь мне какой-нибудь фирменный приём?

– Покажу.

Понимая, что веду себя как полный идиот, я отпустил её и направился к ближайшей оружейной стойке за мечом.

Выбрал в меру лёгкий клинок и, взвесив его в руках, занял стойку.

– Нападай! – велел я.

И раньше, чем успел договорить – Элирена ринулась вперёд.

– Смело, но неуклюже.

Сабля Элирены, звеня, полетела в грязь, а сама наследница оказалась у меня в руках, прижата спиной к моему животу.

Она тяжело дышала.

Кажется, как и я.

Я чувствовал собственной грудью, как бьётся её сердце рядом с моим.

– Ты меня победил... – прошептала она.

– Ты не слишком мне противостояла...

Я собственного голоса не слышал за шумом крови в ушах.

Если смотреть вблизи, можно было разглядеть, какого необычного цвета у неё глаза. Сейчас зрачки потемнели, отражая небо, налившееся дождём.

Рот Элирены приоткрылся. Она рвано выдохнула, почти всхлипнула, и я поспешил отстраниться от неё.

Идиот! Я идиот... Она же совсем девчонка. В чужом мире. Ни к чему не привыкла. Всё кажется для неё сказкой. А я... наверное, каким-нибудь рыцарем из снов.

Но я-то не в первый раз путешествую по другим мирам. Не в первый раз сталкиваюсь с людьми, которые видят во мне нечто сверхъестественное... Кто рыцаря тьмы, а кто спасителя.

«Не надо было доверять это задание тебе», – лицо наставника появилось перед глазами, как наяву.

– Ты обещал показать мне окрестности, – напомнила Элирена, как ни в чём не бывало.

– Обещал, – подтвердил я. «И слово своё надо держать», – эта правдоподобная и просто правильная мысль почему-то показалась мне слабой попыткой оправдать то, что я собираюсь сделать. – Ты умеешь ездить верхом?

Элирена покачала головой.

– Придётся учиться. Только возьми с собой плащ – может снова пойти дождь.

Она кивнула и отправилась к себе, а я – на конюшню, седлать скакунов.

Никто не спросил меня, куда я уезжаю и зачем. И только уже ведя коней под уздцы, я заметил тёмный силуэт Дорана, замерший в углу.

– Надаэр... – окликнул он меня.

– Да, – я напрягся, интуитивно чувствуя, что он хочет мне сказать.

– Будь осторожен, – предупредил Доран.

Конечно, я понимал, что ни Доран, ни кто-то ещё в Ордене не станет мне угрожать. Но всё же его слова пробудили непрошенную злость.

– Ты же знаешь – это не мой стиль, – усмехнулся я.

Доран поджал губы и приподнял бровь.

– И ты не раз из-за этого страдал, – заметил он.

Я не стал отвечать. Молча провёл коней мимо него и направился к воротам, где меня должна была ждать Элирена.

ГЛАВА 14

Элирена держалась в седле куда лучше, чем можно было ожидать от уроженки урбанистического мира.

Мы вскачь пронеслись мимо северных ворот, и я замедлил бег своего коня, давая спутнице возможность оглядеться по сторонам.

Кажется, Элирена не была особенно поражена.

– Что ты пытаешься мне показать? – после долгой паузы спросила она.

– Ты не видишь? – я не сдержал подобия улыбки.

Элирена покачала головой.

– Мы в Реневе, – пояснил я. – В этом мире вообще нет людей.

Элирена подняла брови.

– Наверное, я пока не так хорошо разбираюсь в мирах, чтобы это понять.

Я вздохнул. Перехватил поводья её коня, чтобы не дайте Звёзды, не понёс, и заставив обоих скакунов перейти на медленный шаг, продолжил:

– В этом замке долгое время никто не жил. Он принадлежал моей семье. Но тут... как ты могла заметить, нет никаких удобств.

– Я уж думала, что для вашего Аркенора это нормально.

– Нет, – я не сдержал улыбки, – не совсем. Ты увидишь, что Пандемониум живёт совсем иначе. Просто это место – очень древнее. Его построил мой троюродный прадед, а затем про него не вспоминали несколько войн.

К тому времени, когда оно перешло ко мне, никто уже не мог объяснить мне, зачем построена крепость посреди равнины. Большинство тех, с кем я общался при дворе, и не слышали об этих местах.

А я должен был проверить всё – не люблю оставлять дела на попечение других. И потому приехал сюда, забрался на самую высокую башню и стал оглядываться по сторонам. Я тоже не сразу заметил то, что пытался показать тебе. Смотри, – я осторожно развернул Элирену лицом к лесу. – Внимательно смотри.

Я бы и сам, наверное, не заметил, если бы не знал, что искать.

– Олень! – озвучила Элирена. – С золотыми рогами олень! Как в сказке, ё-моё!

Я усмехнулся.

– И что, у него золото сыплется с копыт? – Элирена на мгновение повернулась ко мне.

– Только в период линьки.

– Всё равно... это же...

– Золото в Аркеноре стоит не так много. Оно бесполезно. В тяжёлые времена ценнее добрая сталь...

Наверное, я помрачнел, потому что Элирена накрыла мою руку своей и наклонилась, что-то высматривая в моём лице.

– Ты так переживаешь за своё королевство?..

– Я переживаю за людей, которых знаю. За Асмодея... За Калерона я тоже переживал, до тех пор, пока он не сделал то, что сделал...

Я качнул головой.

– Но сталью, конечно, не расплатишься в магазине. Наши монеты выглядят так, – я выудил из кошель, спрятанного в складках плаща, несколько гелоринов и показал Элирене.

– Интересно... – произнесла она, разглядывая монетку на свет. – Это малахит...

– Их выпустили при королеве Гелоре, матери Асмодея. Но материал не случаен – малахит отличный проводник для магической энергии. Годятся и другие камни, но каждый имеет свои особенности.

– Магической энергии... – повторила Элирена, продолжая покручивать монетку в руках.

Элирена

Оставались вещи, в которые мне верилось с трудом.

Например, златорогий олень из восточных сказок. Как ни странно, двухголовый конь с Перекрёстка показался мне куда более реалистичным.

Ну, или, магия...

– Странно устроен человеческий ум... – пробормотала я вслух.

– В магии нет ничего странного.

Надаэр будто прочитал мои мысли... А скорее, попросту вёл подобные беседы не в первый раз. Последняя мысль навеяла на меня грусть.

– Считаю её местной заменой электричеству. Только ею можно управлять без помощи пультов и проводов.

– Но ей тоже нужны проводники.

– Порой.

Я понимала, что то, что рассказывает мне Надаэр, крайне важно, но честно говоря, хотела услышать совсем о другом.

– Я думала, ты расскажешь мне о себе, – наконец решилась озвучить я и подняла взгляд от монеты к его глазам.

Надаэр почему-то молчал. Так же пристально, как вчера, смотрел на меня и не говорил ничего.

– Например... что?.. – наконец произнёс он.

Я повела плечом.

– Мне кажется, у тебя было много таких как я, – губ коснулась горькая улыбка, а в следующее мгновение я покраснела, сообразив, что ляпнула. – В смысле, я далеко не первая иномирная дурочка, которой ты рассказываешь про малахит.

– Я так и понял... – глухо произнёс Надаэр, не отрывая от меня своего внимательного взгляда, и снова надолго замолк. Потом моргнул и твёрже произнёс: – Нет, не первая, – он отвернулся и сделал вид, что всматривается в горизонт. – Хотя Магистра я знаю не так давно, мои миссии и раньше часто проходили в иных мирах. Так что приходилось иметь дело с разными людьми. В том числе с теми, кто не знает о магии.

– И ты часто бывал в таких мирах, как мой?

– И не только в таких. Встречаются миры куда более развитые, чем твой.

Я кивнула. Вот так. Ничего, абсолютно ничего особенного во мне нет. Только какая-то дурацкая древняя кровь, которая сейчас только мешает его заинтересовать.

– А если бы был выбор... – стараясь сменить тему, произнесла я. – Какой бы ты выбрал мир? Я имею в виду... Где есть горячие ванны... или где приходится по утрам купаться в ручье.

Надаэр издал звук, подозрительно похожий на смешок.

– В Аркеноре есть горячие ванны, – поучительным тоном произнёс он. – Мы очень следим за собой. На то, что вы показываете в кино о своих принцах и князьях, страшно смотреть. У нас ни один крестьянин не стал бы жить так.

Я покраснела, как будто бы это от меня зависело, какое у нас снимают кино.

– А что ещё у вас есть?..

Надаэр почему-то долго молчал, как будто и не слышал мой вопрос. Потом качнул головой и отвернулся.

– Если хочешь, давай доедем до леса. Или лучше – вернёмся домой. Начинается дождь.

Намёк был настолько прозрачен, что я не решилась возражать.

Надаэр явно не хотел подпускать меня слишком близко, так что мне не оставалось ничего иного, кроме как согласиться.

Обратный путь мы проделали в молчании. Я буквально чувствовала, как сгущается мрак вокруг моего спутника, но боялась первой завести разговор.

Остаток дня я провела в одиночестве, за книгами. Только на следующее утро Торван вызвал меня к себе и предупредил:

– Тебе нужно выехать в пределах ближайших двух дней. Мои люди проверят дорогу и когда найдут безопасный путь – мы тебе сообщим.

Я нехотя кивнула. Видимо, что-то было написано на моём лице, потому что Торван поднялся со своего любимого кресла возле камина и приглашающим жестом указал мне на дверь.

– Идём, поговорим, – озвучил он.

Мы вышли и, миновав крепостной двор, поднялись на стену, за которой простиралась бескрайняя равнина. Я всё ещё не мог отличить – Ренева это или Аркенор.

– Мне кажется, ты стараешься отсрочить неизбежное, как только можешь, – сказал он.

Я вздохнула.

– Я всё ещё не уверена, что будущее, которое вы предлагаете мне – неизбежно.

– А какие варианты могут быть? – Торван испытующе посмотрел на меня.

Я отвернулась.

– Очевидно, я не могу вернуться домой, – после секундной паузы, я решила принять его игру.

– Это не зависит от нас. Враги... слуги Калерона... знают о тебе. И ты всегда будешь представлять для них угрозу.

Я нахмурилась, заметив эту заминку после слова «враги». Но тему решила не развивать.

– Надеюсь, ты не рассматриваешь всерьёз вариант вступить в союз с Калероном? – продолжил Магистр.

Я торопливо качнула головой.

– Нет, зачем бы? Тем более что... – «Тем более что Надаэр на другой стороне» – вместо того, чтобы договорить, я замолкла.

– Хорошо, я тебе верю. Что ещё ты можешь предложить?

Он так испытующе смотрел на меня, как будто знал ответ. Наверняка знал. Наверняка Доран рассказал ему о моих опрометчивых словах. И потому вместо того, чтобы произнести их вслух, я решила подойти с другой стороны.

– Магистр Торван, вы, возможно, исследовали мои генеалогические корни. Может быть даже для вас подобрали мою биографию. Вы думаете, что видите меня насквозь. Но вы не знаете меня. Не знаете моего характера.

– И ты считаешь, что твой характер не подходит для того, чтобы стать королевской невестой?

– Не только невестой, – я вздохнула. – Я не могу существовать среди интриг. Даже в своём мире, когда мне нужно общаться с людьми, привыкшими к лицемерию и лжи – я как слепой крот. Меня каждый может обмануть. А теперь подумайте – что будет, если такая девушка как я окажется при дворе? Чем это поможет вам? Не говоря уже о том, что для меня будет невыносима та жизнь, которую придётся вести. Каждый сможет использовать меня. Каждый сможет обратить меня против вас.

Торван молчал. Видимо, давал мне выговориться, и я продолжала:

– Наверняка вы знаете, что я высказала Дорану желание остаться у вас...

Торван вздохнул.

– Ты думаешь, здесь будет легче, чем в большом мире?

– Без горячей воды я как-нибудь обойдусь, – фыркнула я. – Я... не люблю людей. Если честно говорить.

– У нас тебе придётся иметь дело с людьми. Очень много иметь с ними дело. Ты ничего не знаешь о наших целях, но Надаэр наверняка говорил о том, какова наша повседневная жизнь.

– Нет, не говорил... – я мрачно качнула головой. – Такое чувство, что он вообще избегает меня...

– Он пока не до конца разучился соображать, – буркнул Торван едва слышно и, снова вздохнув, уже громче продолжал: – Большая часть деятельности наших... адептов... проходит в других мирах. В разных мирах.

– И это очень хорошо, – вклинилась я.

– И это значит, что им постоянно приходится адаптироваться к новой среде. Разбираться в политике чужих миров. В том, кто из местных ближе нам... Поверь, здесь трудно обойтись без хорошего знания людей. Даже те, кто как Нира, большую часть времени проводят на наших базах, связаны с людьми. В каком-то смысле куда больше, чем полевики. Нира встречает новичков и таких как ты. Но это значит, что она должна чувствовать каждого из вас и к каждому найти подход.

С каждым словом я становилась всё мрачней и мрачней. Мне в самом деле не очень-то хотелось вникать в их проблемы. Только остаться там, где Надаэр... вот и всё.

– Что же касается твоих слов, – продолжил Торван. – То так и должно быть. У вас говорят: рыба гниёт с головы. И с хвоста она тоже гниёт. Но там, где лидер позволяет свободно существовать злу, там, где он идёт на сделку с ним... Там люди, которым нужна только честная жизнь и свобода, будут постепенно вымирать.

– Вы хотите сосватать меня человеку, который пошёл на сделку со злом? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Ты будешь не одна. Наши люди будут поддерживать тебя. Даже когда ты вступишь в брак.

Я чувствовала, что разговор ведёт в тупик. Торван был прав в одном – без его на то воли мне не найти себе другого дома, кроме как королевский дворец.

– Попробуй, – закончил он. – Пока кольцо не надето на палец – никто не сможет тебя заставить вступить в этот брак. Я могу только просить.

Мы распрощались на этой мрачной ноте, и я отправилась к себе – читать, отдыхать и спать.

ГЛАВА 15

Надаэр

Мне не спалось.

Целый день я старался не сталкиваться с Элиреной, но куда бы я не пошёл, всюду видел её силуэт, слышал её голос.

Выпив хорошую чарку крепкого бальзама, я думал, что наконец усну мертвецким сном, но вместо этого вертелся с боку на бок, только и думая о том, что было бы, не мешай мне этот брак.

Мне никогда не везло в любви. Те, кого я любил, не любили меня. Те, кто желал меня, были неинтересны мне.

Значило ли это, что и с Элиреной будет так же?

Меня никак не утешала эта мысль. Я почему-то знал, что сумею добиться её. Сумел бы... Если бы другого не требовал мой долг.

Когда луна поднялась высоко над замком Совы, я не выдержал. Поднялся и, накинув на плечи плащ, спустился во двор.

В башне, где спала Элирена, мерцал тусклый огонёк.

«Может, она просто забыла потушить свечу...» – убеждал я себя. «Просто взгляну... крепко ли она спит».

Так я миновал двор и, поднявшись по лестнице, замер у двери.

По другую сторону царила тишина.

«Спит», – твёрдо сказал себе я и осторожно приоткрыл дверь.

Элирена, конечно же, не спала. Она лежала на кровати на животе, опасно близко поставив свечу, и что-то читала. Её длинные светлые волосы падали на книгу, и прядки, колыхавшиеся на ветру, почти касались огня.

– Кто здесь?! – стоило мне приоткрыть дверь, как она вскинулась и уставилась на меня.

Мне ничего не оставалось, кроме как честно ответить:

– Это я.

Элирена смотрела на меня так, как будто только и ждала, что я приду.

– Просто... хотел проверить... хорошо ли ты спишь. Новый мир... наверное, привыкнуть нелегко.

Я сам не заметил, как очутился в комнате и прикрыл дверь за спиной.

Элирена хмыкнула.

– Раньше у тебя таких сомнений не было.

Она улыбнулась, и мне мгновенно стало легче. Возможно в первый раз за все последние дни, я почувствовал, что вернулся домой.

– Что ты читаешь? – спросил я, приближаясь к ней и устраиваясь на полу возле кровати.

– Историю королевской семьи, – она продемонстрировала мне обложку старинного фолианта. – Торван сказал, что мне хорошо бы её знать.

Я взял в руки фолиант и осмотрел со всех сторон.

– Неплохое, но довольно нудное чтение, – признался я. – В таких книгах записывают только то, что не стыдно рассказать.

Элирена негромко рассмеялась.

– Вот уж точно, готова поспорить, кое-кто из присутствующих мог бы рассказать мне гораздо больше.

– Не уверен, – я отложил книгу и отвернулся. Не потому, что не хотел на неё смотреть. Мне просто нравилось находиться рядом с ней. Чувствовать её. – Я не люблю передавать светские сплетни. И обсуждать кто, с кем и когда спал. А без этого... политику Аркенора, увы, не понять.

– Не потому ли ты ушёл от двора? – спросила Элирена. Почти угадала. Но я качнул головой.

– Нет... потому что не хотел смотреть, как люди, которых я люблю, убивают друг друга и разжигают ненависть в собственных сердцах.

– Асмодей и Калерон? – осторожно поинтересовалась она. – Ты... лично их знал?

Я кивнул.

– Так же хорошо, как Дорана или Вегу.

Элирена молчала. Увы, я знал, о чём она думает.

– По-твоему, им нельзя доверять? – спросил я.

Элирена вскинулась. Посмотрела на меня и тут же отвела взгляд.

– Не мне судить, – буркнула она.

А потом призналась в том, что я больше всего боялся услышать сейчас:

– Я доверяю тебе.

У меня похолодело в груди от осознания того, насколько тяжела ноша, которую она решила на меня возложить. От того, насколько отчётливо отражалось это доверие в её глазах.

– Элирена... Яна... Не стоит... – я качнул головой и опустил взгляд. – Я вовсе не могу обещать, что не подведу.

– Ты выглядишь сильным, – сказала она, и эти слова заставили меня вздрогнуть, снова посмотреть на неё. – Но ты как будто чего-то боишься. Конечно же, ты никогда не расскажешь – чего.

– Расскажу, – ответил я. Ответил, потому что надеялся, что после моего ответа она наконец перестанет мне доверять и пойдёт своим путём. – Я был ближайшим доверенным лицом Гелоры и её сына, когда Калерон задумал заговор. И я доверял Калерону. Я его любил. Поэтому я позволил ему пройти в покои Асмодея и подсыпать принцу травы... Травы, которые позволили людям Калерона похитить Асмодея и изуродовать его.

Элирена молчала. Мне казалось, что она хотела что-то сказать, но никак не решалась.

– А самое страшное, что когда это произошло, – продолжил я. – Гелора не перестала мне доверять. Сколько бы ошибок я не совершал...

В следующее мгновение я потерял возможность говорить, потому что губы Элирены впились в мои.

Тело обдало жаром. Я потянулся, чтобы отстранить её от себя – и не смог. Только крепко вцепился в её плечи, притягивая к себе.

Горячее дыхание Элирены обжигало мне рот. Нестерпимое пламя стремительно разгоралось в животе. Нужно было её оттолкнуть... Пока она не поверила, что это всерьёз...

Наконец я справился с собой и твёрдо отстранил её.

– Элирена! – мой голос должен был звучать сурово, но, кажется, больше слова походили на мольбу. – Не делай так больше. Ты будто не слышишь, что я пытаюсь тебе сказать.

Она молча смотрела на меня.

– Если ты хочешь мне добра – ты должна вступить в этот брак. Для этого я тебя нашёл.

Она продолжала молчать.

Мне ничего не оставалось, кроме как встать и выйти прочь.

Яна

Я спала плохо как никогда.

В первый раз я целовала мужчину и получала от ворот поворот.

«Что я за идиотка?» – крутилось в голове.

Я ненавидела себя за тот недолгий порыв, который с головой накрыл меня, когда мы оказались вдвоём. Надаэр был так близко... И мне показалось, что ещё немного и его броня разойдётся, а я наконец-то узнаю, что находится внутри.

«Ага, узнала», – вертелось ядовитой змейй.

Больше всего я хотела сбежать, прямо сейчас.

Только куда? В этот необитаемый мир? Или в Аркенор, где за мной охотится вся королевская рать?

Тем более, что я ничего не знаю про эти их соприжения миров... Нет, надо взять всё возможное от этих людей. И от Асмодея, если на то пошло...

В конце концов, почему бы и нет? Он принц. Я стану королевой. И никто не сможет обязать меня отдавать какие-либо долги Магистру и всем остальным.

«И Надаэру...» – я стискивала зубы, потому что одно только воспоминание об этом имени причиняло боль.

Так я и проворочалась до утра, а раньше, чем наступил рассвет, в дверь раздался стук.

– Кто? – спросила я и села.

Ничего не ответив, пришелец вошёл, и когда глаза немного попривыкли к темноте, я разобрала под чёрным капюшоном, низко надвинутым на лоб, лицо Дорана.

– Вставайте, княжна Элирена, – сказал он. – Дорога свободна. Нужно ехать прямо сейчас.

Как во сне я вскочила с кровати и принялась натягивать брошенную неподалёку одежду. Мысль о Надаэре снова неприятно заскреблась в моей голове, но я стиснула зубы и велела ей проваливать.

«Не хочу его видеть», – твёрдо произнесла я про себя. – «Не знаю, кто он такой, и не хочу знать».

Я завязала у горла поданный Дораном плащ и следом за ним стала спускаться по винтовой лестнице. Мы добрались до конюшни, забрались в сёдла и тронулись в путь.

Молчаливые стражи отворили перед нами ворота. Над травянистой равниной простирался предрассветный мрак.

Доран старательно следил, чтобы я не отстала – но и поблажек мне не давал.

Так длилось несколько часов, пока, слабо мерцая, не показались на горизонте силуэты башен и контуры стен.

– Вот он, – сказал Доран. – Пандемониум. Теперь осторожней. Здесь нас могут атаковать в любой момент.

Раньше, чем Доран закончил говорить, раздался свист, и только когда конь заржал, вставая на дыбы, я поняла, что это было – стрела.

Несколько секунд пролетели как один миг. Все мои мысли сошлись вокруг того, как бы не вывалиться из седла.

В конце концов я всё-таки проиграла. Грохнулась в траву, а конь рванулся прочь, едва не ударив меня копытом в висок.

Лёжа на земле и пытаясь разобраться, где нахожусь, я наблюдала, как двое всадников насаждают на Дорана. Откуда-то из темноты летели стрелы, но кто их пускает я разглядеть не могла.

Очередная стрела на удивление удачно угодила мне в плечо. Я закричала и тут же увидела, как один из нападающих оборачивается ко мне.

Доран явно не успевал ему помешать.

Тот рванулся ко мне на ходу, поднимая клинок...

И рухнул.

Я подняла глаза и увидела едва видимые в темноте контуры силуэта в чёрном плаще.

В голове окончательно помутилось. Я перестала понимать, кто и на чьей стороне... Впрочем, я этого с самого начала не понимала. Новый участник схватки рванулся в темноту, и лучник вскрикнул. Поток стрел иссяк, а в следующее мгновение упал и последний нападавший.

– Доран! – рявкнул до боли знакомый голос.

Я стиснула зубы, чтобы тоже не закричать.

– Ты должен был предупредить меня!

– Я так не считал!

Теперь я хорошо видела оба лица. Надаэр и Доран нависали надо мной, но, кажется, сама я никого уже не интересовала.

– Это касается меня, Доран! – говорил Надаэр, и тот что-то ему отвечал. Я не могла сосредоточиться на словах из-за боли в плече.

– Ну хватит уже! – не выдержала я. Кое-как поднялась и попыталась вклиниться между ними. – Пока вы тут решаете, кто из вас должен меня защищать – я кровью истеку!

Надаэр мгновенно умолк на полуслове и перевёл взгляд на меня.

– Чёрт... – от всей души выговорил он. Снова отвернулся, оглядываясь по сторонам. – Где второй конь?

– Нет второго коня! Убежал! – Я чувствовала, что начинаю паниковать.

– Езжайте на моём, – Доран свистнул, подзывая собственного скакуна, и тут только я поняла, что Надаэр, похоже, добрался до нас вообще пешком.

Расспросить себя он, впрочем, не дал. Взобрался в седло и при помощи Дорана взгромоздил меня перед собой.

Я к тому времени уже совсем ничего не соображала. Перед глазами плыло, боль становилась всё сильнее.

– Потерпи... – услышала я шёпот у самого уха.

– Не маленькая, – выдохнула я в ответ, – потерплю...

Кажется, эта была последняя моя связная мысль.

Из всей оставшейся поездки я запомнила только боль и стук копыт, каждый удар которых отзывался новым взрывом в плече. Расплывчатые огни проносились с обеих сторон.

Потом Надаэр спрыгнул с коня, взял меня на руки и понёс по дорожке, ведущей в какой-то дом.

Снова надо мной говорили люди, снова горел свет. Наконец, мы прорвались сквозь освещённые залы и Надаэр опустил меня на кровать.

– Потерпи... – прошептал он. – Лекарь сейчас придёт.

Наверное, я уже бредила, но мне показалось, что напоследок он коснулся поцелуем моего лба. А затем ушёл.

ГЛАВА 16

– Ну что?

Надаэр замер, встретившись с выжидающим взглядом Асмодея.

Злость, бушевавшая в сердце и порождённая предательством Дорана, мгновенно стихла.

Асмодей был на добрую голову ниже него. Его исхудавшие полупрозрачные руки терзали носовой платок с монограммой королевской семьи. Алый бархатный камзол сидел на нём как влитой, каштановые волосы были собраны на затылке в аккуратный хвост и закреплены заколкой с бриллиантами. Можно было бы сказать, что Асмодей красив, если бы не уродливый шрам, пересекавший его лицо.

Шрам, на который Надаэру смотреть было едва ли не больше, чем самому хозяину лица.

– Она будет жить, – Надаэр неглубоко, но достаточно почтительно поклонился. – Стрела засела неглубоко.

– Как это... как это произошло?

Надаэр закрыл глаза и покачал головой. Ему абсолютно не хотелось рассказывать принцу о том, каким образом его же собственный побратим увёл княжну у него из-под носа. И главное – зачем.

Этой ночью он спал так же плохо, как и Элирена. Мысли о том, что предстояло сделать, и о том, что он уже сделал, не давали ему покоя.

Тщетно Надаэр напоминал себе, что привёз сюда Элирену с одной единственной целью – передать в руки сыну Гелоры. Помочь заключению брака, который позволит наконец воцариться миру в землях Аркенора.

Попеременно ему мерещились в темноте то Торван, то Гелора.

«Я ни в чём тебя не виню», – говорила одна.

«Это твой выбор и ты должен сделать его сам», – вторил ей другой.

Надаэр не видел выбора. Он не любил подчиняться правилам, лишённым смысла, но Асмодей был для него не просто правилом и не только долгом. Надаэр знал, что не сможет отнять у него надежду на мирное царствие, надежду на безопасность и покой.

Теперь, когда он видел изуродованное шрамами лицо Асмодея перед собой, Надаэр ещё отчётливей понимал, что должен довести дело до конца.

Тогда, ночью, он так ни к чему и не пришёл.

Заснул под утро с мыслью о том, что у него впереди ещё целый день. Что он сделает то, что должен – но прежде сам отвезёт Элирену во дворец. Сам представит её Асмодею. Если понадобится – сам проследит за тем, чтобы Асмодей или кто-то иной не причинил ей вреда.

Надаэр поднялся за час до рассвета – смутная тревога, ощущение подступавшего со всех сторон одиночества разрушили его сон.

Он поднялся, оделся и, накинув плащ, спустился во двор.

Надаэр собирался взять коня и отправиться в Реневу – он по опыту знал, что несколько часов скачки успокоят его и вышибут дурь из головы.

С этими мыслями он добрался до конюшни, прошёл к стойлу, где держал своего коня... И остановился, краем сознания ощущая, что что-то не так.

Вначале Надаэр приписал было это предчувствие остаткам несбывшихся ночных снов. Предощущению грядущей разлуки с той, кого он не хотел отпускать.

Однако, когда тряхнув головой, он открыл стойло своего скакуна, мгновенно понял, что в конюшне не хватает ещё двух лошадей.

Той, которую он снаряжал для Элирены.

И той, которая принадлежала Дорану.

Надаэр выругался.

Он мгновенно понял, что произошло, не знал только: когда и как далеко эти двое могли уйти.

Первой его мыслью было оседлать коня и отправиться следом за ними, но уже через мгновение Надаэр понял, что вряд ли сумеет их нагнать.

Надаэр закрыл глаза. Он помнил, что случилось, когда он открывал неподготовленный туннель в прошлый раз. Аррака он по-прежнему не нашёл и потому уже здесь, в крепости, взял у магистра другой.

Однако толку от амулета не было, если пространственный разлом не привязать к нему заранее.

Надаэр достал аррак и просмотрел заклатья, которые уже были привязаны к нему.

Одно из них открывало проход в Пандемониум. Надаэр не был удивлён – это был один из самых частых маршрутов для тех, кто обитал здесь.

Оставалось надеяться, что он не разминется с Элиреной.

Однако, настолько удачным утро быть не могло.

Надаэр открыл аррак, активировал туннель, шагнул в него...

И вышел наружу в задней комнате местного борделя.

Полуголые девушки вопя бросились врассыпную.

Надаэр стараясь не сталкиваться с ними, на бегу бросился к выходу, а затем дальше, по улицам, освещённым газовыми фонарями, к воротам, выходящим на восток. Туда, где находился замок Совы.

Доран почти успел довести Элирену до цели. Но теперь Надаэр видел княжну, лежащую на земле. Доран стоял над ней, сиюсь отбиться от двух противников.

Сердце Волхонского стиснула застарелая боль. Вид беззащитной фигуры той, кого он любил, парализовало его на несколько долгих секунд.

А затем Элирена закричала. Нападавший нанёс удар. Надаэр сам не заметил, как ринулся вперёд.

Асмодей стоял, пристально разглядывая взволнованное лицо своего перста. Князь был импульсивен – принц этот знал. Но настолько испуганным Асмодей не видел его уже давно.

И ещё Асмодей знал, что Надаэр не тот человек, который станет бояться за себя. Он помнил единственный случай, когда видел на его лице страх. В прошлый раз это было тогда, когда люди Калерона едва не убили его самого.

«Ты ведь боишься не за меня. И не за себя», – думал он. «Но тогда... за кого?»

– Я хотел бы увидеться с ней, – только и сказал он.

Надаэр нервно кивнул.

– Полагаю, вы сможете ей помочь... За тем я её и привёз. Потому и спешил.

Он отошёл от двери, ведущей в восточное крыло, и позволил принцу первым пройти вперёд.

Они миновали анфиладу комнат, от которой то и дело отходили новые ответвления – всего таких ответвлений насчитывалось восемь, но сейчас заняты были семь. В каждом из семи разместили одну из невест. В восьмом, менее роскошном, находились комнаты прислуги.

Надаэр шёл следом за Асмодеем по комнатам, которые помнил с детства, но ощущал себя здесь ещё более чужим, чем в замке Совы. Он давно отвык от столицы.

– Вот она... – прошептал Асмодей, открывая последнюю дверь.

На мгновение замер, разглядывая искажённое болью лицо. Потом решительно шагнул вперёд и присел на постель.

– Издавна потомки Элайи обладают редкой способностью – исцелять и брать на себя чужую боль, – прошептал он. – Мой дар не так чист. Но я постараюсь помочь... Надаэр, будь добр, подойди. Мне понадобится твоя помощь.

Князь кивнул и, приблизившись, замер в шаге от него.

Одна рука Асмодея легла на плечо Элирены возле самой раны. Другая – на запястье Надаэра.

В следующее мгновение Волхонский ощутил, как на него медленно накатывает слабость, начинает кружиться голова.

Элирена же, напротив, приоткрыла глаза. Рана на её плече затягивалась на глазах.

Надаэр пошатнулся и схватился за угол резного комода, стоявшего возле кровати, чтобы не упасть.

Элирена моргнула. Она не заметила этого жеста – только то, что тело её наполнилось силой, захотелось вскочить с кровати и бежать куда угодно, обследовать новый мир.

– Спасибо... – с удивлением прошептала она и села.
Асмодей убрал руки. Надаэр испустил облегчённый вздох.

Элирена

Я огляделась по сторонам. Комната, куда меня привезли, походила на музей. С трудом верилось, что кто-то мог жить в подобном помещении. Комоды, стоявшие вдоль стен, украшала позолота, небольшой столик у окна и два стула, находившиеся рядом с ним, были инкрустированы самоцветами.

Я опустила взгляд на своё тело, на порванную рубаху, в которой приехала сюда.

– Кажется, нашей гостье нужно время, чтобы привести себя в порядок, – произнёс незнакомец, который меня исцелил, и встал. – Не будем мешать. В комодах одежда – она твоя. Мы подождём в соседней комнате. А потом я хотел бы с тобой поговорить. Поближе... узнать тебя.

Я перевела взгляд на него. Конечно первым, что бросалось в лицо, был шрам. Ужасный, который почти заставлял отвести глаза. Тут же вспомнились слова Надаэра о том, что принц Асмодей некрасив – и я поняла, кто передо мной.

И хотя я понимаю, что нельзя судить людей по внешности, в голове пронеслась мысль: «Господи, как я смогу находиться с ним... каждый день? Каждый день на него смотреть?»

Потом взгляд скользнул на Надаэра – растрёпанного с дороги, пахнувшего свежей травой и свежим потом... И я подумала, что лучше видеть рядом кого угодно, только не его.

К счастью, оба двинулись к двери и на некоторое время оставили меня одну.

Я спустила ноги с постели и подошла к окну. Там, снаружи, едва рассвело. Стояла весна, и деревья шелестели листвой. Но парк этот, конечно же, мало походил на те бескрайние сизые пустоши, которые окружали замок Совы.

Он был ухожен, и даже сами листья казались здесь ярче и свежей.

Вдали звенели струи фонтана, и парочка служанок, переговариваясь, спешила по аллее с корзинами, укрытыми белыми полотенцами.

«Горячая вода!» – пронеслось в голове и, на ходу скидывая порванную рубашку, я принялась обшаривать взглядом стены своей... спальни?

Дверь оказалась замаскирована так, что со стороны казалась частью обитой шёлковыми обоями стены. Однако, я нашла её. Подошла, повернула рукоятку...

И тихо ахнула, когда увидела, что находится с другой стороны. Стены были отделаны голубым и зелёным мрамором, под потолком тянулись мозаичные узоры, изображавшие переплетение цветов.

Я опустила взгляд ниже и увидела натуральный бассейн, углублённый в пол. Торопливо стянула штаны и, спрыгнув вниз, принялась оглядываться в поисках крана, но не успела его отыскать.

Стоило ногам коснуться прохладного дна, как струи воды хлынули со всех сторон.

– Горячо! – не сдержалась я – и вода тут же стала холодной.

Я машинально коснулась плеча, проверяя, не поврежу ли ране – но обнаружила, что на её месте осталась только запёкшаяся кровь. Воспалённые ткани немного ныли, только и всего.

Потратив ещё некоторое время на то, чтобы договориться с местным краном, я наконец отрегулировала температуру воды и опустилась в неё по самый подбородок. Зажмурилась, наслаждаясь её прикосновениями к измученному переездами и скачкой телу. Прислонилась к бортику и тут же услышала негромкий стук в дверь.

– Да... – нехотя откликнулась я, приоткрывая один глаз.

– Его высочество приказали принести вам еды, – откликнулась показавшаяся на пороге горничная.

Я зачарованно наблюдала, как она опускается на колени возле моей ванной и устанавливает рядом серебряный поднос.

– Его высочество рассудил, что на завтрак вы не захотите ничего тяжёлого, поэтому здесь только два яйца, малиновая каша и молоко. Но если вы хотите чего-нибудь ещё...

– Кофе? – предположила я.

– Кофе скоро будет готов. Его подадут к общему столу.

Я кивнула, поблагодарила и принялась за еду.

ГЛАВА 17

Сидя в одной из гостиных восточного крыла – ближайшей к личным покоям Элирены – Надаэр не заметил, как задремал.

Ему снова снилась Геллора. Последний вечер, когда они говорили. «Я полагаюсь на тебя», – сказала она. «Твой отец всегда оберегал меня. Как бы я хотела, чтобы ты так же уберёг моего сына...»

Надаэр смотрел на неё и не мог подобрать ответ. Он не был своим отцом. И он уже знал, что не справился один раз. Князь не знал, как Геллора так легко доверяет ему самое ценное, что у неё есть.

«Когда мой сын станет королём... Ему будут грозить многие опасности. Он не справится без тебя».

В тот вечер Надаэр был уверен, что эти времена наступят ещё не скоро. Древняя кровь – кровь, что текла в жилах королей – делала жизнь потомков Элайи заметно длинней, чем у обычных людей.

Лёгкое прикосновение к плечу вырвало Надаэра из задумчивости.

– Что?.. – вскинулся он.

– Прости. Я не собирался тебя будить.

Асмодей стоял над ним, и рука принца лежала у Волхонского на плече.

– Я не собирался спать. Просто... – Надаэр запнулся, не зная, как описать прошедшую ночь.

– Ничего. Кофе принесут, как только наша княжна выберет наряд... Она всегда собирается так долго?

Надаэр качнул головой. Он провёл рядом с Элиреной всего несколько дней, но за это время ему показалось, что та не из любительниц наводить марафет.

– Тебе тоже нужно отдохнуть, – не дождавшись ответа, произнёс Асмодей.

Надаэр снова качнул головой.

– Слишком много вопросов. Торван смог ответить мне лишь на малую часть. Я надеялся, ты можешь знать больше...

– Торван... – Асмодей поджал губы. Этот человек казался ему не менее опасным, чем сам кардинал Ловеин. Но Надаэр по загадочным причинам ему доверял.

– Привет... – прозвучало от арки, ведущей к личным покоям Элирены, прерывая разговор, и оба, князь и принц, обернулись на звук.

Асмодей невольно отметил, что наследница Элайи красива. Пожалуй, красивей всех остальных невест, которых уже доставили во дворец.

– Доброе утро, – мягко сказал он. – Надеюсь, вам понравились комнаты, которые подготовили для вас?

Надаэр молчал. Он тоже смотрел на Элирену, сейчас облачённую в лёгкую свободную рубаху, заправленную в кожаные штаны. В глубоком вырезе виднелся треугольник алебастрово-белой груди. Обувь, подготовленная слугами принца, очевидно, тоже пришлась ей впору, потому что на ногах Яны были высокие узкие сапоги.

Волосы, ставшие заметно длинней в благотворном климате Аркенора, она укладывать ещё не научилась, но при помощи горничной сумела собрать в низкий свободный пучок. Только пара прядей, возможно, нарочно оставленных свободными, падала на виски.

Сердце стучало медленно, но так сильно, что князю показалось, этот грохот слышат все вокруг.

Все слова выветрились из головы.

Элирена на него не смотрела. Она старательно прицелила взгляд посередине между двумя аркенорцами так, чтобы не оскорбить никого. Поднять глаза на принца Яна боялась. На Надаэра – не хотела.

– Присаживайтесь, – предложил тем временем принц и указал гостю на третий, свободный стул.

Яна опустилась на него и, всё так же не глядя ни на кого, поблагодарила.

Асмодей продолжил светскую беседу, намереваясь немного раскрепостить гостью, но та явно оставалась напряжена.

Наконец принесли кофе и круассаны и все трое ненадолго сосредоточились на еде.

– Могу я спросить?.. – произнесла Элирена, когда её чашка опустела в первый раз.

– Конечно, – Асмодей попытался мягко улыбнуться, но сдвинувшиеся края шрама лишь напугали Яну. Та поспешно отвела

взгляд. Этот испуг не ускользнул и от глаз принца – он поджал губы и отвернулся к окну.

Асмодей прекрасно знал, какой эффект на людей производит его лицо. Он с детства воспитывался при дворе, как наследник. Роскошь, окружавшую его, он воспринимал как должное. Как средство, которое позволяет расположить к себе людей. Но умел быть обходительным и сам.

К тому же всегда, до того как попал в плен, Асмодей был красив. Он привык, что его улыбка располагает к нему людей. Что взгляд заставляет доверять.

Теперь, когда всё изменилось, он то и дело терял почву под ногами. Не сразу понимал, что прежние жесты воспринимаются совсем иначе.

Асмодей быстро ориентировался в ситуации, снова находил верную нить... Но слишком часто ошибался вновь.

– Магистр Торван, рассказывая об Аркенорских брачных м... обычаях, использовал слово... «Отбор». Как его следует понимать?

– В вашем мире разве нет такой традиции? – принц поднял брови и тут же снова пожалел об этом, потому что Яна поспешно отвела взгляд.

– Есть, – ответил за неё Надаэр. Он был мрачен и ничего со своим голосом поделать не мог. – В мире Яны... Элирены... Во времена монархий были распространены как отборы невест, так и женихов. Рыцарские турниры за сердце прекрасной... и конечно же потенциально влиятельной... дамы. И смотрины девушек, которых предлагали знатному жениху.

Элирена молчала. Она начинала понимать – но пока не могла решить, что делать с тем, что узнала.

Очень хотелось встать и просто сказать: «Извините, ребята, я пойду». «Вот только куда?» – тут же проносилось в голове. Ты даже не знаешь, что это за мир. Только то, что за пределами этого дворца в тебя тут же кто-нибудь пустит стрелу.

«Почему я?» – спрашивала она себя. «Нет, конечно, та жизнь, которой я жила, мало походила на ту, о которой я мечтала... Я хотела

стать частью чего-то значимого. Хотела, чтобы люди запомнили мои дела... Дела! А не то, что я от кого-то произошла и стала чьей-то невестой!»

Элирена стиснула зубы. Ей было страшно. Паника подступила к горлу мгновенно при мысли о том, что она собирается провести остаток дней здесь, рядом с этим человеком с изуродованным лицом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Надаэр, и голос его прорвался сквозь пелену мрачных мыслей, как пламя факела сквозь серую мглу. – Асмодей исцелил тебя. Но у тебя по-прежнему такое лицо...

– Такое лицо, какое и может быть у девушки, которой предложили стать невестой незнакомого мужчины! И которую затем обрадовали, сказав, что ей к тому же придётся пройти ради этого Отбор! – огрызнулась она, благополучно проигнорировав упоминание о том, что именно принц ей помог.

– Мне жаль, если вас так оскорбляет этот ритуал, – вмешался Асмодей. – Но его невозможно избежать. Это лишь традиция. Если бы я мог выбирать сам – я бы выбрал вас.

Яна поморщилась. Слова наследника звучали слишком обходительно, чтобы она могла в них поверить.

– Так выбирать будете не вы? – продолжила она. – Мне, возможно, придётся предстать перед вашими министрами, чтобы они рассмотрели меня со всех сторон, пощупали или что-то ещё вроде того?

Асмодей оглянулся на Надаэра в поисках поддержки, но тот лишь хмыкнул, сдерживая смех.

– Привыкайте, – посоветовал он. – У нашей княжны ... мм... особенный характер, скажем так.

Элирена помрачнела ещё сильнее.

– В чём будет состоять Отбор? – напомнила она. – Вы собирались мне об этом рассказать.

– Прежде, пока вы оба здесь, я хочу показать кое-что другое.

Асмодей убрал со стола поднос с остатками утреннего десерта и провёл над его поверхностью рукой.

Перламутровые мозаичные пластины, украшавшие столешницу, замерцали, и в воздухе появилось трёхмерное изображение просторной залы.

– Они в двух комнатах от нас, – сказал он. – Всего собралось шесть.

Яна, склонив голову вбок, рассматривал девушек, по большей части таких же стройных и невысоких, как Асмодей. Они разместились на креслах и кушетках. Некоторые переговаривались между собой, другие просто скучали с бокалом в руках. Двое играли в карты.

И все были одеты в роскошные шёлковые платья с золотым и серебряным шитьём.

Яна не знала, радоваться ей или чувствовать себя ущемлённой, потому что, как ей показалось, её даже прислуга не заметит в таком цветнике.

– Кого-нибудь узнаешь? – спросил Асмодей, бросив быстрый взгляд на Надаэра.

– Не всех, – признал тот. – Вот эта светловолосая – точно любимица Ловейна.

– Странно, если его предложение так прозрачно.

– Не знаю, – мрачно буркнул Надаэр. – Я бы предпочёл выяснить, кто пытался нас убить, а не считать невест по головам.

Асмодей кивнул и, отвлёкшись от голограммы, подошёл к окну.

– Варианта, как я думаю, три, – произнёс он. – Или Ловейн, или Лархерод...

– На первый взгляд нападавшие не походили на людей Калерона – или Ловейна, что на сегодняшний день одно и то же. И Калерон не стал бы прятать знаки отличия, он всё ещё помнит про честь.

– Иногда я в этом не уверен... – негромко ответил Асмодей.

– Что касается Лархерода, то мне кажется, им невыгодно связываться в наши конфликты до тех пор, пока королевская семья разобщена...

– Что ещё за Лархерод? – вклинулась Яна.

– Один из ближних миров, – Надаэр бросил на неё быстрый взгляд. – В том смысле, что в Аркеноре много точек перехода туда. С Лархеродом мы торгуем – или воюем – много веков. Наша смута безусловно затронет их – но какую позицию они займут, можно только гадать.

– Сейчас есть все основания полагать, что они выступят на стороне Калерона, – вмешался Асмодей. – Так что я бы не сбрасывал

их со счетов. Они не хотят возвращения династии Элайи на престол.

– Ты говорил, что это один вариант из трёх, – напомнил Надаэр. – Есть кто-то ещё, кто желает тебе зла?

Асмодей поджал губы, от чего его лицо приобрело ещё более пугающий вид. Скопил глаза на своего перста.

– Они называют себя Красной Лигой.

Надаэр поднял бровь.

– Ни о чём мне не говорит.

Асмодей испустил усталый вздох.

– Они заявляют, что говорят от имени народа. И говорят, что им не нужен вообще никакой монарх.

– Ясно, – коротко ответил Надаэр. Он мысленно пытался сопоставить то, что увидел, с тем, что только что узнал.

На некоторое время в гостиной воцарилась тишина.

Наконец Асмодей повернулся к Элирене и произнёс:

– Мне было приятно познакомиться с тобой, и я хотел, чтобы ты знала, чем нам грозит твой возможный отказ. Никто не станет тебя заставлять. Но поверь, если ты согласишься принять правила аркенорской игры, то можешь выиграть куда больше, чем получил бы в своём мире за всю жизнь.

Яна молчала. Она оценила предложение и понимала, что действительно не добилась бы на своей Земле того, чего сможет добиться здесь. Но в данный момент единственный приз, который не давал ей покоя, стоял в дальнем конце комнаты и не смотрел на неё.

«Какая же ты идиотка», – со злостью подумала она. Вздохнула.

– Я так понимаю, вы пытаетесь сказать, что мне пора идти?

Асмодей кивнул.

– Сегодня пройдёт торжественный вечер приветствия невест. Тогда я всем вам расскажу, как будет проходить Отбор.

– Вы, конечно, не хотите дать мне фору? – едко поинтересовалась Яна.

– Не могу, – Асмодей качнул головой. – Такова традиция.

Яна снова вздохнула. Огляделась по сторонам, размышляя, куда себя деть, и, подумав, направилась к двери, ведущей в сад.

Какое-то время она просто бродила по аллеям парка, пытаясь осмыслить всё, что произошло.

Никак не удавалось привыкнуть к мысли, что теперь она навсегда останется здесь. Из ниоткуда вылезала непрошенная тоска по оставленной Земле.

Яна рассматривала свои руки, непривычно белые и гладкие, запястья в обрамлении кружевных манжет, и не могла поверить, что всё это происходит с ней наяву. И в то же время... хотела.

Наконец, повернув в очередной раз, она увидела перед собой один из многих входов в гостевое крыло. За окнами виднелись силуэты, доносилась негромкая музыка.

Яна узнала фигуры двух девушек, игравших в карты, и поняла, что вышла к тому залу, который показал ей принц.

Поколебавшись, она решила, что стоит начать вливаться в местную жизнь, и направилась к дверям.

Едва дверь захлопнулась за спиной Яны, шесть пар глаз уставились на неё. Трое, стоявших у окна и занятых беседой девушек, впрочем, быстро потеряли к гостье интерес. Двое у карточного стола о чём-то зашептались между собой. На лицах их появились улыбки, в которых брезгливость мешалась с насмешкой, и, обойдя стол с двух сторон, они направились к новенькой.

«Интересно, у них тут полагаются вписки в... гарем?» – подумала Яна. Она не знала, что раздражает её сильнее – эта угроза, написанная на лицах девушек, или тот факт, что ей предлагают драться за сомнительную привилегию стать одной из семи невест.

Она уже обдумывала, что делать с двумя разодетыми в шелка красотками, когда шестая, до сих пор стоявшая у фортепиано с бокалом вина, отставила его на крышку музыкального инструмента и решительно раздвинув руками двух других претенденток, вышла вперёд.

– Моё имя Ларвель, – сказала она и протянула руку, на которой кружева было ещё больше, чем на рубашке Яны. Манжеты Лаэрвэли, к тому же, усыпало золотое шитьё, а ногти были длинными и полированными до блеска.

– Моё имя... – Яна запнулась, не зная, должна ли представиться так, как привыкла, или использовать то странное имя, которым

обращался к ней Надаэр – Элирена. Она толком не знала, что знают эти девицы, но подозревала, что лишнего тут лучше не говорить.

«Как я ненавижу это всё...» – подумала она про себя.

– Элирена, – решила она и пожала протянутую руку.

– Ты седьмая? – спросила Ларвель.

– Видимо, да.

– Может, хотя бы ты знаешь, что нас ждёт? – тут же вмешалась одна из той парочки, которая совсем недавно собиралась поиздеваться над ней. Презрительное выражение уже сползло с её лица, оставив за собой только тень.

– Мне сказали, что до вечера нам ничего нельзя знать, – честно ответила Яна. – «Традиция», – передразнила она.

Другая картёжница фыркнула.

– Эти традиции сводят меня с ума! Твердят, что выбирать будет сердце Аркенора – как будто мы не знаем, как делаются такие дела! Скорее всего решение принимает Торван! Он стоит у Асмодея за спиной!

– А я думаю, Асмодей избавится от Торвана, как только вступит на престол, – заметила вторая. – Может быть, он как раз ищет способ провести Отбор так, чтобы выбрать невесту по вкусу, а не ту, кого хочет навязать ему Магистр?

– У Асмодея ничего не получится, – откликнулась вторая.

Яна почувствовала, что у неё начинает болеть голова.

В последующие полчаса она узнала около десятка версий того, что происходит во дворце, и ещё столько же предположений относительно того, в чём будет состоять Отбор.

Постепенно в обсуждение включились все шестеро – Яна поняла, что Ларвель затронула необычайно животрепещущий вопрос.

Предположения разнились от варианта, что Асмодей уже сделал выбор и за столом отправит шестерых из семи по домам, до варианта, что всем семерым придётся пройти через Священный Огонь, и та, кто не сгорит, станет настоящей невестой.

По мере того, как спор становился всё жарче, голова Яны болела всё сильнее. Пока, наконец, она не ощутила на своём запястье чью-то руку, настойчиво тянущую её прочь.

Подняв взгляд, она поняла, что это Ларвель тянет её за собой.

– Я знаю, кто знает об отборе больше, чем эти дурочки, – прошептала она. – Хочешь, познакомлю тебя с ним?

– О ком идёт речь? – осторожно поинтересовалась Яна.

Ларвель наклонилась к самому уху Яны и прошептала:

– Принц Калерон.

Яна вздрогнула и невольно огляделась по сторонам.

– Ты знаешь, что за нами следят? – спросила она.

Ларвель кивнула. Взяла с крышки фортепиано бокал вина и как ни в чём не бывало пригубила.

Теперь только Яна нашла возможность рассмотреть её более внимательно и отметила светлые волосы, золотистыми локонами спускавшиеся на плечи.

«Вот эта светловолосая – точно любимица Ловейна».

Слова Надаэра мгновенно промелькнули у неё в голове.

Тогда, во время разговора с принцем, она не поняла, о ком речь.

Но теперь...

Яна огляделась по сторонам. Светлые волосы были ещё у двоих.

– Ну так что? – поинтересовалась Ларвель, пряча улыбку за бокалом с вином. – Впрочем, время ещё есть. Если надумаешь – приходи к Лебединой Беседке, едва солнце перевалит через зенит.

Она отвернулась и невозмутимо включилась в спор.

ГЛАВА 18

Яна постепенно начинала различать остальных участников Отбора между собой.

Помимо Лаэрвэли с её изнеженным лицом и пристальным, умным взглядом, она довольно быстро запомнила Грюнель, самую высокую из всех. У Грюнели были тёмно-каштановые волосы и довольно плотное, по меркам собравшихся телосложение. Она не питала особых надежд и считала, что родители прислали её сюда только потому, что ничего не понимают в собственных дочерях.

– Им надо было кого-то отправить, и я первой попалась на глаза! – резюмировала она вслух.

Родители же её владели какими-то островами на юго-востоке, где располагалось целых шестнадцать узлов.

– Ещё неизвестно, кто больше выиграет от этого брака – моя семья или сам Асмодей, – хохотнув, сообщила она.

Ещё одна претендентка, Арсея, была княжной, как и сама Элирена, только состояла с Асмодеем в гораздо ближнем родстве.

Она держалась с таким видом, как будто сама могла бы стать королевой, и очень болезненно реагировала на подколки Венера и Марсельезы, которые то и дело высказывались о её заштопанных чулках и осыпающихся кружевах.

Эти двое были знакомы с детства и, похоже, не ладили ни с кем кроме друг друга. Они происходили из Лархерода, и куда больше чем брак, их тревожила надвигающаяся война.

– Его высочество герцог Арденский прислал двоих, чтобы Асмодею было из чего выбрать, – проговорила Марсельеза, и Венера тут же пихнула её локтем в бок. Яне показалось, что герцог этот представляет далеко не ведущую группировку при Лархеродском дворе, и обоим виконтессам предписано лишний раз его не поминать.

Венера был блондинкой, ещё более яркой чем Лаэрвель, и, похоже, ещё более испорченной. У Марсельезы, как и у Арсеи, волосы были густо-чёрными. Арсея, однако, была заметно стройней. «Видимо, ей нечего есть», – высказалась на эту тему Марсельеза.

Последняя претендентка была молчалива и невзрачна на вид. Имела светло-русые волосы и худощавое лицо. Теперь, когда вся компания собралась на кушетках у окна, Яна видела, что она всё время держится в стороне.

«Тоже вполне может быть заслана недоброжелателями», – подумала она.

Вдоволь наслушавшись сплетен, Яна подошла к окну и, проведя пальцами по магическому полю, призванному защитить обитателей дворца от ветра и дождя, подумала, что тут, в сущности, всё так же, как на Земле.

Взгляд её скользнул по ухоженным аллеям, мимо радужных водяных брызг, взлетающих над шпалерниками, и остановился на тёмной фигуре, вытянувшейся возле деревьев.

– На-да-эр... – одними губами прошептала она.

Стоявший в саду мужчина вздрогнул, как будто услышал её голос, и, обернувшись, посмотрел на окно.

Яна заставила себя не двигаться, хотя желание податься назад и скрыться с глаз было почти невыносимо.

Надаэр всё смотрел и смотрел на неё, как будто глазами пытался что-то сказать, но Яна не хотела знать, какие тайны таит этот взгляд. Она стиснула зубы, чтобы утихомирить ненависть, поднявшуюся в душе. Обиду за предательство и злость за то, что князь так и не нашёл свободной минуты, чтобы перекинуться с ней парой слов. Чтобы рассказать, что её ждёт.

«Подослал ко мне своего дружка...» – мрачно думала она, вспоминая ночной визит Дорана. «Трус. Ненавижу тебя».

Надаэр отвернулся, и на мгновение Элирена запаниковала. Волхонский будто бы прочитал эти слова в её глазах.

Яна качнула головой, отгоняя эту глупую мысль. «Скорее всего, он и не видел тебя. Ты даже толком не знаешь... Может в этом мире у него кто-то есть».

Последняя мысль внезапно отрезвила её. До сих пор Яна и не задумывалась о том, что Надаэр тоже может иметь невесту или возлюбленную, а то и вовсе может быть женат.

«Вот ты идиотка...» – с удивлением подумала она. «За всё время, что вы проторчали вдвоём, не додумалась спросить. Может, тут и не о чем страдать...»

Но от мысли, что Надаэр может быть женат, легче почему-то не стало.

Яна решительно повернулась к компании собравшихся, намереваясь включиться в общий шумный разговор. Однако сделать этого не успела, потому что в дверном проёме показался лакей и возвестил о том, что в синей столовой претендентов ждёт обед.

Все потянулись туда и на какое-то время Яна потеряла возможность думать вообще о чём-либо, потому что со всех сторон слышались звонкие голоса, мелькали разноцветные шёлковые юбки, отблёскивали золотым и серебряным шитьём манжеты, корсажи и воротники.

Наконец, все семеро оказались распределены по местам за общим столом и принялись есть.

Ларвель будто бы случайно оказалась на соседнем стуле от Яны и всё время подливала ей вина. Яна старалась пить медленно, как могла, но отказываться от постоянных предложений попробовать тот или этот сорт ей не хватало сноровки, так что ближе к концу обеда у неё основательно кружилась голова.

– Время пришло, – шепнула ей на ухо Ларвель.

– Что?.. – Яна подняла на соседку недоумённый взгляд.

– Мой знакомый, – Ларвель отодвинула от Яны пустой бокал. – Он уже ждёт. Предлагаю отправиться к нему прямо сейчас

Мне ещё хватило разума на то, чтобы качнуть головой.

– Хочу освежиться, – буркнула я. Вывернувшись из рук непрошенного благодетеля и, стараясь не слишком раскачиваться, побрела к двери.

Лабиринт залов, окружавших столовую, я, как оказалось, запомнила плохо. Потому успела дважды пройти по кругу, прежде чем дорогу мне преградил силуэт в чёрном плаще.

– Ты поспешила с празднованием, – мрачно сказал Надаэр, наблюдая за моими безуспешными попытками отыскать туалет.

– А что и это запрещено? – огрызнулась я и, сделав вывод, что двери в этом дворце тоже расположены в четырёхмерном пространстве, устало приникла к обитой шёлком стене.

Надаэр вздохнул, заставляя меня разозлиться ещё сильнее.

– Никто тебе ничего не запрещает. Тем более я.

– Даже если я собираюсь пойти и узнать, что хорошего расскажет обо всём происходящем Калерон? – поинтересовалась я.

Надаэр вскинулся и помрачнел ещё сильнее.

– Элирена, это просто плохая мысль... Разве ты не видишь, к чему привело моё доверие к нему?

– Меня зовут не так! – не выдержала я. – За всё время, что мы с тобой провели вдвоём, ты ни разу даже по имени меня не назвал!

– Я зову тебя Элиреной, потому что это имя много значит для меня!

– Интересно, что? Так звали ту, с кем ты спал?

На мгновение в глазах Надаэра сверкнул такой огонь, что мне показалось, он сейчас ударит меня. Но он лишь сжал кулаки и отступил назад.

– Элирена – первая правительница нашей земли, – он старался говорить спокойно, но в голосе клокотала злость. – Дочь Элайи. Может это кажется глупым такой как ты, но с самого детства я читал о том, как благословенна была наша земля в те времена. В ней не было лжи и не было зла.

– И ты в это веришь? – не знаю, стало мне горько или смешно. – Господи, я для тебя даже не человек... Может... – я запнулась на полуслове, чувствуя, что если продолжу, разговор не закончится ничем хорошим. К тому же, крайне вовремя за спиной послышался стук каблуков о мраморный пол.

– Элирена! – окликнула меня Ларвель, – Вот ты где!

Я уже достаточно протрезвела, чтобы заметить какими пристальными взглядами обменялись эти двое.

– Князь Волхонский, – Ларвель изобразила реверанс, в котором даже мне почудилась насмешка.

– Виконтесса де Рашон, – поклон Надаэра был ещё менее учтивым.

– Позвольте украсть у вас вашу собеседницу. Она собирался помочь мне выбрать к вечеру платье.

Надаэр перевёл взгляд на меня, и теперь в этом взгляде читался откровенный укор.

– У меня нет на неё никаких прав. Надеюсь только, что вы не причините ей вреда.

Честно сказать, я не верила своим ушам. Хотя только что и доказывала ему, что хочу поговорить с Калероном – но Торван обещал мне, что его люди будут меня охранять! А теперь князь так легко уходил в сторону и только лишь выражал какую-то там надежду.

– Идём, – Ларвель ловко просунула руку мне под локоть и потянула следом за собой к одной из дверей. Сердце всё ещё глухо стучало от обиды, а она уже всю болтала какую-то билеберду, которая с трудом пробивалась в моё отравленное алкоголем сознание: – Не стоит иметь дела с этим человеком, дорогая моя Элирена... Прости, но ты не назвала своего титула.

– Княжна... – растерянно ответила я.

– Княжна, – повторила она. – Князь Волхонский очень опасен, а его союзники ещё опаснее, чем он сам. О нём ходит дурная слава при дворе. Его называли палачом Гелоры. Но теперь Гелоры нет... и никто не знает, каковы его цели.

Мне захотелось выдернуть руку, но я не успела – новая участница всего этого безумного церемониала преградила нам проход.

– Вы так надолго пропали, что все мы начали волноваться, – негромко и вкрадчиво заявила она.

Это была та самая шестая, имени которой мне не удалось узнать. Та, которая всё время молчала.

Теперь я видела, что её одежда заметно отличается от тех пёстрых нарядов, которые преобладали во дворце. Платье её было серым, и ни на пальцах, ни в ушах не было ни единого украшения. Только из складок юбки виднелась серебряная цепочка и край такого же круглого артефакта, как тот, что уронил Надаэр на перроне.

– Мы идём выбирать мне платье к вечерней церемонии, – решительно заявила Ларвель и отодвинула конкурентку в сторону плечом.

Я спиной чувствовала, что та продолжает смотреть нам вслед, но так и не поняла, чего именно она хотела.

Мы же миновали эту залу и следующую, и ту, что находилась за ней, и вышли в парковый закуток. В воздухе витал густой аромат роз, но солнце спряталось за тучи и духота стояла такая, что казалось, вот-вот разразится дождь. Ларвель крепко удерживала меня за локоть и

неторопливо, но уверенно двигалась лабиринтом подстриженных кустов. Тут и там между ними виднелись статуи незнакомых героев и богов, и мне невольно казалось, что они провожают нас взглядами. А может быть, это был кто-то ещё...

На одном из поворотов я задержалась, оглянулась через плечо и заметила, как тёмный силуэт промелькнул между шпалерником и тут же скрылся среди листвы. Я нахмурилась и невольно вспомнила свой первый разговор с Надаэром.

«Не люблю, когда за мной шпионят», – сказала я тогда. Теперь-то я понимала, какой дурочкой была...

«Привыкай...» – ответил он. И, похоже, здесь действительно не было места, за которым бы никто не наблюдал.

ГЛАВА 19

По мере того как они продвигались по лабиринтам аллей, Яна всё отчётливей замечала, что парк ухожен и подстрижен далеко не везде.

Ларвель вела её одной ей известным путём и не позволяла сворачивать, но когда их дорогу пересекали другие аллеи или если в сторону ответвлялись узкие дорожки, ей удавалось разглядеть, что всего в нескольких метрах от этой ухоженной части прячутся переломанные стволы деревьев и слышатся грубые мужские голоса, поблёскивают оружейные эфесы.

Пару раз она видела гвардейские патрули и вблизи. Тогда ей удавалось рассмотреть, что помимо шпаг в складках их плащей прячутся ещё и короткие стволы – револьверы или мушкеты она бы точно не сказала.

Ларвель не позволяла ей замедлить шага ни на миг. Однако, чем дальше они заходили, тем ближе слышался звон металла. Яна уже хотела было повернуть назад, когда Ларвель сильнее стиснула её локоть и пальцем указала вперёд.

– Почти пришли, – озвучила она, и там, куда указывала её рука, Яна увидела быструю речку с каменистыми берегами и перекинутый через неё узкий мост. По обе стороны моста стояли гвардейцы. Не укрылось от взгляда Яны и то, что двое гвардейцев на ближней стороне одеты в небесно-синие плащи, отделанные серебром. На тех же, что стерегли другую сторону, плащи имели пурпурный цвет и их украшали золотые галуны.

– Мне не нравится этот мост, – воспротивилась было она, но Ларвель продолжала подталкивать её вперёд.

– Калерон очень тебя ждёт, – прошептала вполголоса она.

– Это мне не нравится ещё сильнее! – заметила Яна. Но, подумав, замолкла. Ларвель была в чём-то права. Нужно было выслушать обе стороны. Иначе она рисковала угробить свою жизнь и только потом узнать, что пожертвовала собой ради людей, которых следовало убить.

«Почему она назвала Надаэра палачом?..» – пронеслось в голове.

Тем временем Ларвель снова подняла руку, показывая куда-то вдаль, и, приглядевшись, Яна различила полукруглую колоннаду,

стоявшую чуть в стороне от реки.

Там, за столиком, сидели две фигуры. Обе принадлежали мужчинам. Один был облачён в алую мантию, и Яна без труда догадалась, что перед ней тот самый кардинал, о котором она слышала уже несколько раз. Однако кардинал Ловеин, если это и был он, сидел к ней спиной, так что лица его разглядеть Яна не могла.

Другого, несмотря на расстояние, она видела достаточно хорошо. У него были длинные каштановые волосы и красивое, но довольно неприметное лицо. Он держал на столе одну руку и, покручивая в руках золотой кубок, что-то торопливо говорил. Камзол, лежавший на его плечах, также был алым, как и гвардейские плащи.

– Это – принц Калерон? – спросила Яна, и Ларвель кивнула.

Яна перевела взгляд на стражников, стоявших по обе стороны моста. Из всего увиденного она легко могла сделать вывод, что на той стороне дворца обитает другая группировка и скорее всего одетым в синее туда путь заказан.

Она оглянулась на Лаэрвэль и теперь с удивлением отметила, что та одета в ярко пурпурное платье. Затем вспомнила слова, которые слышала от Надаэра уже дважды: «Они были одеты не в цвета Калерона. А это не его стиль».

Опустила глаза на собственную белую блузку – платьев в её шкафу висело множество, самых разных цветов, но выходя из спальни, Яна не думала, что цвет может играть такую роль, да и попросту не рассчитывала на долгие прогулки.

Потом она вспомнила шрам на лице Асмодея и слова Надаэра: «Неужели ты не видела, к чему привело моё доверие к нему?»

И тут же другие слова, сказанные Лаэрвэлью: «Его называют палачом».

Как одного, так и другого, Яна едва знала. Ещё недавно она думала, что между ней и Надаэром пролегло понимание, некая близость, понятная только им двоим – но очень быстро обнаружила, что ошиблась.

Наконец, она обернулась и посмотрела назад, туда, где в тени аллеи скрывалась неясная тень.

На этот раз преследователь не стал прятаться, и Элирена легко узнала чёрный плащ Надаэра и пристальный взгляд неотрывно смотревших на неё синих глаз.

Яна разозлилась и решительно двинулась вперёд.

– погоди, не спеши! – окликнула её не ожидавшая такой прыти Ларвель, но та лишь стряхнула ладонь спутницы со своей руки. Не обращая внимания на стражников, попытавшихся преградить ей дорогу, Яна миновала мост.

Те вопросительно оглянулись на Лаэрвэль, но Яна уже не видела, как та махнула им рукой в молчаливой просьбе не обращать внимания.

Только оказавшись с другой стороны реки, Яна замедлила ход и огляделась по сторонам.

Она стояла на развилке, с которой уже не было видно беседки. Паутина аллей очевидно и здесь представляла собой такой же лабиринт. Где-то вдалеке слышался женский смех, и Яна разглядела над кустарником шёлковый зонтик – алого цвета с золотым шитьём.

– Куда дальше? – спросила она, позволив Лаэрвэль себя нагнать.

– Подожди, не стоит им мешать.

– Почему же? – Яна прищурилась и посмотрела на неё. – Я так много слышала о кардинале Ловейне, мечтаю лично посмотреть на него.

– Не уверена, что это хорошая идея...

– Ты же сказала, принц Калерон нас ждёт.

– Ну, хорошо, – неожиданно легко согласилась Ларвель, – идём.

Она снова поймала Яну за локоть и потянула за собой на одну из аллей.

Надаэр замедлил ход и остановился у самой кромки деревьев. Он заметил взгляд Яны, устремлённый на него, и видел, как решительно та двинулась вперёд.

Слова, сказанные Элиреной в их последний разговор, всё ещё вертелись у него в голове.

«Ты и не должна быть для меня никем иным», – со злостью думал он. «Ты – наследница Элайи! Я привёз тебя! Всё! Ничего из того, что случится с тобой в дальнейшем, не имеет отношения ко мне!»

Однако собственным мыслям верилось с трудом. Как ни старался, Надаэр не мог заставить себя отвести взгляд от стройных бёдер,

обтянутых узкими брюками, от воздушной белой блузки и копны золотистых волос.

Он следовал за Яной по пятам почти инстинктивно, потому что иначе не мог. Пока в конце концов не понял, что та собирается перейти на другую сторону моста.

Надаэр знал, что ему туда дороги нет. По реке проходила невидимая стена, которую не пересечь ни вплавь, ни вброд. По обе стороны в лесу скрывались лучники, и видимое спокойствие, царившее в королевском дворце, было лишь результатом того, что обе стороны тщательно бдили свои границы.

Яна бродила по лабиринтам парка так долго, что ей уже казалось, будто Ларвель собралась попросту завести её в самую чашу и бросить там.

Когда наконец очередной поворот вывел их на открытое пространство, и вдалеке замаячили белоснежные контуры беседки, она не поверила своим глазам. Стройные колонны терялись в листве деревьев, окруживших площадку со всех сторон. И двое мужчин, которых она уже видела с другого берега реки, сидели за столом, переговариваясь между собой.

Старший из них, тот, кого Яна вначале приняла за кардинала Ловейна, повернул голову, и Яна вздрогнула, поняв, что уже видела это лицо.

– ... Торван... – прошептала она одними губами, но этого едва заметного движения хватило, чтобы Ларвель разобрала слова.

– Не совсем, – улыбнулась она. – Твоё волнение выдаёт то, что ты совсем не странствовала по мирам.

Яна медленно повернула голову и посмотрела на неё.

– Что?.. – переспросила она.

– Это двойник. Миры, чьё население схоже между собой, порождают и похожих людей. Как магистр Торван... и кардинал Ловейн.

Яна сглотнула. Снова перевела взгляд на двоих, сидевших за столом. Шагнула было вперёд, намереваясь подойти к ним и выяснить всё, но Ларвель удержала её за рукав.

– Не надо им мешать! – упрямо повторила она. – Ты познакомишься с кардиналом... но в свой час.

Яна сдержалась и даже отступила в тень. Она прислушалась, в надежде, что ей удастся различить слова, которые звучат за столом, и не поверила собственным ушам, когда это ей удалось.

– Наследница Элайи это ещё не Элайя, – говорил Ловеин. – Вам не стоит волноваться, Ваше Высочество. Ситуация у нас под контролем.

– У нас под контролем? – с трудом сдерживая злость, повторил принц. – А как же слухи, что дар Элайи уже пробудился в ней? Всё, что ты мне советуешь, Ловеин, даёт обратный результат!

– Ваше Высочество... – договорить старший не успел, потому что ещё один силуэт отделился от деревьев. Мужчина в таком же чёрном плаще, какой носил Надаэр, но несколько более стройный и уже в плечах, подошёл к кардиналу и, наклонившись, что-то зашептал ему на ухо. Чёрные волосы нового участника разговора почти касались стола.

– Мне нужно идти, – торопливо сообщил Ловеин, когда тот выпрямился. Встал и, сказав на прощание несколько слов, которые Яне не удалось различить, быстро двинулся по дорожке прочь.

– Кардинал Ловеин очень опасен, – тем временем прошептала Ларвель на ухо своей спутнице. – Не стоит рисковать и связываться с ним, если есть возможность этого избежать.

– Разве принц Калерон и Ловеин – не на одной стороне? – поинтересовалась Яна.

– Здесь каждый на своей стороне, – уклончиво ответила Ларвель. – Идём. Принц уже слишком долго ждёт.

Они снова двинулись вперёд и, не сдержавшись, Яна вполголоса спросила:

– Кто из них не из этого мира? Торван или Ловеин?

– Ловеин был всегда. Его власть стала крепнуть в последние месяцы правления Светлейшей Геллоры. Торван появился тогда же. Но никто не знает из какого мира он пришёл.

Яна кивнула. Слова Ларваль казались правдой, потому что подтверждали то, что Яна уже слышала в замке Совы.

Надаэр нехотя возвращался аллеями парка во дворец. Когда он переступил порог гостевого крыла, его ничуть не удивило, что Асмодей стоит перед своим любимым лакированным столиком, скрестив руки на груди, и ждёт его.

– Ты не стал её останавливать? – с порога спросил он.

– В этом есть смысл? – Надаэр подошёл к нему и тоже остановился рядом. – Ей предстоит жить во дворце. Она успеет познакомиться со всеми, кто участвует в игре.

– Я думал, сейчас самое главное – чтобы она не отказалась вступать в брак.

Надаэр дёрнул плечом.

– Я не собираюсь её обманывать, Асмодей. И не хочу прослыть лжецом. Пусть сделает выбор сама.

– Тебе не кажется... – Асмодей резко вскинулся и посмотрел на него, но затем на мгновение замолк. И только после паузы продолжил: – Тебе не кажется, что сейчас не время для честности, князь? Слишком многое стоит на кону...

– Для честности никогда нет времени, – отрезал Надаэр. Подошёл к одному из шкафов, извлёк оттуда пузатую бутылку и два бокала и принялся их наполнять. – И именно поэтому для честности время всегда.

Асмодей вздохнул. Он хотел возразить. Хотел сказать, что честность никогда не доводила Надаэра до добра... Но потом подумал, решил, что он всё-таки не Надаэр, и промолчал.

Хотя парк по эту сторону реки ничем не отличался от того, что находился с другой, с каждым шагом Яне всё более казалось, что воздух здесь гуще и тяжелей. Запах роз сменился запахом ирисов, но под куполом низких грозовых туч находиться в нём было не менее тяжело.

Калерон сидел, покручивая в руках бокал, как будто бы вовсе их не замечал.

Яна уже жалела, что вообще решилась сюда прийти. Чем дальше, тем сильнее хотелось ей повернуть назад.

До ступеней беседки, в которой устроился принц, оставалась всего пара десятков шагов, когда Яна споткнулась и обнаружила, что

дальше пройти нельзя.

Протянула руку, пытаюсь понять, что преградило ей путь, и натолкнулась на стену.

Воздух перед ней слабо мерцал перламутром и пружинил, стоило коснуться его пальцами.

А в следующее мгновение двое гвардейцев выступили из-за деревьев с обеих сторон от беседки и перегородили ей дорогу алебардами.

Яна изогнула бровь и окинула обоих раздражённым взглядом.

– Что-то в вашем Аркеноре куда меня не пригласят, всюду доброжелательности полон рот.

– Спокойно! – Ларвель придержала её за плечо, как будто боялась, что Яна попытается сбежать. Затем продолжила, обращаясь к гвардейцам: – Это очень важная гостья. Его высочество не первый день её ждёт.

Охранники переглянулись между собой.

Яне ещё сильнее захотелось повернуть назад, но рука Лаэрвэли, лежавшая на плече, не позволяла ей отступить ни на шаг.

Подали знак кому-то в тени деревьев и тень скользнула к беседке. Смутный силуэт, сотканный, казалось, из дыма и теней, склонился к плечу принцессы, и та на мгновение повернула к нему голову. Затем кивнула. Тень подала знак стражникам и те, наконец, раздвинули алебарды.

Принц Калерон имел не слишком примечательное, но довольно правильное лицо. Каштановые волосы его слегка завивались на концах и достигали плеч.

Вопреки сложившемуся мнению, красное он не любил и никогда бы не одел столь яркий и претенциозный камзол, как тот, что сейчас лежал у него на плечах, если бы не его отец.

Пурпурный вот уже две сотни лет был цветом правящих королей. Отец Калерона, Рафаэль, младший сын короля Ваула, унаследовал этот цвет и корону, но последнюю так ни разу и не надел.

Не стремился видеть на своей голове этот тяжёлый предмет и Калерон – по крайней мере, до недавних пор.

Два года прошло с тех пор, как к нему пришёл с предложением дружбы кардинал Ловеин.

Калерон не был наивен, он с детства рос при дворе. Потому за вниманием кардинала сразу же увидел политический интерес.

Асмодей должен был наследовать корону вслед за Гелорой. Но сам он мог наследовать её как сын истинного короля, так и не вступившего на престол.

Калерон не хотел участвовать в борьбе. Он хотел бы прожить всю жизнь тихо и спокойно в этом дворце, никогда не высывая носа ни в город, ни, упасите Сопряжения, в другие миры.

Но Ловеин поведал ему об Алой Лиге и о том, что если ничего не изменится, императорской власти скоро придёт конец – вообще. «Гелоре хватит сил удержать власть, но и её жизнь под угрозой, – сказал он. – Когда же на трон вступил Асмодей – монархии придёт конец».

Если чего-то в своей жизни Калерон и хотел ещё меньше, чем путешествовать по иным мирам, так это, чтобы монархии пришёл конец. Ловеину, наконец, удалось вызвать в нём интерес к игре.

Но спустя два года, Ловеин всё ещё казался Калерону тяжёлым и неприятным человеком. Кардинал постоянно говорил о проблемах, о которых Калерон вовсе не хотел знать.

Он не хотел становиться королём, но верил Ловеину в том, что королём не сможет быть и Асмодей. Слишком мягок, слишком наивен, слишком горяч.

Потому теперь, когда прошёл слух о приближении потомка Элайи, в голове Калерона начал созревать план. План, который, как он надеялся, избавит его и от Асмодее, и от Алой Лиги, и от Ловеина, и от необходимости носить корону, наконец.

– Объявить себя королевой Аркенора?!

– Тш! – Калерон недовольно огляделся по сторонам. – Моя дорогая княжна, нельзя же так! Уши есть даже у деревьев!

– Но вы сами сказали, что...

– Я лишь сказал, что прямая наследница Элайи вызовет почтение у всех при дворе! Её возвращение с радостью примет народ! Ну, а её

ближайшие родственники и друзья... полагаю... получают возможность безбедно существовать до конца дней.

Элирена с удивлением смотрела на юношу, сидевшего перед ней.

– Я не понимаю, в чём смысл, – призналась она.

– Вам и не надо ничего понимать. У вас будут советники, которые вас поддержат...

– Вы, например?

– Если потребуется, то и я. Но, если честно, я предпочитаю интригам страницы книг.

Яна всё ещё не понимала.

– За кого я должна буду выйти замуж в этом случае? – с подозрением спросила она.

– Да за кого хотите, – Калерон небрежно махнул рукой. – Если намекаете на меня, то я не хотел бы становиться вашим мужем. Это всё вы успеете решить. Сейчас нам с вами нужно беспокоиться о другом.

Он наклонился и покопавшись в складках камзола, достал оттуда маленький круглый предмет.

– Сегодня вечером будет проходить «отбор».

– Но мне сказали...

– Эта церемония предназначена определить, есть ли в кандидатах древняя кровь. Тот, в ком она сильнее, станет правящей королевой. В этом весь смысл. Понимаете меня?

– Нет.

– Церемония покажет, кто из кандидатов имеет большее право на власть. Так Асмодей намеревается выбрать невесту. Он должен продемонстрировать всем, насколько древен род той, кого он избрал. Но этот же ритуал позволит вам доказать, что ваша кровь древнее, чем его. Заставьте его принять участие в ритуале наравне с остальными.

Яна продолжала в недоумении смотреть на него.

– Мне сказали, – осторожно произнесла она. – Что для того, чтобы претендовать на престол, надо обучаться годами... И надо иметь влияние при дворе!

– Я стану вашим влиянием. Полагаю, что если вы здесь – у вас найдутся и другие друзья. А что касается обучения – необходимо, чтобы в вас пробудился Дар. Для этого нужно время. Но есть другой вариант. Сегодня до начала ужина найдите полчаса. Проведите их,

всматриваясь в этот предмет. Он раскроет вам то, что вам необходимо узнать о себе.

Яна молчала.

– Идите, – Калерон жестом намекнул ей, что пора подниматься из-за стола. – Вам не стоит слишком много времени проводить на моей половине дворца.

ГЛАВА 20

Наконец над дворцом повисли сумерки, и лакеи принялись собирать претенденток за стол.

Горничная, приставленная к Яне, долго убеждала её надеть лазурно-синее с серебряной вышивкой платье, но та наотрез отказалась. У неё не было настроения украшать себя, да и вообще носить лишних слоёв ткани она не любила.

В голове вертелись последние разговоры – с Надаэром, с Калероном, с Асмодеем. Голова от этого пухла, Яна не чувствовала себя вправе решать, какой будет судьба незнакомого мира. Она и со своей то судьбой разобраться не могла...

Калерону она не доверяла. Асмодей её пугал. Надаэр... Надаэр попросту злил.

Так и оставшись в одной белой блузке, в сопровождении горничной она покинула выделенные ей покои и почти что добралась до общей столовой, когда дорогу ей преградила фигура Надаэра.

– Надо поговорить, – сообщил тот, и злость вспыхнула в сердце Яны с новой силой.

– Может, я не хочу? – спросила она.

– Хочешь, – сказал Надаэр, и лицо его стало ещё мрачней. – Если бы ты не хотела – я бы не звал.

Яна кивнула ему на нишу возле окна, и князь первым двинулся туда.

– Забудь, что я сделала той ночью, не знаю, что на меня нашло, – сказала Яна, едва тяжёлая бархатная портьера отделила их от остального зала.

– Ты говорила с Калероном. Что ты решила?

Злость в сердце Яны полыхнула стократ сильнее.

– Ты всё-таки за мной следил! – констатировала она. Хотя, куда больше её злило не то, что Надаэр последовал за ней, а то, что только о принцах и готов с ней говорить. Она снова почувствовала себя дурочкой.

– Яна! – перебил её Волхонский, и та замолкла. Её собственное имя, сорвавшееся с губ Надаэра, ошарашило её. – Яна, не заставляй

меня разрываться пополам, – тише продолжил князь. – Не в моих правилах принуждать. Тем более тех, кто... – Надаэр замолк просто глядя на неё.

– Тех кто, что? – вкрадчиво переспросила Яна.

– Я не люблю причинять боль близким мне людям. – Шёпотом продолжил Надаэр. – Я не хочу причинять боль тебе. Но и Асмодею причинить боль я не хочу!

– Ты меня знаешь несколько дней! Определённо, он тебе ближе чем я! И не перебивай! Иначе, мы не стояли бы здесь! Иначе, ты позволил бы мне остаться с тобой!

Секунду Надаэр молча смотрел на неё, и Яна невольно умолкла.

– Ты тоже, – с неожиданной грустью сказал Волхонский. – Знаешь меня всего пару дней. Я первый осколок волшебства, который вошёл в твой мир... Ты зафиксировалась на мне, вот и всё.

– Зафиксировалась... – повторила Яна, изо всех сил сдерживая злость. – Считаешь меня полной дурой. Пусть будет так. Нам не о чем больше говорить.

Она развернулась и пошла в зал.

Ужин длился недолго. Остальные шестеро уже собрались за столом и в немом ожидании глядели на дверь, откуда должен был появиться Асмодей.

На лице у каждой отражался один единственный вопрос: «Как будет происходить отбор?»

Асмодей же, казалось, никуда не спешил.

Вначале он посоветовал гостям подкрепиться и, хотя никому кусок в горло не лез, пришлось есть.

На жениха взгляда старались не поднимать. Яна пришла к выводу, что шрам пугает не только её.

Наследник старался этого не замечать, но Яна невольно отметила и то, как принц тушует, когда кто-то отводит взгляд от его лица.

Наконец ужин подошёл к концу, и Асмодей встал.

– Всех вас интересует один вопрос. Скажем прямо – ответ на него интересует и меня.

Напряжённое молчание стало ему ответом.

– Я не стану выбирать сам, потому что этот брак – выбор не для меня, а для всего Аркенора. Путь нам укажет сама Элайя.

Семь пар глаз выжидающе смотрели на него.

– С позволения кардинала Ловейна, мы проведём церемонию в храме Перворожденного пламени. Пусть Свет Изначальный определит нашу судьбу. Пройдёмте со мной.

Яна напряжённо оглядывалась по сторонам. Кое-кто из кандидаток перешёптывался между собой, но из обрывков фраз Яна никак не могла понять, что это за пламя и что за Свет. И тем более – что их ждёт.

Однако, деваться было некуда. Она встала из-за стола и вместе со всеми двинулась следом за принцем.

Они прошли анфиладой залов и остановились у глухой стены.

Асмодей оглянулся куда-то за спины, и быстро последовав его примеру, Яна увидела, что Надаэр следует за ними, замыкая группу.

Снова посмотрев вперёд, она успела заметить, как принц проводит рукой по стене и та отодвигается.

По другую сторону царил сумрак. По стенам висели канделябры, к которым крепились слабо мерцавшие серебристые шары.

Асмодей протянул руку, и один из шаров повис над его ладонью. Так, удерживая его перед собой, он двинулся вперёд.

– Это место не посещалось почти что две сотни лет, – на ходу взялся рассказывать он, и голос принца гулким эхом разлетелся под сводами подземного хода. – С тех самых пор, как династию Элайи сменила династия Дария. Две сотни лет назад мой пра-прадед привёл сюда свою невесту, и огонь отверг их обоих. Но Дарий Гордый, не послушался знамения и вступил с ней в брак. Поговаривают, что в тот день Дракон-Хаос, мать нашего мира, отказалась от нас.

Асмодей замолк. У Яны по спине пробежал холодок. Подобные места она всегда любила, но теперь необычайно отчётливо ощутила, что случись с ней что-то в этом подземелье – никто и костей не найдёт.

– Полагаю, нашему миру необходимо было скатиться на самое дно, чтобы понять – мы не выживем без милости Священного Огня, – продолжал тем временем Асмодей. – И потому я принял решение вернуться к традиции. Пусть силы, которые могущественнее нас,

определят, кто достоин быть королевой. И кто будет править вместе с ней. Надеюсь, этот выбор не решится оспорить никто. Поэтому я привёл сюда всех вас, зная, что далеко не все вы верите мне и среди вас хватает врагов.

Он оглянулся, но посмотрел почему-то вовсе не на Лаэрвэль, как ожидала Яна, а на ту невзрачную девушку, которая всё время молчала.

– Я пригласил не только вас, – продолжил он. Спустился на самую нижнюю ступень и толкнул дверь, перекрывающую проход.

По другую сторону тоже царил полумрак и всё же было светлей.

Ступая в храм одна за другой, кандидатки замирали, поражённые представшей перед ними красотой. Разноцветные витражи украшали свод. Сквозь них на мозаичный пол проливался мягкий свет.

По центру просторного зала стояла массивная чугунная чаша, и в чаше этой пылал огонь.

А по другую сторону от неё Яна увидела ещё с два десятка людей, одетых в самые разные одежды – и в камзолы, и в простые местные костюмы, которые Яна видела в первый раз, и в костюмы, явно пришедшие из иных эпох. Был среди них и Калерон.

Кардинал Ловейн в своей пурпурной мантии тоже стоял здесь, возле самой чаши. В руках он держал фолиант, вставленный в кожаный переплёт.

Асмодей остановился напротив брата в десятке шагов от него. Чаша с пылающим пламенем разделяла их.

Калерон смотрел на него с грустью, почти что с жалостью.

Асмодей ответил взглядом, полным ненависти. Ему было страшно. Он догадывался, о чём шёл разговор накануне между кузеном и одной из невест.

«Никто не откажется от власти», – было написано у Калерона на лице.

Асмодей не знал, чего ждать.

Надаэр вошёл в зал последним. Он изо всех сил старался не смотреть ни на принца, ни на Яну.

«Я сделал всё, что должен был», – упрямо убеждал он себя, но не мог отделаться от чувства, что это ложь. Надаэр не солгал там, наверху. Он слишком хорошо знал Асмодея и слишком его любил, чтобы предать. Слишком ненавидел Калерона, отнявшего у него честь, чтобы отступить.

Но Надаэр зарёкся приносить в жертву тех, кого любил. И хотя Элирену он знал не так давно, но тяга к юной княжне была такой же сильной, как Первозданное пламя в драконьей чаше.

Зажженное в сердце мира, оно горело сотни веков, с тех самых пор, как Элайя принесла в Аркенор свет. С тех пор, как прекратила вечную войну всех против всех, из вечного хаоса создала новый мир.

«Две матери было у мира», – вспоминал Надаэр слова, записанные в старинных книгах. «Одна была ночь, другая была день. Одна была Хаос, другая была Свет. Одна была Тьма, другая была – Огонь».

Слова, которые затёрлись настолько, что потеряли смысл. Слова, которые читали так часто, что давно перестали в них верить.

Слова, которые теперь, во дни смуты и сомнений, стали новой путеводной звездой. Новой надеждой, которая таилась в глазах каждого, вошедшего в зал.

Надаэр огляделся по сторонам. Он видел, что эта надежда держит Асмодея напряжённым как струна.

Он видел, что этой надеждой дышит сейчас Калерон.

Видел, что каждый из присутствующих замер в ожидании и надежде.

«И ты хочешь отнять у них это всё?» – думал он. Но Надаэр знал ответ. Торван научил его этому год назад, и с тех пор жизнь князя стала ясной и простой.

«Будь верен ближнему своему».

Это было легко. До недавних пор.

Он перевёл взгляд на Элирену, но та не смотрела на него.

«Обернись...» – мысленно попросил Надаэр. «Обернись, и я уведу тебя отсюда. Я не позволю тебе коснуться огня. Всё равно, что будет потом...»

Но Элирена не услышала его мыслей. Повинуясь жесту Асмодея, она и ещё шесть претенденток шагнули вперёд.

Яну охватило отчаяние. Ей казалось, что все до единого гости наблюдают только за ней. Но если бы она огляделась по сторонам, то

увидела бы, что точно так же замерли в потустороннем страхе все шестеро остальных кандидатов.

– Одна была ночь, другая была день. Одна была Хаос, другая была Свет. Одна была Тьма, другая была – Огонь... – разнеслись под сводами подземного храма напевные слова. Яна не сразу узнала голос, который их произносил – а узнав, вздрогнула. Это был голос Торвана – и в то же время голос этот был другим.

– Вы ещё можете отказаться, – вклинились в напевную речь слова Асмодея.

Яна не смотрела на других. Только промелькнуло в голове: «Но я не могу».

Возврата не было. Она ощутила это необычайно отчётливо. Та, прошлая жизнь, в которой она ходила на работу, ругалась с водителями автобусов и жаловалась самой себе на запах бензина, повисший над кафе, осталась позади. Дверь в неё захлопнулась навсегда.

– Пусть первая выйдет вперёд и примет в себя священный огонь, – произнёс тем временем Ловеин.

Яна ничего не успела сообразить, когда Ларвель решительно ступила вперёд и протянула руку перед собой. Пламя объяло её пальцы. Ларвель пронзительно вскрикнула. Все кандидатки подались назад.

Пламя стремительно ползло вверх по её руке, пока всё тело не оказалось объято огнём.

Ларвель кричала. Она скрючилась и осела на пол. Пламя продолжало пылать, но никто не бросился к ней и никто не попытался помочь.

Прошла минута и там, где только что стояла молодая красотка, остался лишь обугленный скелет.

Асмодей кивнул стражникам, и те поспешили выйти вперёд, чтобы убрать то, что осталось на месте недавней невесты.

– Пламя не узнало её, – констатировал Ловеин. – Тот, кто не имея древней крови посмеет коснуться священного огня – да умрёт.

В зале воцарилась тишина. Только негромко скребли по полу совки послушников, очищавших место для следующего ритуала.

Наконец, с этим было покончено, и Асмодей как ни в чём не бывало провозгласил:

– Пусть вторая выйдет вперёд и примет в себя священный огонь!

– Да провались оно всё пропадом! Я сюда не умирать пришла! – Грюнель оттолкнула стражников, стоявших у неё за спиной, и двинулась к двери. Никто не попытался её остановить.

Венера и Марсельеза переглянулись между собой. Кивнули друг другу и решительно последовали её примеру.

Арсея осталась стоять неподвижно, но вперёд выходить не спешила.

Не сдвинулась с места и русоволосая, имени которой Яна не знала.

Она огляделась по сторонам, снова испытала неприятное чувство, будто все смотрят на неё. Смотрят и чего-то ждут.

– Не бойся...

Яна вздрогнул, услышав мягкий женский голос, доносившийся, казалось, откуда-то из-под самых сводов храма.

– Не бойся, я жду.

Яна посмотрела на Калерона. Пристальный взгляд второго принца действительно был устремлён на неё.

Потом перевела взгляд на Асмодея – тот смотрел перед собой.

Обернулась к Надаэру и увидела, что глаза того закрыты.

«Ну и чёрт с тобой», – подумала она. – «У меня не осталось ничего. Почему бы мне и не сгореть в этом проклятом огне?»

Яна запустила руку в складки камзола и крепко сжала каменный шарик, который подарил ей Калерон. А затем шагнула вперёд.

Надаэр до боли стиснул рукоять меча, висевшего у пояса, чтобы не закричать.

«А если я ошибся?» – пронеслось в голове. «Если она вообще не из королевской семьи? Если... Что если она сейчас умрёт?»

Надаэр закрыл глаза, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце, а когда открыл их, увидел, что Яна уже шагнула вперёд.

Надаэр с трудом преодолел желание рвануться следом за ней. Он замер на месте, глядя, как Яна опускает руку в огонь.

Пламя в одно мгновение охватило её тело. Надаэр выгнулся, всем сердцем устремившись к ней, хоть и знал, что ничем уже не сможет помочь.

Яна – или Элирена – теперь уже Надаэр в самом деле не знал, кто перед ним, – прогнулась, открываясь потоку ослепительного света, ударившему из-под купола вниз.

Она не издала ни звука. По залу же пролетел шелестящий вздох.

– Принцесса Элирена, – произнесла Арсея – дочь Элайи. Тебе принадлежит моя жизнь.

Она опустилась на колени и замерла, склонив голову.

– Ты – наша истинная королева, – закончила она.

Вторым преклонил колени Калерон.

Следом за ним один за другим опускались на одно колено все присутствующие в зале, пока лишь четверо не остались стоять.

Асмодей медленно опустился на одно колено.

Надаэр, не отрывая взгляда от глаз Яны, последовал его примеру.

Последней опустилась на колени безымянная претендентка в сером. И только Ловеин, подобно каменной статуе, продолжал возвышаться над прихожанами со своей священной книгой в руках.

Яна не чувствовала боли. Огонь, коснувшись пальцев, наполнил её вены, и она с удивлением наблюдала за тем, как преобразается её тело в лучах света.

Равнодушным взглядом она окинула тех, кто стоял за спиной Калерона. Никто из них не интересовал её сейчас. Не интересовал её и Асмодей.

Яна повернулась к тем, с кем пришла в этот зал. Только один человек имел для неё значения сейчас.

Надаэр стоял, припав на одно колено, и смотрел на неё, но как ни старалась Яна, ничего не могла различить в его глазах.

«Позови меня...» – пронеслось в голове. Но Яна уже поняла, что Надаэр не отступится от своего решения. Если не отступился до сих пор – то уж точно не сделает этого сейчас. «Всё, что тебе нужно от меня, это чтобы я вступила в этот брак», – с горечью подумала она. «Ты так любишь его... своего принца... Да будет так».

Яна повернулась лицом к Асмодею и протянула руку перед собой, предлагая ему подняться.

– Достойна ли я стать вашей женой, Ваше Высочество? – глухо спросила она.

– Да... – только и выдохнул тот.

ЭПИЛОГ

Они покинули подземный храм в полном молчании. Только придворные, собравшиеся посмотреть на ритуал, тихонько перешёптывались, поднимаясь по собственной лестнице, ведущей в сад.

Надаэр старался держаться от Яны как можно дальше, не соприкасаясь с ней ни телом, ни взглядом.

«От княжны Элирены», – поправил он себя. «А ещё через три дня ты назовёшь её королевой».

Он отправился к себе и не выходил до следующего вечера, пока слуга не пришёл сообщить ему, что на утро назначена помолвка.

Надаэр кивнул, но на помолвку не пошёл. Он бы предпочёл не видеть и свадьбы, но слуги, отправленные Асмодеем, один за другим приходили к нему и настаивали на том, чтобы он присутствовал на церемонии. Асмодей так же предлагал ему сопровождать одного из новобрачных по дороге к алтарю.

На это Nadaэр дал категорический отказ, но прийти всё-таки обещал.

До свадьбы оставалась всего одна ночь, когда он наконец вышел из своих покоев, но только за тем, чтобы уединиться в парке.

Надаэр долго смотрел на водопад, брызгами слетавший со скалистого уступа. Здесь начиналась река, разделившая дворец пополам.

Минул год со смерти королевы. Год междоусобицы, год бесконечных интриг, год ненависти между братьями, год, когда предавали самых верных друзей.

И теперь этот год подошёл к концу.

Два принца, похоже, сошлись во мнении относительно необходимости перемирия. Nadaэр подозревал, что ненависть Асмодея к кузену не утихнет ещё долго – разве что шрамы, изуродовавшие его лицо, сумеют зажить.

Самому ему внезапно стало всё равно.

«Ты остановил войну», – говорил он себе, но не чувствовал ничего, кроме тоски. «Теперь в империи Аркенор воцарится мир».

– На кой-чёрт сдался такой мир! – Надаэр огляделся по сторонам в поисках чего-то, что можно было бы разбить.

Он понимал, что не прав, но как ни старался, не мог заставить себя думать о других.

– Я люблю её... Проклятая Элайя, Матерь-Хаос и все, кому поклоняется этот мир! Я её люблю, хотя, наверное, никогда и никого раньше не любил. И именно она должна стать королевой?

Надаэр замер, снова глядя на воду и понимая, что некому дать ему ответ.

Он развернулся и направился к себе. Волхонский шёл медленно, потому что знал, что впереди его ничего не ждёт.

Когда он наконец добрался до апартаментов, выделенных ему Асмодеем, на парк уже опустилась ночь.

Какое-то время Надаэр боролся с хрустальным шаром в канделябре на стене, который никак не хотел гореть.

Потом в глубине комнаты замерцал бледно-серебристый свет и подняв взгляд на источник этого света, князь не поверил своим глазам.

Перед ним стояла Элирена, закутанная в одно лишь шёлковое покрывало. У княжны было заспанное лицо. Судя по примятой кровати, она попросту задремала, пока ждала.

– Привет, – сказала она.

Надаэр молчал, не зная как отвечать. Элирена, казалось, тоже с трудом подбирала слова.

Она просто шагнула вперёд и, ничего не объясняя, потянула с плеч Надаэра плащ.

Серебряная брошь легко поддалась её светящимся рукам, а затем и другая одежда последовала за ней на пол.

– Элирена... – прошептал Надаэр, чувствуя, что должен остановить то, что происходит, но руки не слушались его.

Губы княжны коснулись его губ, и Надаэр повиновался.

Раздевать Элирену не пришлось. Едва Волхонский оказался обнажён, княжна толкнула его на спину и очутилась верхом.

Её тело, влажное, жадное, легко впустило Надаэра в себя.

Наслаждение было быстрым и мощным, оно разливалось по животу, поднималось к груди и поглощало с головой.

Надаэр в безумном порыве гладил бёдра, плечи, руки своей любимой. Казалось, каждое мгновение будет длиться вечно. Казалось,

нет мира, кроме этой комнаты, и кроме этого призрака нет других людей.

Поцелуи Элирены оказались горькими, как гречишный мёд. Губы мягкими, как лепестки цветов. Волосы щекотали кожу трепетной лаской.

Надаэр смотрел на запыхавшееся лицо той, о ком не смел мечтать, и мог лишь надеяться, что это сон. Что он сошёл с ума.

Потом они лежали, обнимая друг друга, не в силах уснуть. Надаэр рисовал узоры на обнажённой спине, то и дело касался поцелуями белоснежного виска.

– Я хотела запомнить, что была с тобой, – прошептала Яна. – Хотя бы раз.

Её слова едва не пробудили сознание Надаэра. В голове промелькнула мысль о том, что завтра свадьба. Что он предал того, кому поклялся служить. Что поставил под удар едва наладившийся мир... А потом губы Элирены коснулись его губ, и Надаэр снова забыл обо всём.

Он первым погрузился в сон, а Яна ещё какое-то время смотрела на него и пыталась сдержать непрошенные слёзы. Она думала о том, что никого никогда не любила по-настоящему, как в кино. До сих пор.

Когда же за окном забрезжили первые проблески рассвета, она осторожно выпуталась из нежных и сильных рук. Оделась и пошла к себе.

Свадьбу сыграли в полдень. Венец, украсивший чело наследницы Элайи, блестел ярче самого солнца. А глаза её до конца церемонии оставались холодными как лёд.

{Конец первой части}

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Надаэр провёл точильным камнем по клинку и замер. Солнце играло бликами на поверхности металла, но Nadaэр не замечал ни этого блеска, ни золотистых лучей, проглянувших сквозь тучи.

Руки казались ватными, и он не мог заставить себя шевельнуться, потому что не знал ответа на простой вопрос: зачем?

Зачем он здесь? Зачем нужен ему этот меч? Зачем вставать по утрам и двигаться вперёд, от одного серого дня к другому, когда в этой бесконечной цепи каждый день похож на другой как капля воды.

– Тебе нужно развеяться, – голос Дорана прорвался в ватную тишину, окружившую Nadaэра, но не принёс ничего, кроме боли. – Отправляйся в мир, который совсем не похож на Аркенор.

Надаэр молчал. Он хотел сказать, что уже уехал. Уже покинул Аркенор и надеялся, что тоска минует его хотя бы здесь, но это не помогло.

Мысли об Эллирэне не собирались его оставлять. Вертелись в голове безумным хороводом несбывшихся желаний.

Как ни уговаривал его Асмодей остаться и стать его первым перстом, Nadaэр не мог заставить себя. Не мог находиться во дворце, зная, что Элирена где-то здесь за стеной. Что та стонет в руках Асмодее, позволяет делать с собой то, чего никогда не сделает Nadaэр с ней наедине.

Это был первый случай в жизни князя, когда его охватили такая боль и такое оцепенение. Когда всё, что делал он до сих пор, потеряло смысл. Если в прошлый раз покидая двор, он надеялся найти искупление – и нашёл его в проповедях магистра Ордена Теней – то теперь ему было всё равно. Слова тех, кто окружал его, тонули в мутной пелене, охватившей сознание. Или он не слышал их, или чувствовал боль от самого факта, что обращались к нему.

Никто из них не мог ему помочь. Всё теряло смысл. Женщины, вино, иные миры... Он ничего не хотел.

Надаэр знал почему. И Доран тоже знал. А от того, что Доран боится произнести это вслух, Волхонский становился только злей.

Калерон больше не пытался строить заговоры против брата – по крайней мере, Надаэр не смог их разглядеть. Ловеин, казалось, тоже затих, смирившись с поражением. Асмодей понемногу приводил в порядок дела, и Элирена взялась ему помогать.

Надаэр знал, что его возлюбленная всё делает правильно. Что она становится настоящей королевой... Но смотреть на это не мог.

Он ненавидел себя за бессилие и боялся, что если останется здесь, то начнёт ненавидеть ещё и друзей.

Поэтому, едва улучив возможность, он велел снарядить коня. В первые дни Надаэр нигде не находил приюта. Стены постоянных дворов казались ему тюрьмой. Он вернулся в поместье, но долго не продержался и там. Знакомые места ощущались, как подтверждение того, что за всю свою жизнь он так и не добился ничего.

Наконец, князь поехал сюда, в замок Совы – только для того, чтобы понять, что и здесь не найдёт покоя.

Он поднял взгляд от меча и замер, глядя на алую зарницу заката, вздымавшуюся над горизонтом.

Доран тоже замер, глядя туда же, куда и он.

– Тени, что это?.. – пробормотал он.

Надаэр молчал. До него постепенно доходило, что закат не может пылать так. Не может солнце Аркенора вспыхивать языками пламени, вздымавшимися далеко в небосвод.

– Это Пандемониум, – прошептал он. Надаэр не верил собственным глазам. – Пандемониум горит.

Город, простоявший тысячу лет, пылал.

Надаэр вскочил и, не оглядываясь на Дорана, бросился к конюшням.

– Что происходит? – Вега, выскочившая из лазарета, бросилась ему наперерез.

Волхонский скользнул по её лицу невидящим взглядом. Оттолкнул в сторону и бросился к стойлу, где стоял его конь.

– Что происходит? – снова спросила она, останавливая Дорана, бегущего следом за ним.

Тот замедлил ход. Он тяжело дышал. Взгляд его был таким же безумным, как и у брата.

– Пандемониум горит, – негромко выдохнул он, но Вега расслышала. Глаза её расширились.

– Что?.. – переспросила она.

– Пандемониум, – громче повторил Доран. – Не знаю, что произошло. Но это наша вина.

Больше не говоря ни слова, он тоже бросился к своему коню.

Вега достала аррак, произнесла несколько слов и, предупредив Торвана, последовала за ним.

«Не справился», – билось у Дорана в голове. «Не справился. Опять».

Копыта коня взбивали дорожную пыль. Троица всадников мчалась к городу, объятому огнём.

Три недели минуло с тех пор, как принц Асмодей вступил с наследницей Элайи в законный брак.

Огни пожара метались по крышам домов, перепрыгивая с одного на другой.

В каждом закоулке звенели клинки. Им вторили сухие хлопки мушкетов.

Въезжая в город, Надаэр не застал на воротах стражи, и только оборванец, выскочив ему навстречу, попытался вилами сбить с коня.

Князь равнодушно пальнул ему в голову. Он не мог сочувствовать никому. Им всё ещё владело оцепенение, и только руки действовали сами собой, по-новой заряжая ствол, по-новой взводя курок.

«Не справился», – продолжало биться в голове. А в сердце теплилась болезненная надежда, магнитом тянувшая его во дворец. Надежда увидеть Элирену ещё раз.

ГЛАВА 2

Свадьба прошла тихо, казалось, все гости до единого опасаются шевельнуться – только бы не ввергнуть королевство в тот хаос, из которого оно едва начало выбираться.

Асмодей и Калерон держались так далеко друг от друга, как только могли, но тоже старались не накалять обстановку.

Элирена стояла сама по себе. Если незадолго до венчания её накрыло осознанием той глупости, которую она собирается совершить, то теперь это чувство прошло и ей стало всё равно.

Она не знала, куда заведёт её происходящее, не знала, как выбраться из него. Знала только, что потеряла дом, любимого и все мечты, какие когда-либо имела.

Мир, в который она попала, был, казалось бы, той самой сказкой, о которой она мечтала. Но сказка эта оказалась неправильной, отражённой в кривом зеркале реальности.

Она постепенно привыкала к шраму на лице Асмодея и к самому Асмодею тоже привыкала. Но мысли о Надаэре по-прежнему не давали ей покоя.

По мере того, как приучалась к дворцовой жизни, она начинала потихоньку осваиваться в хитросплетениях дворцовых отношений. От большинства из них у Яны болела голова, но кое-что она усвоить всё-таки смогла.

Ловеин, вопреки всем рассказам, показался ему человеком спокойным и рассудительным. Хотя Яна и опасалась, что тот преподнесет сюрприз, но за последующие три недели царствования этого так и не произошло.

Калерон избегал людей. Большую часть времени он проводил в библиотеке на своей половине дворца.

Асмодей оказался человеком мягким и обходительным, что, впрочем, Яна заметила за ним ещё в первый день. В дворцовой политике он разбирался так же смутно, как и супруга. Походило на то, что в ней вообще кроме кардинала не разбирается никто.

Немного узнала Яна и о трёх перстах, из которых при принцах осталось теперь два.

Её личным поверенным лицом стал Ренвил. Дайолен выполнял поручения Калерона.

Асмодей же о своём поверенном молчал, но нетрудно было догадаться, что это Надаэр.

Яна не знала, как воспринимать отъезд последнего. Как предательство, как попытку сбежать... или же радоваться тому, что тот не находится рядом день за днём.

Яна подозревала, что не выдержала бы его общества. Первая злость то и дело сменялась обидой и непониманием, но заставить себя не думать о Волхонском Яна всё равно не могла.

Именно Ренвил оказался рядом и сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе Яны, когда за окнами дворца один за другим прогремели четыре взрыва.

– Алая лига, – коротко сказал он и, обращаясь к Асмодею, встревоженно вскочившему со своего кресла, добавил: – Прикажите запретить дворец. Но надолго это их не удержит. Надо уходить подземными ходами.

– Уходить? – переспросил Асмодей. – И что потом?

– Вам следовало думать об этом все прошедшие три недели, Ваше Величество, – поморщился тот. – Сейчас отдайте приказ, остальные проблемы будем решать потом.

Асмодей бросился выполнять совет, и Ренвил с Яной остались вдвоём.

– Ничего не понимаю... – пробормотала Яна и вопросительно посмотрела на своего перста.

– Готовьте оружие.

– Объясните мне, что происходит!

– Человеку, рождённому в таком мире, как ваш, трудно этого не понять! – огрызнулся Ренвил. – Принцы объединились, но жизнь в городе не изменилась. Во дворце воцарился порядок – а народ продолжает жить так же, как и жил. Им понадобилось три недели, чтобы это осознать. Ну или тем, кто ими управляет – чтобы организовать мятеж.

– Они на стороне Калерона?

– При чём тут Калерон, – Ренвил поморщился. – Калерон такая же жертва обстоятельств, как и Асмодей.

– Если вы это понимали, то почему не предприняли ничего до сих пор!

Ренвил с горькой усмешкой посмотрел на собеседницу.

– Я? – переспросил он. – А что я могу сделать, я не король. Моё дело – защищать вас.

Яна молчала, смутно начиная понимать, в какую ловушку попала. До сих пор её, как человека пришлого, посвящали в государственные дела через раз. И никто не удосужился рассказать ей о том, что королевство, в котором ей предстоит править, не просто находится в состоянии гражданской войны, но и стоит на пороге революции.

– А гильотину у вас тут уже изобрели? – пробормотала она.

– Привезли. Из внешних миров.

Яна села. Несколько секунд она не могла шевельнуться и только когда вернулся Асмодей с двумя шпагами в руках, нашла в себе силы встать.

– Мы попытаемся сбежать? – спросила она, обращаясь к Ренвилу.

– Стены дворца не предназначены для обороны.

– Гвардия знает своё дело, – вмешался Асмодей. – Я не хочу уходить, это дом, где я вырос, где...

– ... где ты умрёшь, – закончила за него Яна, и Асмодей замолк.

– Где умрём мы все, – добавил мягкий голос Ловеина со стороны двери.

Калерон и третий перст, Дайолен, стояли по обе руки от него.

– Надо отступить. – Заключил он. – Возможно, потом нам удастся вернуться в город.

Асмодей оглянулся на Ренвила, затем снова посмотрел на кардинала.

– Я вам не верю, – упрямо сказал он.

– Я же говорил, это бесполезно, – вклинился Калерон.

– Подождите! – перебила обоих Яна. – Мне показалось или всех всё устраивало в день коронации? Почему беспорядки начались теперь? Неужели мы не можем договориться...

Пуля, вошедшая в стену возле её головы, заставила Яну замолчать.

– Нет, – резюмировал Ловеин.

Надаэр тем временем пробирался к дворцу. По мере того, как окраины города оставались позади, людей кругом становилось всё больше.

Последние метры пути пришлось преодолевать, расталкивая толпу, сгрудившуюся вокруг дворцовых ворот.

Надаэр видел алые и голубые плащи гвардейцев, стоявших в оцеплении впереди, но как добраться до них представлял с трудом.

Доран дал залп в воздух, в расчете, что толпа ринется врассыпную, но это не помогло – напротив, грохот лишь привлёк внимание раздражённых горожан.

– Палач Гелоры! – выкрикнул кто-то из них, и вилы, до того смотревшие в сторону дворца, обратились против всадников.

Надаэр поднял коня на дыбы. Копыта отбрасывали ближайших бунтовщиков, пока пространство кругом не расчистилось достаточно, чтобы направить коня в галоп.

Узнав знакомые лица, гвардейцы расступились на несколько секунд. Кони перемахнули невысокую ограду и, ворвавшись в сад, понеслись к дворцу.

Не прошло и минуты, как увидев пример всадников, горожане лавиной двинулись на штурм. Сметая гвардейцев, они перепрыгивали через ограду один за другим, и, мешая друг другу, ринулись через парк.

Бросив коня, Надаэр ворвался в первую залу. Прислуга, судорожно готовившая баррикады, мгновенно попряталась по углам.

Доран и Вега последовали за ним и пока Надаэр пробирался вперёд, принялись задвигать шкафом вход.

– Быстрее! – рявкнул Доран, вылавливая спрятавшегося под столом пажа и заставляя его помочь.

Так, одну за другой, они задвигали все двери, которые попадались им на пути. Но оставались ещё окна, низкие, так что можно было легко перемахнуть через подоконник, но пока что перекрытые магическими барьерами, предназначенными для защиты от дождя.

– Надо уходить через подземный храм! – упрямо повторил Ловеин.

Сколько он ни старался, убедить Асмодея ни в чём было нельзя. Он твёрдо решил погибнуть здесь, с короной на голове.

Яне такая перспектива абсолютно не нравилась, и она бы бежала любым храмом и любым тоннелем, если бы только это дало ей отсрочку.

– Почему никто не сказал мне, что у нас назревает бунт? – упрямо спрашивала она, но никто ей не отвечал. Пока, наконец, терпение Ренвила не подошло к концу.

– А что бы ты сделала? – вклинился он. – Все решения принимает твой супруг! Люди радовались коронации, ты права! Радовались, потому что ждали, что возвращение рода Элайи на престол изменит мир! Ты же свой шанс прос...

– Упустила, – мрачно поправил его Ловеин и снова повторил: – Надо уходить через подземный храм. Это последний шанс. Если Асмодей не в состоянии принять это решение, придётся тащить его силком.

– Поздно, – перебил его Надаэр и бесцеремонно отодвинул в сторону кардинала, перегородившего проход. – Мятежники уже во дворце. Нам не пробиться к спуску.

Наступила тишина. Длилась она всего мгновение, потому что тут же в соседней комнате прогрохотал сдвинутый шкаф, а затем Доран ворвался в гостиную, где собралась королевская чета, и принялся двигать комод.

Надаэр посмотрел на Ренвила. Потом на Дайолена.

– Надо их уводить, – сказал он.

– Мы не продержим тоннель достаточно долго, чтобы дать время всем девятерым, – произнёс Дайолен, и это были первые слова, которые он произнёс с тех пор, как вошёл сюда.

– Продержим, если втроем, – мрачно заметил Ренвил.

Все трое переглянулись ещё раз.

Ренвил и Дайолен достали арраки и по очереди протянули руки перед собой.

Тяжёлый удар в дверь, перегороженную баррикадами мебели, заставил всех присутствующих вздрогнуть.

Надаэр подошёл, встал между ними и тоже воздел руку.

Они затянули заклинание – одно на троих. Напевные звуки гипнотизировали, так что затих даже побледневший Асмодей.

Ловеин стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за ними. Калерон притаился за его плечом.

Яна тоже стояла, замерев. Вначале, когда двое из трёх перстов только приступали к ритуалу, рука её сама собой потянулась к воротнику блузки. Она всё ещё носила с собой амулет, подобранный на перроне. Носила, потому что тот принадлежал Надаэру, и потому, что где-то в глубине души верила, что аррак сможет их связать.

За время, проведённое во дворце, она больше ни у кого не видела таких. И только теперь начинала понимать, насколько редкая и ценная вещь попала к ней в руки.

Яна хотела было отдать её, но Волхонский начал читать заклятье, и Яна так и не решилась его прервать.

Прошла минута или около того. Удары за дверью становились всё сильнее.

А потом то место, где до сих пор находился камин, разорвалось, треснуло, впуская в комнату серый туман. Яна невольно вспомнила, что уже видела эту субстанцию однажды – из неё состояли те, кто напал на них на перроне.

– Быстрее! – рявкнул Надаэр, убирая руку. Схватил Яну за плечо и втолкнул в разрыв.

Калерон бросился к расщелине сам, расталкивая тех, кто стоял кругом.

Следом чинно шагнул Ловеин.

– Я не пойду! – упрямо повторил Асмодей.

Ренвил и Дайолен взяли его под руки и, не обращая внимания на сопротивление, внесли внутрь.

Надаэр шёл последним. Когда он ступил в портал, дверь поддалась и толпа горожан ворвалась в гостиную. Но комната была пуста.

Надаэр исчез, и в то же мгновение исчез разрыв.

ГЛАВА 3

Яна

Удар плечом о землю отдался болью по всему телу. Я едва успела откатиться в сторону, как на то место, где я лежала только что, приземлился Асмодей.

Попыталась сориентироваться в пространстве. Села. Кругом стояла серая мгла, и во все стороны простиралась поросшая колючками болотная топь.

Кажется, я изрекла что-то матерное, но никто не обратил внимания на мои слова.

Потом мой взгляд упал на закрывающийся портал.

Надаэр, конечно же, не упал. Такие, как он, не падают. Меня одолела злость. Наш незванный спаситель стоял, как на картинке, и чёрный плащ колыхался у него за спиной.

Я бы лучше сдохла, чем пошла куда-нибудь следом за ним. Всё то время, что мы не виделись, чувства потихоньку затихали, но стоило мне увидеть его лицо, как они полыхнули пожаром, лишая способности соображать.

– Все живы? – спросил Волхонский, игнорируя мой пристальный взгляд. Мне даже спрашивать не хотелось, почему он берёт командование на себя. Остальные же действительно принялись оглядываться и считать друг друга по головам.

– Калерон! – выдохнул Дайолен.

Все мгновенно сгрудились вокруг принца. Тот лежал на земле, из носа его текла кровь.

Ловеин ругнулся совсем не по-кардинальски.

– Нужно... – начал было он.

– Ясно, что нам нужно найти укрытие, – перебил его Надаэр. – Желательно такое, где ему смогут помочь. И нет, я не предлагаю твердыни Ордена Теней. Орден не станет вмешиваться.

Наступила тишина. Похоже, не я одна до конца не могла осознать то, что произошло. В последние три недели моя жизнь по большому счёту была спокойна и легка. Я едва начала привыкать к тому, что я – королева, и ванна слушается моих приказов. Похоже, чего-то я не

учла... Например того, что будучи королевой надо не только шить платья и давать балы.

Пока все остальные молчали, Вега, растолкав друзей и просто любопытных, присела возле Калерона и принялась осматривать.

– Ран нет, – сказала она. – Голова тоже цела. Похоже... Он просто плохо переносит переходы.

– Как это может быть? – поинтересовался Асмодей. – В нём же самая чистая королевская кровь!

Ему никто не ответил, хотя, полагаю, идеи появились у всех – даже у меня.

– Королевская или нет, – сказал наконец Доран. – А для разборок время неудачное. Кто-то поможет мне? – спросил он и, тоже присев рядом с Калероном, с одной стороны подхватил его под плечо. Желающих помочь не оказалось. Асмодей стоял неподвижно, всем видом демонстрируя, что будь его воля, он бы утопил кузена прямо здесь. Надаэр оглядывался по сторонам, видимо, пытаясь понять, куда нас занесло.

– Мне нужно понять, где мы, чтобы рассчитать следующий переход.

Вспомнив о том, как проходило наше путешествие в прошлый раз, я вгляделась в его лицо и увидела, что оно порядком осунулось. Рука снова потянулась к арраку, но в следующее мгновение в груди всколыхнулась злость.

«Пусть разбирается сам», – подумала я. «С самой встречи он ко мне даже не подошёл».

Я подалась было к Калерону, чтобы помочь Дорану его поднять, но Дайолен меня опередил. Из трёх перстов он казался самым хрупким и к физической работе явно не привык, но беспокойство за принца отчётливо читалось на его лице.

– Не спешите, – одёрнул их Надаэр и перевёл взгляд с этой троицы на Ренвила. – Нужно разведать обстановку. Двое варлоков должны остаться тут с королём, королевой и принцем. Пусть это будут Дайолен и Доран. Мы с тобой разделимся и обойдём окрестности.

Ренвил кивнул.

– Я тоже могу помочь, – вклинилась я. Прежде всего потому, что мне хотелось провести хоть пару минут с Надаэром наедине. Да, умом я понимала, что для разборок не время, но...

Надаэр перевёл взгляд на меня и несколько секунд просто молчал.
– Это плохая идея, – наконец сказал он. – Ты ещё менее приспособлена к выживанию в дикой природе, чем Асмодей и Калерон. Доран, проследи, чтобы она ничего не натворила.

Уж этот проследит!

Злость моя стала только сильнее, но не в силах что-либо изменить, я просто сорвала с себя плащ и села на него.

Надаэр и Ренвил разошлись в разные стороны. Асмодей присел на краешек моего плаща и обхватил себя руками. Он явно мёрз, и мне захотелось его согреть. В конце концов, он мой супруг... Подумав, я отвергла эту идею. Злость на всё происходящее оказалась сильнее.

– Может быть кто-нибудь разожжёт костёр? – всё-таки поинтересовалась я.

Доран кивнул и взялся за дело, так что через некоторое время всем нам стало немного теплей. Хворост, правда, насквозь промок, костёр чадил и почти не горел, но это было лучше, чем ничего.

Мы сгрудились вокруг огня и стали ждать возвращения проводников.

Ренвил вернулся первым. Он нашёл какое-то сопряжение, ведущее в знакомые ему и Асмодею места. Мне название не говорило ничего.

– Дождёмся Надаэра, – прервала я их спор о том, идти туда или не идти. Оба замолкли, поскольку без князя мы действительно не могли уйти никуда.

Надаэр появился ещё через полчаса.

– Я нашёл переход, – сказал он. – Отличный переход в знакомые мне места. Поместье леди Олерман.

– Назад в Аркенор... – с сомнением произнёс Дайолен.

– Это достаточно далеко от столицы, – возразил Ловеин. – Идём туда.

Больше спорить никто не стал и, затоптав костёр, мы тронулись в путь.

Несколько часов мы шли на восток. Серая хмарь не расступалась, хотя подняв глаза к небу и можно было увидеть, что солнце уже достаточно высоко.

Надаэр шёл впереди, но стоило мне попытаться приблизиться к нему – ускорял шаг.

Калерону не становилось лучше, и его вялые стоны потихоньку начинали утомлять.

Все остальные двигались в молчании. Окружающий туман лишь подкреплял мрачное настроение, которое овладело, видимо, всеми.

Я вспоминала тот день, когда меня заставили пройти испытание и подтвердить, что во мне течёт кровь Элайи.

Что они пытались этим доказать?

Весь план с самого начала был похож на полный бред. Мне стоило лучше прислушиваться к обрывкам разговоров, которые я слушала тут и там. Ещё в поезде Надаэр говорил про беспорядки в Лекоре. А беспорядки никогда и нигде не разрешались явлением божества. Мир этот с самого начала слишком походил на наш, чтобы так глупо попасться, поверить, что всё здесь решается сказочным путём.

Оглядываясь по сторонам, видя изуродованное лицо Асмодея и сгорбленную фигуру Ловейна, я всё отчётливее понимала, какой была дурой. Магия не делает этих людей отличными от нас. Ловеин, до того казавшийся мощным и благородным стариком, теперь ощутимо сдал. Я видела, что идти ему нелегко. Как и оба принца, он не привык к пешим прогулкам. Все они были обычными вельможами, привыкшими только к дворцовому распорядку. Балам, красивым церемониям и интригам. И ни у кого из них, похоже, не собирались прорезаться сверхспособности, которые позволили бы им спасти себя и нас всех.

Другое дело Надаэр с его друзьями. Эти держались хорошо. Вега то и дело поглядывала на Калерона и, похоже, больше думала о нём, чем о себе. Глядя на её хрупкую фигурку, я никогда бы не подумала, что она так легко перенесёт поход.

Дайолен постепенно выдыхался, но взгляды, которые он бросал на принца, тоже трудно было не заметить. Похоже, он скорее умер бы сам, чем позволил оставить Калерона здесь.

Так и не улучив момента, чтобы переговорить с Надаэром, я вместо этого приблизилась к Ренвилу и полушёпотом спросила:

– Почему его называют палачом?

Ренвил вскинулся. С укором посмотрел на меня. Но, кажется, сразу понял, о ком речь.

– Только не начинай рассказывать, что я не должна этим интересоваться, – сразу же предупредила я. – Мне уже надоело, что вы держите меня в стороне от всего. Сам видишь, к чему это привело.

Ренвил вздохнул.

– Это долгая история, – сказал он. – У Надаэра была возлюбленная... Так вышло, что люди... – он покосился на Калерона и оборвал себя на полуслове. – Что люди, которые хотели надавить на Асмодея, взяли её в заложники. Надаэр отыскал их и убил всех.

– И это всё? – я фыркнула. – В вашем-то феодальном королевстве, где братья калечат братьев этим можно кого-то удивить?

– Он вывесил их тела в парке вдоль реки. И написал, что так будет с любим, кто попытается причинить вред его близким. У нас так не принято. Так что да, этим можно удивить.

– Близким... – медленно повторила я, но Ренвил мою реплику не подхватил. Поэтому я спросила сама: – А что стало с девушкой? Где она теперь?

– Мертва, – Ренвил на меня не смотрел. – Как я понимаю, её убили сразу же, как только Надаэр начал штурм.

Я молчала. Не знала, что сказать. Меня, конечно, никто не убил... По крайней мере пока. Но я откровенно испытала на себе, насколько безжалостным может быть Надаэр. И я его не понимала. Совсем.

Я никогда не была особенно жалостлива – мир, в котором я родилась и выросла, был по-своему жесток. Может я не видела крови и трупов наяву – но достаточно насмотрелась на них в кино, чтобы разучиться испытывать жалость.

И я не знала, почему слова Ренвила отозвались такой болью в груди. Может быть потому, что я до сих пор надеялась, что попала в сказку... И да, Надаэр был для меня принцем на железном коне. Настоящим принцем был именно он, а не Асмодей, потому что именно князь спасал меня от врагов. Именно с Надаэром мы бежали по улицам моего города. Именно с Надаэром я впервые преодолела пространство, ступила на землю иного мира... Всё, что было для меня впервые, дал мне Надаэр. Асмодей был обходителен и почти что мил, но если он хотел, чтобы я стала его супругой, то он должен был сделать всё это сам.

«Тебе выбирать».

Голос, прозвучавший в голове, заставил меня оглянуться. Я огляделась по сторонам в поисках того, кому он принадлежал. Но голос был женский, а кроме Веги девушек поблизости не было, и Вега явно говорила совсем не так.

«Тебе выбирать, каким станет Аркенор», – снова прозвучали у меня в голове загадочные слова.

Голос был мягким, и теперь я начинала вспоминать, что уже слышала его однажды. Тогда, в подземном храме, голос подтолкнул меня вперёд.

«Это не мой мир», – мысленно ответила я в надежде, что не схожу с ума. «Я ничего не знаю о нём. Как я могу выбрать за него?».

Голос, однако, больше ничего не сказал. Оставив меня наедине с собственными сомнениями и мыслями о том, что делать теперь.

Домой я вернуться не могла. Не знала как, да и не хотела.

Дом же, который приготовили для меня Надаэр и Асмодей, похоже, насквозь прогнил. Он рухнул под весом тяжести собственных междоусобных разборок и интриг. Но как бы там ни было, я по-прежнему не чувствовала себя королевой. Не чувствовала, что этот мир мне родной и что я могу в нём что-либо изменить.

Надаэр

Болота тянулись и тянулись. Оказалось, что путь, который я в одиночку проделал за час, таким отрядом займёт не меньше нескольких часов.

Калерон, который едва держался на ногах, немало замедлял ход. В голове не раз промелькнули мысли о том, чтобы разделиться.

Говоря откровенно из всех, кто находился здесь, меня больше всего интересовала одна жизнь. И не только потому, что эта единственная была потомком Элайи. Я изо всех сил старался заставить себя испытывать сочувствие к Асмодею, но не мог. Раньше мы были почти друзьями. Теперь он казался мне слишком вспыльчивым, слишком упрямым и слишком неприспособленным к жизни. Даже Яна, всю жизнь прожившая в городе, переносила дорогу лучше него.

Дайолен, вместе со своим принцем шедший в самом хвосте, то и дело одёргивал меня, заставляя замедлить ход. Взгляды, которые он

бросал на Калерона, не заметил бы только полный идиот.

Чувства перста к подзащитному никто не смог бы запретить. Единственная клятва, которую мы приносим – клятва вечной верности тому, кому будем служить.

Я такой клятвы не приносил. Не приносил никому из ныне живущих представителей королевской семьи. Я поклялся Гелоре, что помогу её сыну – и я помог. Я мог уйти и больше никогда не возвращаться во дворец. И чёрт его знает, что заставило меня помчаться в Пандемониум, когда я увидел пожар.

Впрочем, знаю я и это... Но даже себе боюсь сказать.

Как ни старался я избежать разговора с Яной, через какое-то время ей удалось оказаться рядом со мной. Сбежать я не успел, меня настиг вопрос:

– Что мы будем делать теперь?

Проклятая наследница Элайи спрашивала так, как будто я здесь король!

– Ты говорил, что мой брак с Асмодеем спасёт нас всех. Если это спасение, то я – енот.

Я молчал. Элирена была, конечно, прав. Но мне нечего было сказать в ответ.

– Я считаю, нужно выйти на переговоры с мятежниками, – продолжила она. – И больше не пытаться разрешить ситуацию мифическими ритуалами и детскими сказками о древней крови.

Я молчал.

– Аллэ!

– Они тебя убьют! – перебил я её. Хотелось остановиться и хорошенько её встряхнуть, но памятуя о том, в каком состоянии находится Калерон, я не хотел задерживаться здесь на лишние несколько минут. – Изуродуют, запытают до смерти...

– И подвешат перед дворцом!

Я замолк. Намёк был яснее ясного. Но я не хотел это обсуждать.

– Нам нужно начать переговоры с мятежниками, – упрямо повторила Яна после паузы. – У твоих людей есть арраки. Они могут связаться с другими представителями Ордена. Пусть договорятся о переговорах. Я рискну, потому что мне нечего терять.

Больше ничего не говоря, она замедлила ход и позволила мне остаться наедине с собой.

Наконец, вдали показался разлом. Его контуры едва выступали из тумана, и если бы я не знал, что он там – вряд ли смог бы разглядеть.

– Вижу, – подал голос Ренвил у меня за спиной.

– И я вижу, – присоединился Доран и, тронув меня за плечо, указал на смутные тени, скользившие по сторонам от сопряжения.

Теперь их разглядело большинство из нас, и все разом замедлили ход.

– Те же твари, что там, на вокзале... – вполголоса произнёс я. Значит, их послал всё-таки не Ловеин и не Калерон. – Выходит, они работают на Лигу?

Доран молчал. Должно быть знал не больше, чем я.

– Медлить смысла нет, – подала голос Яна.

Я кивнул.

– Доран, Ренвил – со мной. Вега и Дайолен – держитесь в стороне. Приготовьтесь нас прикрыть.

С этими словами я шагнул вперёд. Доран тут же последовал за мной. Ренвил поколебался и тоже шагнул вперёд.

Яна

На сей раз бой был недолгим. Мне оставалось только стоять и сжимая кулаки смотреть, как три фигуры в чёрных плащах уверенно движутся навстречу врагам.

Надаэр первым вырвал из ножен клинок – не такую шпагу, какие были у нас с Асмодеем, а настоящий длинный меч, тускло блеснувший в лучах едва пробивавшегося сквозь сумрак холодного солнца.

Различить, что представлял из себя противники, с того места, где находилась я, было нельзя, и потому, лишённая надзора Ренвила, я осторожно продвинулась вперёд.

Теперь я видела, как клочья дыма, вооружённые когтями, разлетаются под взмахами клинков наших защитников.

«Что проку попасть в другой мир, если всё время будешь сидеть в стороне?» – билось в голове. Но мне всё же хватало ума понять, что вмешавшись, я больше помешаю, чем помогу.

Наконец, сражение подошло к концу и Надаэр махнул нам рукой, приглашая шагнуть в портал.

На сей раз возражать не стал никто.

Один за другим мы пересекали черту, за которой в тумане проглядывал тонуший в ночи лес. Видимо, место это действительно находилось от Пандемониума достаточно далеко, потому что в королевском дворце сейчас не могло быть больше шести часов вечера.

В свою очередь, ступив в портал, я огляделась по сторонам.

Здесь было тихо. Казалось, много лет по этой траве не ступала нога человека. В небе мерцал серебристый диск луны. Пели сверчки. В воздухе разливался густой запах нагретых солнцем диких трав. Место, где мы оказались, дышало покоем и грустью. Как дом, в который возвращаешься после долгого пути.

Наверное, впервые с тех пор, как пустилась в это странствие по мирам, я чувствовала, что попала именно туда, куда хотела.

ГЛАВА 4

– Тебе здесь нравится?

Я вздрогнула, ощутив руку Надаэра на своём плече. Тело пробила дрожь. Чувствовать его рядом с собой, знать, что он сделал со мной... И всё равно ощущать это странное притяжение, зависимость, потребность в нём... Это было невыносимо.

Там, во дворце, когда его не было рядом, было не лучше. Там побеждала злость. Я могла говорить себе, что он предал меня. Что мне почудились все те намёки, которые он давал. Все те взгляды, которые заставляли меня проваливаться в сон.

– У меня нет выбора, – глухо сказала я. И, почувствовав, что он убирает руку, невольно потянулась следом за ним.

Господи Боже мой... Я схожу с ума. Этот человек отдал меня в... в жёны своему другу. Это ли не лучшее доказательство того, что ему на меня наплевать?

А я всё чего-то жду. Надеюсь на что-то. Как полная дура.

Заставив себя не оглядываться на него, я огляделась по сторонам ещё раз.

Место действительно было красивым. В отличие от королевского дворца оно не казалось выхолощенным, ухоженным и подстриженным до неестественности. Хотя, возможно, дело всего лишь в том, что клумбы и деревья запущены.

– Здесь давно не ступала человеческая нога, – вслух произнесла я. Надаэр кивнул.

– Кто... здесь жил? – спросила я, когда смутное подозрение закопошилось в груди.

Надаэр сжал губы в тонкую черту. На меня он не смотрел.

– Подруга, – сухо сказал он и, не оглядываясь, двинулся вперёд. Только отойдя так далеко, что мне бы уже не удалось разглядеть его лица, он посмотрел через плечо – и всё равно не на меня. – Я приготовлю дом. Не торопитесь. Здесь нет никаких угроз.

Я замерла, обнимая себя руками. Две минуты рядом с этим человеком выпотрошили меня.

А в следующее мгновение со спины подошёл Асмодей и осторожно обнял меня за плечи. Он позволял себе такое, хотя всегда был осторожен и никогда – навязчив. У Асмодея, как спутника жизни, было всего два недостатка. Шрам – но с ним я уже начинала свыкаться. И то, что он не был Надаэром.

Если к первому привыкнуть было можно, то второе, похоже, никогда не изменить.

– Всё в порядке? – тихо спросил он.

– Не более, чем у тебя, – я сглотнула. Тут же мысленно отвесила себе оплеуху за такие слова. Мне Аркенор так и остался чужим. Для Асмодея он был домом и миром, в котором он жил.

Только что этот человек потерял всё. И ему хватает силы духа заботиться обо мне.

Я обернулась через плечо и чуть стиснула его ладонь.

– Всё будет хорошо, – тихо сказала я. – Первый мятеж всегда бывает неудачным. Тебе... удастся вернуть престол.

Асмодей попытался улыбнуться. Края шрама разошлись, но я заставила себя не отводить взгляда. А вот он глаза отвёл.

– Это не первый мятеж, – сказал он. – Гелора сложила корону, потому что народ требовал её казни.

Вот тут в моём сердце поднялась злость.

– То есть... вы все знали, что к этому идёт?

Я выдохлась ещё раньше, чем договорила. Бестолку их упрекать. Все они как будто из какой-то сказки выбрались на свет. Со своими потомками, наследниками, испытаниями... Вряд ли они пытались меня обмануть. И скорее всего очень расстроятся, если сказать им, что всё это чушь.

– Идём в дом, – сказала я, не выпуская его руки, и сама двинулась по аллее вперёд в ту сторону, куда ушёл Надаэр.

Я шла, не оборачиваясь, и невольно вспоминала тот момент во дворце, когда Асмодей отказывался ступить в переход. Увы, но я не была восхищена... Каким бы отважным не был этот поступок, в тот момент он выглядел глупостью. И даже Надаэр не пытался принять бой.

Хотя, полагаю, если бы уходить отказался Надаэр, я бы куда больше поверила его намерениям...

Асмодей был... Не знаю, мягким. Не сказать чтобы избалованным, но изнеженным может быть. Он многое пережил, в его движениях и словах появилась ломкость, почти неуверенность. Тем более странным было видеть от него храбрость.

Он был добрым, Асмодей. По крайней мере к тем, кто его окружал. И только теперь, когда преследователи дышали нам в спину, я понимала, кого он мне напоминал.

Он был слаб. Как все те короли, которые становились последними в своём роду. Слишком привык к тому, что его судьба – жить во дворце. Слишком не привык отстаивать то, что принадлежит ему.

Я вспомнила нашу первую встречу. Как он оглядывался на Надаэра в поисках поддержки, как заглядывал ему в глаза снизу вверх.

Господи Боже мой, почему же я не поняла этого тогда?

«Потому что ты всего лишь историк», – ответил внутренний голос, который в последнее время всё чаще давал о себе знать. В основном для того, чтобы показать мне, какая я идиотка.

«Потому что ты привыкла изучать. Но не действовать и даже не наблюдать».

Я потёрла висок свободной рукой. Получается, я была ничем не лучше Асмодея. Такая же неуместная и ни к чему не способная «избранная», на которую возложили слишком много надежд.

«А что теперь?» – спрашивала я себя. «Может, уйти в сторону? Позволить тем людям строить собственный мир так, как они хотят? Ведь это и есть – прогресс. Его не остановить».

Я представила музей во дворце Асмодея, и мне стало грустно. Всё-таки я любила сказки, и одну из них мне хотелось сейчас спасти.

«Но ты не имеешь права навязывать им жизнь, которая отходит в прошлое», – тут же напомнила я себе.

Так ничего и не решив, я вошла в дом и стала оглядываться по сторонам.

Следующие несколько часов всем было не до разговоров.

Изнутри особняк оказался ещё более заброшен, чем парк снаружи. Большинство беглецов оказались абсолютно бесполезны в

бытовой магии – не в силу отсутствия способностей, а в силу того, что им никогда не приходилось её применять.

Отличились только Надаэр и Асмодей. Они вдвоём активировали кухню и наладили водопровод. Затем Надаэр распределил всех по комнатам, и гости, и без того храпевшие на ходу, провалились в сон.

Я проспала несколько часов. Когда проснулась, за окнами ещё было темно. Мне хотелось в душ, и я вознамерилась исполнить свою мечту.

К моему неприятному удивлению именно в моей ванной что-то пошло наперекосяк, и вместо того, чтобы поливать меня горячей водой, кран плевался, выбрасывал на пол клочки земли и всячески показывал, насколько меня презирал.

Так и не добившись своего, я закуталась в огромную махровую простыню и вышла в коридор, рассудив, что, если кто-нибудь не спит, можно попроситься в душ у него.

Кто-то действительно не спал. Приглушённые голоса раздавались со стороны лестницы, ведущей на первый этаж. Я приблизилась к спуску и замерла, выглядывая из-за угла.

Голоса принадлежали Надаэру и Ренвилу. И мне, честно говоря, было приятно просто послушать их. Вернее, один из них...

Надаэр сидел в кресле у окна с кружкой дымящегося напитка в руках. Ренвил стоял у камина в двух шагах от него.

– Этого следовало ожидать, Надаэр, – говорил он. – Если весь твой расчет строился на том, что ты подаришь Аркенору истинную королеву... то ты наивный дурак.

Я видела, как помрачнел и насупился князь, но спорить не стал.

– Ты считаешь, что Элирена не может быть королевой?

– Не она... – Ренвил поднял глаза и, казалось, задумался. Мне стало неприятно. Никогда не любила знать, что говорят обо мне за спиной. – Она не подготовлена, Надаэр. Быть может, если бы у неё было больше времени... Если бы она с самого начала знала, на что идёт.

– Вот именно! – не выдержала я и, выйдя из-за угла, остановилась на балконе над лестницей. Ренвил поморщился, как будто не слишком удивился моему появлению. А Надаэр несколько секунд смотрел на меня без всякого выражения, а затем отвёл глаза. От этого взгляда я даже растеряла ненадолго вертевшиеся в голове слова. Потом, однако,

совладала с собой и продолжила, глядя на него в упор. – Вот именно. Если бы я знала, на что иду. Почему было не сказать мне сразу, а? Вы оба, мои дорогие защитники! Защитили? Помогло? Вы думаете, я совсем дура? Да, будешь тут душой, когда из тебя делают слепую. За три недели мне ни разу и не показали, как живёт этот недовольный народ.

– А если бы показали – то что? – перебил меня Волхонский. Голос его был так мрачен и тяжёл, что я мгновенно замолкла. Но он так и не поднял на меня глаз. – Ты бы мгновенно сбежала домой!

– Очень может быть! – я сжала кулаки. – Потому что ситуацию, в которой мы все оказались – не разрулить. Нас всех обезглавят. А ты, Надаэр, играя в свои непонятные игры, втянул меня в эту компанию, которой жить оставалось несколько недель!

– Я думал, что предсказание исполнится!.. – он замолк.

– Предсказание? – после долгой паузы переспросила я. – Ты о чём-то ещё забыл мне рассказать?

– Ни о чём, чего бы не сказал тебе Торван! – огрызнулся он. Встал с места и прошёлся по комнате туда-сюда. Он всё ещё не поднимал на меня глаз. – Придёт потомок Элайи и вернёт благоденствие и свет в Аркенор.

У меня закружилась голова. Как взрослый человек мог верить во что-то... наподобие этого.

– Надеюсь, это была не единственная твоя надежда, потому что звучит как... не знаю как. Но как полная ерунда.

Надаэр стиснул зубы и сдвинул чашку так, что у него костяшки пальцев побелели.

– Не единственная! – он наконец посмотрел на меня. – Вступив в брак с тобой, Асмодей должен был раскрыть свой магический потенциал. Магия – то, чем живёт наш мир. Это как нефть для вас. Но уже много столетий дети Дария становятся всё слабей.

– И ваши люди уже не могут обходиться только колдовством... – растерянно повторила я.

– Именно так. Наш мир становится похожим на твой. Туда, где нет магии, приходят техника, наука и прогресс, – последнее слово Надаэр выплюнул так, как будто оно было ругательством. – Я не хочу, чтобы у нас появились бензин, железные машины и напалм.

Я моргнула.

– Ну, хорошо, – сдалась я. – Так, что не так? Вот, я вступила в ваш проклятый брак. Где сила? Почему Асмодей всех не спас?

Надаэр молчал.

– Не знаю, – буркнул он наконец и снова отвернулся к камину. – Но силы у него нет. Если бы он и хотел – ничего не смог изменить.

– Почему? – растерянно спросила я. Ответом мне была тишина. – Куда-то же эта сила делась! Или это такая же сказка, как история про потомков Элайи?

– Это не сказка, – вмешался Ренвил. – Мы все знаем, что Асмодей открыл собственный потенциал, когда был в плену. Но его магия... странна. Чтобы использовать её, он берёт силы у других. А нас не спасёт магия, которая потребует сотню жертв, чтобы отопить дом. Другое дело с той силой, которую он должен был получить от тебя. Она как светоч. Вечный огонь, которому не нужны дрова.

– Отопить дом... – растерянно повторила я. Посмотрела на Волхонского. – Надаэр, сегодня вечером Асмодей хоть чуточку тебе помог?

Наступила тишина.

Ренвил переводил взгляд с одного из нас на другого.

– Я не хочу этого знать, – сказал он наконец.

– Чего знать? – я чувствовала, что к сознанию подступает истерика. Не то чтобы я была к ним склонна, но потеря сначала одного дома, затем другого... Проклятая влюблённость и вынужденный брак с незнакомым человеком... провоцируют вести себя неадекватно.

– Да, чего знать? – послышался голос Асмодея из темноты.

Я вздрогнула.

– Господи, хоть кто-нибудь в этом доме спит?!

– Вряд ли в такой ситуации возможно уснуть.

Асмодей, минуя меня, стал спускаться на первый этаж. Я подумала и последовала за ним.

Ренвил тут же зачерпнул из котелка, висевшего над камином, своего согревающего напитка и, разлив в две кружки, выдал нам.

Это оказался глинтвейн. Самое то, после дня пути по болоту. Но даже подогретое вино не могло успокоить моё бешено бьющееся

сердце. Я с ногами устроилась на кушетке. Асмодей, одетый в одни только брюки и полурасстёгнутую рубашу на выпуск, сел в кресло. Я видела, как подрагивают его пальцы, сжимая кружку.

– Чего мы все не хотим знать? – произнёс он, переводя почему-то взгляд с меня на Надаэра и назад.

Я отвернулась и сделала вид, что смотрю на Ренвила. Это было нетрудно – похоже, он тут единственный готов был рассказать мне хоть что-нибудь.

– Сила, ради которой заключался этот брак, передаётся через личный контакт, – со вздохом произнёс он. – У вас был... личный контакт?

Асмодей молчал. И смотрел на меня.

Контакта у нас не было. Он не настаивал, а я не хотела. Зачем мне вступать в... «контакт»... с малознакомым мужчиной?

– Предлагаешь нам заняться этим прямо сейчас? – спросил он. – Думаешь, это всех нас спасёт?

– А почему вы не занялись этим до сих пор? – прошипел Надаэр, наклоняясь в нашу сторону.

– Может, из-за тебя? – оборвала я его, и Волхонский мгновенно замолк. Он беспомощно смотрел на меня.

– Яна... – тихо сказал он. – Нам надо поговорить...

– Теперь? – с деланным удивлением переспросила я. – Тебе не хотелось говорить со мной целых три недели! А теперь вдруг нашлись для меня слова?

Надаэр молчал. Во взгляде его злость мешалась с мольбой. Я тоже чувствовала, как накатывает злость, не оставлявшая меня все последние недели.

– Нам не о чем говорить, – отрезала я. – И после всего, что вы мне уже наплели, мне трудно поверить, что если мы займёмся сексом, это спасёт целый мир. Если вы оба – персты и суперкрутые мужики, то начинайте работать головой. Никакая сила не успокоит этих людей. Им так надоели ваши фокусы, пророчества, ритуалы и законы наследования, что они хотят одного – всех вас казнить и установить демократический строй. Не могу сказать, что я с ними так уж не согласна. Но если вы, ребята, хотите вернуть всё на круги своя, то кончайте переводить стрелки на меня. Какая бы там кровь в моих венах не текла, я ничего не знаю о политике вашего мира. Более того, я

вас сразу предупредила, что не умею плести интриги. Я твоему, – я ткнула пальцем в Надаэра, – приятелю Торвану сказала, что стоит оставить меня при дворе, как меня тут же кто-нибудь возьмёт в оборот. Вы не хотели слушать. У вас тут у всех великая мечта подарить людям свет, желательно чужими руками. Моими руками. И моей жизнью за это ваше благоденствие заплатить. Так не пойдёт. Если хотите, чтобы я стала вашей спасительницей – делайте по моему. А я вам говорю, что нужно встретиться с мятежниками и всё обсудить. Если же хотите оставить меня пешкой, то не ждите от меня энтузиазма. Подыгрывать я вам не стану. Всё.

Я встала и, не оборачиваясь ни на кого, пошла подниматься к себе. Заперлась, с тоской глядя на дверь, ведущую в ванну.

«...нас не спасёт магия, которая потребует сотню жертв, чтобы отопить дом», – билось в голове.

Сомнений нет, мою ванную чинил Асмодей. Я сама видела, как он заходил сюда.

Но внизу горит свет, и кухня вчера вечером сама собой приготовила нам ужин.

А это значит, что Надаэру его часть ремонта удалась вполне хорошо.

«Или ты очень могущественный маг, но как обычно ничего не хочешь мне говорить», – думала я. – «Или сила досталась тебе. И до тебя это до сих пор не дошло?»

У меня заболела голова. Я хотела бы не знать Надаэра вообще никогда. Мне не нравился этот человек, к которому меня с такой силой тянуло, и который только и умел, что причинять мне боль.

Я рухнула в кровать и потянула на себя покрывало, когда в дверь раздался стук.

«Надаэр», – подумала я и твёрдо решила, что не стану открывать.

Но ночной визитёр не стал ждать ответа. Просто нажал на ручку и вошёл.

– Привет, – тихо сказал Асмодей.

Три недели прошло, а я так и не могу поверить, что этот человек – мой супруг.

– Только не говори, что пришёл провести первую брачную ночь, – не поднимаясь буркнула я.

– Нет, – он подошёл вплотную и присел на край кровати. – Я пришёл сказать... Я думаю, что ты права. Нам нужно с ними поговорить.

Я в недоумении смотрела на него несколько секунд. Затем вздохнула.

– Почему ты не сделал этого раньше? – спросила я.

Асмодей повёл плечом.

– Я не знаю как.

ГЛАВА 5

Я смотрела на Асмодея, на его жуткий шрам, на его перепуганное лицо... Смотрела и думала.

Мне было до безумия его жаль. И в то же время меня одолевала злость. Он, как и все здесь, до последнего ничего не желал мне рассказывать. До тех пор, пока не стало слишком поздно, чтобы что-либо изменить.

– Думаю, я могу попробовать помочь, – как могла спокойно ответила я. – Но прежде я хочу, чтобы ты рассказал мне кое-что.

Асмодей поколебался и кивнул. Даже теперь он не доверял мне до конца.

– Элайя, – твёрдо сказала я. – Что это за сила? Что в ней такого, что она всем вам нужна?

По лицу Асмодея пробежала тень.

– Надаэр разве ничего тебе не рассказал?

– Недостаточно, раз я спрашиваю тебя.

Асмодей вздохнул. Встал. Подошёл к окну.

– Элайя наш первопредок, – сказал он. – Она основала Аркенор. Легенда гласит, что её потомки наделены силой, которая подарит королевству благоденствие. Это всё... что известно мне.

– И ради смутной легенды ты решил вступить в брак с девушкой, которую едва знаешь?

– У меня не было выбора! – взорвался Асмодей. – Моё положение не лучше, чем твоё! Только тебе нечего было терять!

Я молчала. Асмодей явно говорил не всё. Может быть, всё, что знал – но точно не всё, что нужно мне.

– Хорошо, давай спать, – я всё ещё старалась говорить спокойно.

Асмодей шагнул ко мне, без слов намекая на то, о чём говорили внизу.

– По отдельности, – отрезала я. Подошла к двери и открыла её, предлагая Асмодею выйти вон.

Больше той ночью меня не тревожило ничего. А наутро у меня начал созревать план.

Проснувшись, я укуталась в простыню и отправилась вдоль коридора искать дверь, за которой ночевал Ловеин. Ему достались покои в самом конце. Я постучала. Дверь открылась, и я увидела перед собой растерянное невыспавшееся лицо.

– Ужасно неудобно тревожить вас, Ваше Преосвященство... Но я хотела спросить. У вас работает душ?..

– Что?..

– Душ, – повторила я.

Ловеин всё так же растерянно кивнул и отошёл в сторону, позволяя мне войти.

Душ у него действительно работал. И это уже было хорошо. Приняв его, я воспользовалась предложенной Ловеином простыней и со вздохом сказала:

– Не могу позволить себе выйти к остальным. Я тут у вас посижу? Ловеин нахмурился. Похоже, начинал что-то понимать.

– Посидите, – согласился он. – Я бы приказал принести вам кофе, но как понимаете... У нас тут нет слуг.

Я кивнула.

Присела у окошка и стала обсыхать. За окнами барабанил дождь, и вопрос слетел с губ сам собой:

– Такой климат во всём Аркеноре?

Ловеин помешкал перед ответом. Он сам сидел на постели и потягивал из кружки какой-то горячий напиток, которым обзавёлся ещё до того, как я пришла к нему.

– Говорят, так было не всегда, – устало сказал он. Я почувствовала, что разговор движется в правильном направлении.

– Я очень удивлюсь, если вы скажете, что во времена Элайи светило солнце.

– Не совсем, – Ловеин замешкался, подбирая слова. Потом произнёс гладко, как по заученному: – Когда Элайя ступила в сущий мир, повсюду царствовали хаос и мрак. Элайя раздвинула границы яви и сна. Деревья и земля обрели плоть. Небо отделилось от земли. Вспыхнуло солнце, и родилась первая листва.

Я задумчиво посмотрела на него:

– Так вы верите, что Элайя создала ваш мир?..

– Упорядочила, – поправил он. – В мире царствовали хаос и мрак. Наш мир находится в нижней половине многоцветия миров. Вам не говорили, что это значит?

Я качнула головой.

– Созданий нижних миров у вас называют демонами, – Ловеин приник губами к кружке, сделал глоток и только затем продолжал. – Но Элайя – божественная сущность. Она принесла в наш мир свет и добро. Она создала... – Ловеин снова задумался. – Вы назвали бы это колонией. В которой жили такие как она – но больше, созданий мира, в который они пришли.

– Зачем ей это понадобилось? – с искренним удивлением спросила я.

– Кто знает, – Ловеин пожал плечами, – быть может, она хотела принести свет во тьму. А может, свет отказался от неё и наказал тьмой...

Я повернулась к нему лицом.

– Ваше Преосвященство, – я изо всех сил старалась поймать его взгляд, но никак не могла. – Почему для всех здесь так важно, есть ли в монархе «древняя кровь»?

Ловеин, наконец, посмотрел на меня, и улыбка тронула краешек его губ.

– Потому что кровь – есть тьма и есть свет. Потому что тусклый свет не осветит путь. Потому что гаснущий огонь не согреет ни тел, не сердца.

– Так это... – я тоже задумалась, подбирая слова. – Это имеет идеологическое значение? Это ваша вера? Или как говорит Ренвил – это нужно, чтобы согревать дома и устраивать жизнь?

– И то, и то, – Ловеин снова отвернулся. Мне показалось, что ему скучно со мной.

– Поэтому вы позволили мне стать супругой Асмодея? – спросила я. – Потому что во мне действительно есть древняя кровь?

Горькая улыбка скользнула по его губам, и он посмотрел на меня.

– Нет, – сказал он. – Потому что понял, что какой бы ни была кровь королевы – нас это уже не спасёт. Простите, Ваше... Величество. Вам лучше пойти к себе. Я тоже хочу принять душ, одеться и спуститься вниз.

Я помешкала, в надежде, что смогу узнать от него что-нибудь ещё. Но кардинал больше не смотрел на меня. Всем своим видом он демонстрировал, что потерял ко мне интерес. И в конце концов, поднявшись, я двинулась обратно к себе.

Я вернулась в спальню, переоделась. Пдащ, в котором я бежала из дворца, оставила лежать на тумбе, а на себя надела только брюки и сорочку.

За всё время что провела в Аркеноре, я так и не привыкла к местной многослойной одежде. Одно дело, когда всё это видишь на экране или в компьютерной игре – красиво и хорошо. Но носить на себе – боже упаси. Порой мне казалось, что именно это имел в виду Торван, говоря, что надо тренироваться с детства, чтобы стать королевой.

Когда я спустилась вниз, в гостиной собрались ещё не все. Надаэр, не отрывая от меня пристального взгляда, сообщил, что нам придётся самим накрывать на стол, и сделать это лучше, когда все спустятся вниз.

Калерон тут же попытался возмутиться и сказать, что в данной ситуации персты должны позаботиться о своих господах. Надаэр собирался было оборвать его, но Дайолен что-то прошептал на ухо принцу и тот утих.

Я устроилась на диване возле окна, разглядывая запущенный сад. «Кому он принадлежал?» – вертелось в голове. «Подруге», – так сказал Надаэр, но меня не оставляло чувство, что это была не просто подруга – слишком хорошо Волхонский ориентировался здесь.

Прошло немного времени, когда я заметила, что Дайолен сидит на том же диванчике, что и я. До сих пор мы с ним почти не общались: ни здесь, ни во дворце. Я почти что не знала, что это за человек. Слухи от меня старательно берегли.

Тем более странным было то, что третий перст решил завязать со мной разговор.

Я оглянулась на Калерона, и тот кивнул, подтверждая, что разговор этот далеко не случаен.

– Его Высочество хочет спросить, не надумали ли вы сделать то, что он вам предлагал?

Я отвернулась к окну и молчала.

Стать полноценной королевой? Он это имел в виду? Самое время, когда горожане захватили дворец.

– Если нет, и если вас всё ещё не устраивает перспектива обмена силой с Асмодеем, он готов предложить вам разовую поддержку в этом вопросе. Моему принцу невыносимо смотреть, как гибнет его королевство.

Я едва не застонала.

– Что вам даст эта сила? – вместо этого спросила я.

Дайолен оглянулся на Калерона, и тот ответил кивком.

– Вы должны иметь в виду, что эта тайна известна только членам королевской семьи... и то не всем. Я поделюсь ею с вами, потому что теперь вы одна из нас.

– Говорите, – устало потребовала я.

– В основе жизни в Пандемониуме лежит магия...

Я хотела было сказать, что уже слышала это, но в это мгновение Дайолен продолжил:

– Это не метафора. Не говоря о том, что магия дарует нам комфорт. Очаг магии в буквальном смысле расположен под фундаментом королевского дворца. Та сила, что коснулась вас в храме – лишь часть этого очага. Магия определяет не только то, будет ли у вас горячая вода. Источник был создан Элайей, чтобы сделать этот мир пригодным для жизни. Понимаете меня?

Я качнула головой.

– В вашем мире имеют представления о других планетах, ведь так?

На сей раз я кивнула.

– Чтобы другие планеты были пригодны для жизни, необходима энергия. Необходимо изменить природу так, чтобы она стала пригодна для людей.

Я потёрла висок.

– И вы хотите сказать, что без магии этот мир вообще не пригоден для жизни? А люди, которые штурмовали дворец, об этом знают?

Дайолен качнул головой.

– Думаю, что нет.

– Мы... – я хотела сказать, что мы должны им объяснить, но замолкла. Это место учило меня больше слушать и меньше говорить. – Ну хорошо, – согласилась я. – Теперь все говорят о том, что я должна поделиться этой силой... к которой, видимо, имею доступ только я... поделиться с Асмодеем или с Калероном... Так?

– Почти так. Доступ к силе есть и у них. Но каждому, в ком течёт кровь Элайи, доступна только одна её грань. Полный доступ к Источнику получают лишь те, кто вступит в благословлённый Элайей брак. Оба супруга должны иметь отношение к королевской семье.

– И должны переспать, – напомнила я о том, что всё время забывали мне сказать.

– И должны подтвердить единство единением душ и тел, – подтвердил Дайолен.

– Это что, значит, что каждый член королевской семьи, который... вступит со мной в единство душ и тел... станет королём?

– Не каждый, – Дайолен качнул головой. – Вы можете заключить союз душ только один раз.

– В первый раз, – уточнила я.

– В первый раз, – подтвердил он.

– Ясно, – я отвернулась к окну и замолкла.

– Что мне передать моему принцу? – после паузы спросил Дайолен.

– Что при всём желании, я не могу дать ему то, чего он от меня хочет. Я уже заключила священный союз.

Дайолен нахмурился. перевёл взгляд на Асмодея и несколько секунд пристально разглядывал его. Видимо, пытался отыскать в нём признаки родства душ.

– Ясно... – растерянно сказал он. – Больше не буду беспокоить вас, Ваше Величество.

Он поднялся, легко поклонился и отошёл.

– Пора накрывать на стол, – разнёсся над гостиной мрачный голос Надаэра. И все присутствующие, за исключением Калерона, поплелись на кухню. Похоже, большинству из них в подобной церемонии приходилось участвовать в первый раз.

Я шла четвертой, но Надаэр задержал меня на полпути. Дождлся, пока все пройдут, и отвёл в сторону. Лицо его было сурово, как

никогда, и я готовилась к допросу относительно того, что искал в моём обществе Дайолен. Однако Надаэр только сказал:

– Надо поговорить.

– Мы с тобой уже говорили и не раз.

Я высвободилась из его рук и поспешила присоединиться к остальным.

Избежать разговора, впрочем, мне так и не удалось. Мы пообедали. Все поглядывали друг на друга с единственным вопросом: что делать теперь. Каждый боялся, что прозвучавший ответ окажется для него приговором к изгнанию.

Так и не подняв главного вопроса, все стали разбредаться по своим углам. Я вышла в сад, потому что люблю дождь. И выйдя в партер, свернула на одну из боковых аллей.

Так, двигаясь по наитию, я выбрела к озеру, заросшему кувшинками, и остановилась возле него.

Не знаю, сколько я стояла так в одиночестве, наслаждаясь первым местом в этом мире, где почувствовала себя хорошо. Я осталась бы здесь с куда большей охотой, чем в замке Торвана или тем более во дворце. Замок был суров, стены дышали холодом, а люди, обитавшие там, были честны и просты... но их было слишком много, и все они были чужими мне.

Ещё меньше понравился мне королевский дворец, где каждая стена могла оказаться фальшивой, за каждой перегородкой могли скрываться чьи-то уши и оставалось только гадать, кому они принадлежат – союзнику или врагу.

Здесь даже близость нашего маленького двора не смущала меня. В парке царили покой и тишина, с которыми хотелось слиться всей душой. И если бы можно было остановить время, позволить бунтовщикам захватить власть и быть уверенным в том, что они не нагрянут сюда – я навсегда осталась бы здесь.

– Я распределил очередность постовых. Пусть у Сопряжения постоянно стоит кто-то из варлоков.

Прозвучавший за спиной голос Надаэра вырвал из горла протяжный стон.

– Зачем ты говоришь об этом мне? – спросила я, чуть повернув голову и глянув на него через плечо.

– Потому что ты – королева. Что бы не мнили о себе остальные, судьба Аркенора сейчас в твоих руках.

– Судьба Аркенора в руках бунтовщиков, – поправила я.

Я сама не поверила тому, что произошло, потому что в следующее мгновение руки Надаэра обняли меня. Легли на талию, рассылая по телу огонь. Заставили таять и растворяться в этой близости, такой непрощенной и такой желанной, и такой ненавистной сейчас.

– Пусти... – выдохнула я.

– Ты представить себе не можешь, как я скучал.

Я закрыла глаза, не зная, смогу ли его оттолкнуть. Разум упорно твердил, что это он во всём виноват. Что это он загнал нас в тупик. Что он использовал меня и напрочь про меня забыл, как только я вступила в брак...

А может это был вовсе и не разум... я не знала. Сдавленная обида в груди не давала дышать. А пальцы, опущенные на его запястье, чтобы убрать, замерли, когда ощутили шероховатую мягкость его кожи, холёной и обветренной в одно и то же время.

Только раз мне удалось ощутить эту близость до сих пор. Тот раз был недолгим и походил на сон. Я и сама не была уверена, что решилась на него – до сих пор.

Нет. До тех пор, пока не узнала, что натворила.

– Почему ты мне позволил? – прошептала я.

Князь молчал.

– Надаэр, не смей ничего от меня скрывать! Мы слишком далеко зашли, чтобы обманывать друг друга теперь.

– Я не знал... – тихо сказал он.

– А если бы знал? – в груди кольнула боль.

– Я бы не смог тебе помешать.

Я закрыла глаза и замолкла. Против воли откинулась на его грудь, потому что не могла избавиться от чувства, что он обнимает меня так в первый и последний раз.

– Господи, какая же я дура... Какой же дурак ты... Зачем ты отдал меня ему, Надаэр? Что ты этим хотел изменить?

– Ты знаешь, – глухо сказал он. – Я хотел спасти свой мир.

– Ты правда думал, что я проведу с ним ночь?

Надаэр долго молчал. А мне становилось всё горше с каждым мгновением.

– Я надеялся, – глухо ответил он.

– Надеялся... – шёпотом повторила я.

– И боялся, – признался он.

– Ты всё запутал, Nadaэр. Запутал так, что нам теперь не выпутаться, как бы мы не хотели. С чего ты вообще взял, что я должна стать его невестой?

– Ты сама выбрала его.

Я распахнула глаза и с удивлением посмотрела на него.

– Там, в подземном храме. Ты приняла решение сама.

Я рванулась, пытаюсь вывернуться из его рук, но не смогла. Секунду Nadaэр удерживал меня, а затем резко отпустил и отступил на шаг назад.

С неожиданной силой тело объял промозглый холод. Я была в эту секунду так одинока, как никогда за всю свою жизнь.

Обхватила себя руками и замерла, ссутулившись, глядя на него.

– Потому что тебе я не была нужна. Ты дал это понять.

Надаэр молчал. Стоял неподвижный в своём проклятом геройском плаще, и ветер трепал распущенные волосы. Не к месту проскользнула мысль о том, как они касались моего обнажённого плеча, когда той, единственной ночью, он нависал надо мной. Как его руки гладили мои бока.

Мне захотелось подойти и встряхнуть его, ударить, сделать что-то, чтобы отбить у него желание молчать.

– Нет, Nadaэр, – твёрдо сказала я. – Свой выбор сделал ты сам. Ты отказался от меня. Ты причинил мне такую боль, которой до тебя я вообще не знала. И зачем ты пришёл ко мне теперь? Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

– Что можно повернуть время вспять? – растерянность, звучавшая в его голосе, поразила меня. Она так не походила на всё, что я о нём знала...

– Нельзя, – отрезала я. Отвернулся и стараясь не оглядываться, пошла прочь.

Спиной я чувствовала устремлённый в меня взгляд, и от одного этого чувства сердце билось сильнее.

ГЛАВА 6

Дойти до дворца мне не дали. Стоило свернуть на другую аллею, как я увидела невдалеке угрюмый силуэт в чёрном плаще.

– Доран, – легко догадалась я и нехотя замедлила ход. Доран явно был из тех людей, которых на танке не обойдёшь.

– Яна.

– Королева Элирена, – напомнила я.

Доран промолчал. Только вышел на свет и взгляделся в моё лицо.

– Я рад, что ты оказалась достаточно разумна, Яна, чтобы не устраивать драм.

– Драм? – переспросила я. Мне захотелось броситься на него, но я сдержала себя. – Ты так легко говоришь о том, что произошло?

– Ты с самого начала знала, зачем тебя приглашают сюда. Соглашаясь на тот или иной договор нужно уметь отвечать за свои слова.

Я поморщилась.

– К чему эти поучения, если я давно уже выполнила то, чего вы от меня добивались?

– Ты знаешь к чему. Я просто пришёл сказать, что ты правильно поступила.

Я отвернулась и сжала зубы.

– Правильно, – тихо сказала я. – Это «правильно» завело нас на окраину Аркенора. Знаю, тебе всё равно, что чувствует Надаэр, что чувствую я... Но если мы всё равно оказались в изгнании... может, нужно было хотя бы дать нам шанс?

– Мне не всё равно, – жестко произнёс Доран. – Я плохо знаю тебя, но я знаю Надаэра и переживаю за него. Поэтому я с самого начала говорил вам обоим, что эта привязанность принесёт только боль. Что же касается того, в каком положении мы оказались – такова жизнь короля.

– Зачем поднимать эту тему сейчас? – я снова посмотрела на него, сиюсь прервать наконец этот неприятный разговор. – Всё решено.

Доран вздохнул и, отвернувшись, посмотрел вдаль.

– Потому что ничего не решено, – устало сказал он. – Нам нужно собраться вместе... Надаэру... Тебе... Может быть, Ренвилу... Тем, кому можно доверять. И обсудить всё ещё раз. Ситуация слишком запутана. Асмодей и Калерон не в состоянии разрешить конфликт. Именно в таком случае должны вмешиваться мы.

– Когда? – устало спросила я.

– На закате. Я соберу всех вон там, – он качнул головой в сторону беседки, тонущей в зелёной листве. – Приходи.

На том мы и разошлись.

Накануне Надаэр вскрыл замок в погреб и нашёл немного еды – в основном копчёное мясо, припрятанное прежними хозяевами на чёрный день.

Несмотря на эту находку, поместье по-прежнему оставляло чувство необитаемости, как будто здесь никто и никогда не жил.

Эта запущенность и царившая в саду тишина лишь дополняли и без того безрадостное состояние нашей компании беглецов.

Обед прошёл в молчании. Никто никому не смотрел в глаза. Я исподтишка оглядывала остальных, силясь понять, от кого может быть толк. Должны же у Калерона с Асмодеем быть какие-то союзники... Кто-то, кто мог бы нам помочь...

Увы, если таковые и были, никто не спешил о них говорить.

Я видела, что такие же взгляды бросает на соседей каждый из присутствующих за столом. Все выглядели угнетёнными – только выражения лица Асмодея не получалось разглядеть за шрамом. Я подумала, что этот рубец внезапно сослужил ему хорошую службу, став щитом от излишне любопытных взглядов. Впрочем, какое значение это имеет теперь?..

Нехотя мы стали разбредаться по комнатам, которые, похоже, всем успели надоесть.

– Здесь нету книг? – вяло поинтересовался Калерон.

Надаэр только покачал головой, и принц со вздохом пошёл прочь.

Я устроилась у окна и изо всех сил делала вид, что не замечаю его пристального взгляда, от которого по венам бежали то жар, то холод.

«Зачем?» – крутилось в голове. «Зачем ты снова пришёл ко мне теперь?»

Ответ я знала, но признавать не хотела. Без Надаэра все мы сейчас были бы в куда худшем положении, чем теперь.

Ловеин сидел у камина и выглядел старым, как никогда. Теперь уже я не знала, как могла перепутать его с Торваном – Торван был статен и широкоплеч, он создавал впечатление человека, который легко управится с двуручным мечом.

Ловеин сутулился и зябко потирал ладони друг о друга. И ничего не пытался предложить или изменить. Я задумалась, собирается ли Доран позвать на своё совещание и его?

Проскользнула глазами по перстам и остановила взгляд на Дайолене, стоявшем напротив другого окна. Губы его едва заметно шевелились, и, хорошенько прислушавшись, я поняла, что он поёт.

Не без труда я разобрала слова, которые уже слышала там, на церемонии отбора невест. «Две матери было у мира. Одна была Хаос, другая была огонь...»

Я встала, подошла вплотную к нему и губы Дайолена тут же перестали двигаться.

– Что это? – тихо спросила я. – Те слова, что только что срывались с твоих губ.

– Это Песнь, – нехотя ответил он. – Первая Песнь, прозвучавшая в Аркеноре.

– О чём она?

– О том, как Элайя спустилась в наш мир. О том, как подчинила Хаос и создала новую жизнь.

Дайолен помолчал, прежде чем продолжить.

– О том, как покинула его и как постепенно лето стало сменяться зимой. Пламя стало остывать.

Я молчала, ожидая продолжения.

– И о том, что однажды новая жизнь зажжёт новый огонь. Это молитва, – Дайолен посмотрел на меня так, как будто силился извиниться за собственную сентиментальность. – Молитва той, кто давно покинула наш мир. О том, чего никогда не произойдёт.

Он отвернулся от меня и пошёл к лестнице, ведущей наверх.

Я смотрела ему вслед и не могла отделаться от чувства, что это пророчество не сбылось по моей вине.

– Когда наступит тьма, когда зима поглотит мир. Последний луч потухнет, уступая мраку. Луч солнца осветит далёкий горизонт.

Я вздрогнула и обернулась к Ловеину, чей голос произнёс эти слова.

Ловеин не смотрел на меня.

– Почему вы потеряли веру? – спросила я.

Ловеин поднял усталый взгляд.

– Я её не терял, – равнодушно ответил он.

– Вы уверены, что пророчество сбудется?

Ловеин повёл плечом.

– Если и так? Что толку, если божественная сила охранит неспособных править королей?

Я нахмурилась и отвернулась от него.

– Но если пророчество не исполнится, то погибнет не только королевская семья, – после долгого молчания произнесла я и снова оглянулась на него в поисках совета, ответа на терзавший меня вопрос. – Погибнет и весь Аркенор?

Ловеин пожал плечами и снова уставился в огонь.

– Не понимаю вас... – растерянно произнесла я. – Вы ведь хотели возвести Калерона на престол. Что изменилось?

– Калерон стал бы не лучшим королём, чем Асмодей, – устало продолжил он, как будто бы обращался вовсе не ко мне. – Король, не способный и не желающий защитить своё право на трон никогда не сумеет быть королём. Извините, Ваше Величество, я хочу вздремнуть.

Он тоже встал и отправился на второй этаж.

Я оглядела оставшихся. Калерон, сидевший в своём углу, листал какую-то книжку в кожаном переплёте. Заметив мой взгляд, он на секунду поднял глаза и тут же снова отвёл, старательно делая вид, что увлечён чтением. Асмодей стоял у третьего окна и в печальной задумчивости смотрел на сад. Я не знала, к кому из них больше хочу подойти, и потому решила не подходить ни к кому.

Когда я вышла из дворца и направилась к беседке, о которой говорил Доран, солнечный свет, едва пробивавшийся сквозь пелену облаков, уже начинал гаснуть. Среди стройных беломраморных колонн

виднелись два силуэта, в которых без труда можно было узнать Дорана и Надаэра.

Когда я приблизилась, Надаэр не повернул головы. Его взгляд был устремлён на аллею, убегающую вдаль. Доран же кивнул мне и жестом пригласил войти под сень колонн.

– Думаю, кворум собран, – сказал он. – Если остальные не придут – это их право.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Кто будет ещё?

Доран не удостоил меня ответом и вместо этого произнёс:

– Я здесь, чтобы говорить от имени Ордена Теней.

Надаэр вскинулся и подарил ему мрачный взгляд.

– Я знаю, что доверие Торвана к тебе выше, Надаэр. Но ты – часть того мира, о котором идёт речь. И ты думаешь, как его часть. Я же думаю, как часть Ордена. Ордена, чей завет – не вмешиваться в чужие дела, но и не позволять людям и мирам губить себя. Орден дал Аркенору шанс. Дал его через тебя. Воплощение Элайи было доставлено ко двору. Оба принца имели возможность отсрочить или вовсе остановить неизбежное. Однако, никто из них ничего не предпринял. Никто из них не пытается изменить ситуацию и теперь.

– Они растеряны, – устало ответил Надаэр и потёр глаза. – Как и все мы... Никто не ожидал...

– Ерунда, – отрезал Доран. – Это знали все. Мы, Орден Теней, не пытались бы спасти королевский род, если бы был другой шанс оставить этому миру жизнь. Народ Аркенора вправе сам решать: как ему жить и кто будет править его землёй. Но народ Аркенора не знает и не хочет знать о том, что гибель наследников Элайи приведёт к гибели всего мира. Я считаю, одна из наших задач – попытаться донести это до них.

– Эта тайна всегда оставалась в пределах королевской семьи...

– Которая сейчас не способна спасти собственный мир.

– Не забывай, – вскинулся Надаэр. – Что ты сейчас говоришь и о моей семье. Ты попрекаешь не только принцев, но и меня.

– Я это помню, – Доран прищурился. – Именно поэтому прежде всего я хотел видеть здесь тебя. Если никто другой из королевской семьи не способен предпринять решительных шагов – это должен сделать ты.

Надаэр резко обернулся и с укором посмотрел на него.

– Ты знаешь, что я не хочу быть королём. И знаешь почему.

– Выбора нет, Надаэр. Уже не имеет значения, чего мы хотим. Для Аркенора это последний шанс. И глупость, которую вы сделали три недели назад, ещё один аргумент к тому, чтобы довести дело до конца.

Надаэр стиснул зубы и молчал. Я покраснела.

– Ты знаешь, – наконец сказал Надаэр.

– Не трудно сложить фрагменты мозаики. Не в наших правилах принуждать. И я лишь даю тебе шанс. Но это то, чего ты хотел. То, что ты начал сам. Так теперь иди и бери.

Надаэр перевёл взгляд на меня.

– Нам нужно переговорить... с королевой, – произнёс он.

Мне абсолютно не хотелось оставаться с ним наедине. Снова. Но я кивнула.

– Я надеюсь, речь пойдёт об Аркеноре и его судьбе, – заметил Доран, но направился к выходу из беседки. – Я прослежу, чтобы вам никто не попытался помешать.

Он ушёл, а мы с Надаэром замерли, глядя друг на друга.

У меня в горле стоял ком, который никак не удавалось проглотить. Я ждала, что Надаэр первым заговорит о том, что хотел обсудить, но он молчал.

– Я не хочу выходить за тебя замуж, – выдавила я. – Не хочу делать это только для того, чтобы спасти твой народ.

– Я никогда не стал бы тебя принуждать.

– О Господи! В который раз я слышу это от тебя и твоих друзей?

Надаэр отвернулся. Подошёл к скамье, опоясавшей беседку изнутри, и после долгой паузы произнёс:

– Яна, меньше всего я хотел бы впутывать тебя во всё это... сейчас. Ты хочешь решать за себя. Как и я. Как я не хочу быть королём, так и ты не хочешь быть королевой. Поверь мне, я свою свободу ценю ничуть не меньше, чем ты. И как и ты, я не знал, что собирается предложить Доран. Я не хочу лишать Асмодея власти. Я люблю его как брата. Я стану предателем, если попытаюсь объявить себя королём. И кроме того... я думаю, что-то, что предлагает Доран – нарушение всех

принципов Ордена. Всего, чему учил меня Торван. Но давай посмотрим на это с другой стороны... – он ненадолго замолк, видимо собираясь с мыслями. А может потому, что как и все мы, ничего другого предложить не мог.

– Асмодей и Калерон никогда носа не высывывали из своего мира. Может, Калерон и читал о том, как бывает в иных мирах... Но вряд ли он представлял, что что-то может по-настоящему измениться в Аркеноре.

– Он представлял, – перебила я Надаэра. И когда тот обернулся ко мне – вздохнула. – Представлял, – повторила я. – Он сразу мне сказал, что Асмодей не сможет удержать власть. Но я... – я кашлянула. – Я сделала этот выбор назло тебе. Вот и всё.

Надаэр помолчал.

– Я была не права, – тихо сказал он. – Этот выбор... не мог нам помочь. Мне следовало это знать.

Я помешкала, размышляя, стоит ли открываться до конца.

– Теперь Калерон предлагает мне наделить силой его.

Надаэр вскинулся и побледнел. Я думала, что почувствую удовлетворение, при виде боли на его лице – но этого не произошло.

– И ты хочешь...

– Я не могу. Если бы и хотела. Дайолен говорит, что это не сработает во второй раз.

Надаэр отвёл взгляд.

– Мы всё время говорим о том, что станет с нами. О том, чего мы хотим, и о том, чего не хотим. Но как ты сказал, нам стоит посмотреть на это с другой стороны. Как я понимаю, у вас нет военной силы, чтобы подавить восстание.

Надаэр качнул головой.

– У Ордена она есть, – уточнил он. – Но Орден никогда не вмешается напрямую.

– Значит, что бы мы не придумали и кого бы не решили сделать королём, нам нужно искать компромисс с бунтовщиками.

Нечитаемая боль отобразилась на лице Надаэра.

– Кто бы не стал королём, это не поможет, если мы не сможем убедить их, – повторила я. – Однажды их уже обманули, подсунув наследницу Элайи, которая ничего не могла поменять. Второй раз это не пройдёт.

Негромкий стук не дал Надаэру ответить. Мы оба обернулись на звук и увидели Дорана, стоящего в шаге от входа в беседку.

– Что вы решили? – спросил он.

– Что надо встретиться с бунтовщиками, – упрямо повторила я. – Чего бы мы не пытались добиться – иначе никак.

– Я согласен, – неожиданно легко ответил Доран. – И я знаю, кто из нас может это организовать.

Мы с Надаэром невольно переглянулись между собой.

– Не из вас, – поправился Доран. – Я имею в виду Ловейна. У него есть шпионы везде.

– Тогда почему он не остановил то, что произошло?! – не выдержала я.

– Хороший вопрос, – подтвердил Надаэр.

– И ответить на него сможет только сам кардинал.

– Доверять ему ещё большее безумие – чем доверять Калерону, – продолжил Надаэр. – А кроме того – он никогда не согласится на этот план. Он знает, что не сможет мной управлять.

– И тем не менее, выбора у нас нет. У Торвана в Алой Лиге контактов нет. А Асмодей и Калерон... Давай не будем снова поднимать этот вопрос.

Волхонский нехотя кивнул.

– Если это всё – то пусть будет так. О деталях договоримся потом, – улучив мгновение, вставила я. – Отпустите меня в дом, я хочу поспать.

Доран кивнул, и я двинулась прочь.

Уже поднявшись на второй этаж и открыв дверь своей спальни, я поняла, что за мной кто-то идёт. Замерла, прислушиваясь к неестественной тишине, воцарившейся в коридоре, а в следующее мгновение ощутила толчок в плечо.

Тихо вскрикнула, но тут же горячая сухая ладонь накрыла мне рот. Я оказалась прижата спиной к стене своей спальни, а дверь захлопнулась сама собой.

Обезумевшие, огромные глаза Надаэра смотрели на меня.

Я осторожно взяла его за пальцы и убрала руку от своего лица. Мы стояли молча. Каждый не знал, что сказать.

– Яна, – наконец тихо произнёс он, и в голосе его мне послышалось знакомое рокотание водопада, от которого мурашки бежали по телу. От Надаэра исходил терпкий аромат дублёной кожи и свежей листвы. Этот запах пьянил, также как тепло его горячего тела, прижатого к моему. Я чувствовала каждый изгиб. Чувствовала, что Надаэр так же возбуждён. Хотела спросить, какого чёрта он творит, и не могла. Его губы медленно опустились к моим, и я перестала дышать. Полностью утонула в чарующих, нежных и яростных движениях его языка. Никто и никогда не целовал меня так. Никого и никогда не целовала так я. Только однажды, в ту безумную ночь, которая теперь всех нас загнала в тупик.

– Мне плевать на силу, – прошептала он, отрываясь от моих губ. – Мне нужна ты. Только ты. Я бы забрал тебя с собой и увёз отсюда на другой край света, если бы только мог.

– Если бы только мог... – устало повторила я и отодвинула его от себя. – Но ты не можешь. Потому что больше всего на свете ты любишь Аркенор. Надаэр, пожалуйста, оставь меня одну. Я действительно хочу спать.

Князь на мгновение прикрыл глаза, а потом одним шагом преодолел расстояние до двери и вышел в коридор.

ГЛАВА 7

Наутро я, позёывая, спустилась вниз. Доран тут же отвёл меня в сторону и сказал:

– Ловейн согласен. Ты готова?

– Я? – я невольно перевела взгляд на кардинала, сидевшего перед камином и потягивавшего из кружки бодрящий напиток. Он ответил спокойным взглядом и кивком.

Мне тут же стало страшно.

– Почему я?

– Ты – наследница Элайи. Если и есть возможность убедить в чём-то наших противников, то это сможешь сделать только ты.

– Доран, мне кажется им вообще всё равно, кто здесь потомок Элайи, а кто нет. Асмодей хорошо ладит с людьми, мы могли бы попросить его...

Доран смотрел на меня с укором и замолк.

– Когда придёт ответ от союзников Ловейна, я перемещу всех участников переговоров на нейтральную территорию. К этому времени будь готова.

– Что значит – готова?

– Я бы на твоём месте проверил заклатья, привязанные к арраку, подготовил туннель для отступления и повторил всё, что знаю о законах, обрядах и религии мира, где предстоит работать. Но поскольку у тебя нет аррака, ты не умеешь готовить заклатья и, похоже, мало что знаешь об обрядах Аркенора – решай сама.

Доран со свойственным ему безразличием оставил меня одну.

Я растерянно оглядывалась по сторонам.

Он был не совсем прав. Аррак у меня всё-таки был, только не было уверенности, что я разберусь, как его использовать за оставшиеся... сколько? День? Несколько часов? Я нащупала его в кармане и отыскала глазами Дорана. Тот стоял у окна, потягивая кофе, как и все.

Сделав глубокий вдох, я направилась к нему. Однако преодолеть и половины комнаты не успела.

Наадаэр стоял неподвижно, глядя на меня заледенелым взглядом. Зато Асмодей заступил дорогу и окликнул:

– Элирена! Нам нужно поговорить!

Я нехотя перевела на него взгляд.

– Конечно, – устало сказала я. Сказал ли ему Доран о своей идее?

Вряд ли.

Следуя за законным супругом в сторону бильярдной комнаты, я чувствовала себя предательницей.

Напоминала себе о том, что вовсе не выбирала его в женихи. Но тут же вспоминала – что всё-таки выбирала. Не стоило играть с доверием Асмодея только потому, что хотелось позлить Надаэра. «А они разве не так обошлись со мной?» – тут же проплывало в голове.

От всех этих мыслей начинали ныть виски. А мы тем временем вошли в бильярдную и остановились по разные стороны стола.

Асмодей молчал, комкая в пальцах кружевной платок.

– Я не буду предлагать тебе поделиться силой... Можешь оставаться верховной королевой, – произнес он.

Я не шевельнулась.

– Я только хотел спросить... О чём ты собираешься с ними говорить?

Я вскинулась.

– Видел, как Его Преосвященство говорит по арраку, – Асмодей нервно усмехнулся. – И понял с кем. Жаль, что ты не сказала мне, но, Элирена... Яна... – он подался вперёд, и я тут же отошёл чуть в сторону, избегая прикосновений. – Ты же должна понимать, что в Аркеноре ты чужая. Возможно, престолюдины и обрадуются тебе. Но без меня тебя не примут при дворе.

Я оглянулась на дверь, за которой обосновался наш весёлый «двор».

– Я тебя не понимаю, – честно призналась я.

– Я ничего не буду требовать. Но хотел бы, чтобы традиции остались неизменны. Мать завещала престол мне. Если этот обычай будет нарушен сейчас... То и будущее твоих детей окажется под угрозой.

Из всего сказанного я поняла одно: Асмодей изо всех сил пытается сохранить остатки того, что вот-вот должен потерять.

– Асмодей, я сделаю всё возможное, чтобы ты не пострадал. А сейчас, если честно, у меня нет никакого желания делить престол, который у нас вот-вот отберут. Нужно собраться с мыслями и подумать, о чём действительно с ними говорить. Если не хочешь мне помочь – то хотя бы не мешай.

Я отвернулась и, спиной чувствуя его пожирающий взгляд, двинулась назад в направлении гостиной.

– Готово, – тут же сообщил Ловеин, стоило мне войти.

– Уже?..

– Нас ждут на Сал-Верейн.

Я склонила голову, ожидая пояснений, но не успела получить их, потому что в залу, плечом к плечу, спустились Доран и Надаэр.

– Тогда идём, – сказал князь и, воздев руку, открыл проход.

Доран шагнул первым, за ним Ловеин. Следом я. Очевидно, Волхонский как всегда должен был закрывать путь, но в последнее мгновение, перед тем как вспышка серого света погасла и я поняла, куда попала, раздался вскрик, и я увидела, как из разрыва реальности выскакивает Асмодей. Он подвернул ногу и едва удержался от того, чтобы не упасть.

– Мы так не договаривались! – прошипел Ловеин. – Он всё испортит!

Доран потянулся к мечу. Он явно был согласен с кардиналом.

– Уймитесь! – я поспешно заслонила супруга спиной. – Он уже здесь. И он знает об обычаях Аркенора куда больше меня.

– Наши визави откажутся с ним говорить, стоит им только узнать, что он здесь! – Ловеин, похоже, искренне верил собственным словам, но звонкий голос его перебил.

– Не откажемся. Мы готовы выслушать каждого. Даже его. Хотя и не думаем, что ему есть, что нам сказать.

Я обернулась на звук и увидела в паре шагов от себя ту самую русоволосую девушку, которая вместе со мной проходила отбор.

Место, куда мы попали, оказалось лабиринтом пещер, из которых сразу несколько выходов вели на горное плато.

Представители «Алой Лиги» успели добраться сюда быстрее нас – хоть и ненамного. И я видела, что Надаэр с Асмодеем немало обеспокоены этим.

– Откуда у них вообще Владетели пространства? – полушёпотом спрашивал Асмодей, но ответа ему никто дать не мог.

Зато другая сторона не проявляла враждебности, по крайней мере открытой, и русоволосая мадемуазель, которую, как оказалось, звали Пьетта, попросила своих до зубов вооружённых спутников помочь нам обустроить лагерь.

Похоже, она не слишком спешила. Не спешили и мы.

Покуда бунтовщики устанавливали шатры, а Асмодей нервно расхаживал по плато туда-сюда, я осматривала чудесные виды, открывавшиеся с гор на все четыре стороны.

Наконец всё было готово. Для нас и соратников Пьетты накрыли низкий походный стол из дуба, на котором оказались сухое вино, фрукты и хлеб. После пары дней бегства мы с Асмодеем были весьма не прочь перекусить. Надаэр и Доран остались неподвижно стоять у нас за спиной. Я всё пыталась поймать момент, чтобы обменяться с Надаэром парой слов. Он вёл себя так, что я не могла понять, в силе ли наш уговор. Асмодей, напротив, чувствовал себя королём. Он поддерживал светскую беседу и не замечал, что Пьетта то и дело бросает пристальные взгляды на меня. Я же, наоборот, молчала. Потому что не умею вести светских бесед и потому, что ничего не знаю о том, что принято обсуждать в Аркеноре за столом. То время, что я провела во дворце, ничему не успело меня научить.

Обед подошёл к концу и, обменявшись первыми любезностями, стороны разошлись по своим половинам плато.

Ко мне подошёл Ловеин.

– Имейте в виду, если они и верили в дух Элайи, благословивший Вас – то теперь им всё равно.

– Я догадалась, – буркнула я и перевела взгляд на непрошенного собеседника. – Ваше Преосвященство, если у вас были люди в стане врага, почему вы не предотвратили нападение на дворец.

– А я не пытался? – он приподнял свои полукруглые идеально ровные брови. Мало похожие на кустистые и густые брови Торвана.

– Не знаю, что вы делали до того, как появилась я. Но после свадьбы вы не предприняли ни единой попытки со мной поговорить.

Ловеин пожал плечами и сделал вид, что любит вид голубоватых гор вдали.

– Во-первых, у меня не было никаких оснований полагать, что вы смышлёней, чем Асмодей. Вы марионетка, Элирена. Не стоит обижаться, это очевидный факт. И я знаю, кто вас прислал. И никогда не позволю ему править на моей земле.

Он отвернулся и, не позволив мне спросить более ничего, двинулся прочь.

Надаэр

С самого перехода я с трудом справлялся с собой. События последних дней – начиная с непрошенной встречи, которой я всеми силами хотел бы избежать, и заканчивая поцелуем, который случился вчера – едва не свели меня с ума.

Я сам понимал насколько безумно то, что я затеваю. И насколько безумно то, что я позволяю затевать Дорану. Но мысль о том, что я мог бы вернуть Элирену, не давала мне покоя, и сердце требовало рискнуть.

– Не смотри на неё так, – голос Дорана прозвучал над самым ухом, и я, вздрогнув, отвела взгляд. Но стройная фигурка в дорожном костюме, замершая у края плато, намертво отпечаталась у меня в глазах. Руки чувствовали мягкое тепло её тела. Шея ощущала жар её дыхания.

Когда позавчера, растерянная и одинокая, она стояла в кругу моих рук, я и не думал, что могу быть так счастлив.

– Почему нет? – поинтересовался я. – Если мы сделаем то, что ты задумал...

– Если мы собираемся это сделать, тебе не следовало брать Асмодея с собой.

Я поджал губы и молчал. Бесплезно конечно объяснять, что я его не брал. Но обсуждать Асмодея с Дораном я не хотел.

Из-за Дорана я не заметил, что Элирена приближается ко мне. Не успел отойти.

Её тонкие пальцы вцепились в моё запястье, и взгляд красноречиво предложил Дорану скрыться с глаз.

– Хотела спросить, – Элирена приблизилась и встала рядом со мной так, чтобы никто не мог ни расслышать, ни рассмотреть, о чём мы говорим. – Вы так много говорите об этой силе... Силе Элайи... Она ничем не может нам помочь?

– Может, – только успел ответить я, когда над плато разнёсся голос одного из предводителей восставших.

– Вы пришли расслабляться или говорить о деле?

И все потянулись к переговорному столу.

На этот раз обсуждение длилось куда дольше, чем в прошлый раз. Снова по большей части говорил Асмодей. Он хотел вернуться во дворец и обещал почти никого не казнить.

Пьетта в ответ высказала свои требования: она готов была сохранить принцам жизнь в случае, если они официально отрекутся от претензий на трон и навсегда покинут Аркенор. Гуманно, если не считать того, что Асмодей никогда бы на это не пошёл. Я видел по его глазам, что он скорее умрёт, чем уступит престол.

Доран косился на меня так, как будто я должен перебить короля, но я молчал, зная, что Асмодей куда лучше сплетает слова.

Яна тоже молчала.

Я невольно поймал себя на бессильной надежде, что она перехватит нить разговора. Но Яна даже не пыталась. Хотя я видел, что Ловеин косится на неё так же, как Доран на меня.

Ловеин... Вопрос о том, почему он помогает нам, не оставлял меня в покое. Но сколько не старался, разобраться в его мотивах я не мог. Сколько себя помню, этот человек только плёл интриги и завоёвывал власть. Что же изменилось теперь?

Увлёкшись размышлениями, я перестал следить за разговором и выплыл из задумчивости только когда услышал слова Асмодеев:

– Вы же понимаете, что не сможете существовать без короля.

На лице Пьетты отразилась такая злость, что мне показалось, она вот-вот-вот выстрелит Асмодеев в голову. Она приподнялась, наклонилась над столом для ответа и в это мгновение ладонь Элирены накрыла её руку.

– Спокойно, – ровным голосом сказала та.

Пьетта медленно повернула голову к ней, и я видел, как с каждым мгновением светлеет её лицо.

– Нам всем нужно отдохнуть, – продолжила Элирена.

– Да, – согласилась Пьетта и отодвинулась на свою сторону стола.

Один за другим переговорщики стали подниматься из-за стола. Я поспешно отошёл подальше, к краю плато, когда завидел, что Яна движется ко мне.

Её обеспокоенное лицо стремительно меняло выражение.

– Ты долго будешь меня избегать? – процедила она.

Я бросил быстрый взгляд на Асмодея. Поджал губы и, ничего не ответив, отошёл ещё.

Яна

Я его не понимала. Абсолютно не понимала. То он приходит ко мне в спальню, то обнимает меня, как будто ничего не произошло... То смотрит вот так, как будто между нами стена.

Я хотела продолжить тот разговор, который мы начали с час назад. Хотела понять, что произошло только что. Показалось ли мне, что моё прикосновение так изменило настрой Пьетты, или это действительно произошло?

Но всё желание обсуждать дела мгновенно пропало, когда я поймала холодный взгляд серых глаз князя.

Отвернулась и двинулась прочь к своей палатке.

Ночь здесь, в горах, была куда холоднее, чем в усадьбе неизвестной мне дамы. Я невольно ловила себя на мысли, что хотела бы снова вернуться туда. Даже запущенным и забытым тот дом казался мне куда уютнее дворца.

К счастью, ни Асмодей, ни Ловеин, ни кто-либо ещё не пытались тревожить мой покой.

А наутро опять начались переговоры. На дубовом столе для нас поставили хлеб и молоко. На сей раз Ловеин не дал Асмодею толком заговорить.

Если Асмодей накануне взывал к вековым традициям, к порядку, который столетиями дарила Аркенору воля короля, то Ловеин заговорил о божественной воле Элайи.

Я слушала его. Думала о том, как всё это красиво... Как я хотела бы жить в мире, где всё это было бы правдой... И о том, как всё это глупо звучит.

На обед было решено сделать перерыв. По-моему, их попросту утомят Ловейн.

Мы снова разошлись по своим лагерям.

Один из помощников Пьетты принёс мне кусок солонины и кружку горячего вина – очень кстати, учитывая пронизывающий ветер, дувший всё утро.

Выпив и съев свою порцию, я заметила, что Надаэр движется ко мне. Меня снова одолела злость. Я поспешно отвернулась и направилась к мальчику, который принёс мне обед – чтобы вернуть кружку и обойти стороной абсолютно ненужный мне разговор.

Было страшно. Я не знала, что делать. Чувствовала себя так, как будто забрела абсолютно в чужие места, где не понимаю ровным счётом ничего. Все на меня смотрят и чего-то ждут, а я не знаю, что.

Я никогда не вела переговоров. И королевой не была никогда. Я про них читала – не более того. Но всё, что писали в книжках, явно не могло помочь – за два прошедших дня это наглядно продемонстрировали Ловейн и Асмодей. Я уже начинала жалеть, что остальные наши спутники не отправились с нами. Быть может, кто-то из них нашёл бы правильные слова...

После обеда мы вернулись за стол. Пьетта продолжала стоять на своём. Она слушала нас вежливо, но я видела, что все аргументы Асмодея и Ловейна лишь злят её или заставляют скучать.

На сей раз отодвинув Ловейна, слово взял Доран. Он пытался говорить от имени Ордена, ссылаясь на то, что хотел бы видеть Аркенор мирным. Напоминал, что Кархерод не упустит случая воспользоваться нашей междоусобицей.

Мне показалось, что Пьетта готова прислушаться, но один из её ближайших соратников – юноша с такими же бесцветными волосами, только подстриженными под горшок – наклонился к её плечу и что-то зашептал.

Выражение лица Пьетты мгновенно сменилось с понимающего на отстранённое, и стало ясно, что новый раунд переговоров закончится ничем.

– Послушайте, – перебила я Дорана на полуслове. – С того момента, как мы покинули дворец, я всё пытаюсь понять, что изменилось за эти три недели?

Пьетта перевела взгляд на меня. Особого интереса на её лице я не увидела – только усталость.

– Ведь я же видела вас на церемонии отбора невест, – продолжила я. – Мне кажется, вы даже пытались уберечь меня от встречи с Калероном. Вы позволили мне занять престол. Видимо то, о чём говорил Ловеин – всё же не пустые слова для вас. Но что изменилось потом?

Пьетта молчала, задумчиво и напряжённо глядя на меня.

– А что ты сделала, чтобы оправдать наши ожидания? – наконец ответил за неё тот, стриженный под горшок.

– Это не ответ, – я перевела взгляд с Пьетты на её союзника. – Скажите, какие ожидания я должна была оправдать? Не надо рассказывать мне про Элайю, я всё это слышала и не раз. Вы настаиваете на том, чтобы все мы навсегда покинули Акренор. Но разве это поможет вам решить те проблемы, которые толкнули вас на восстание? Скажите, чего вы хотите? Что, если я смогу помочь? Ведь за этим мы пришли сюда. Чтобы договориться. Вы слушаете нас, но не слышите.

– Хватит, – перебила меня Пьетта. – Солнце садится. Полагаю, всем нам пора отдохнуть и подумать.

Я вздохнула. Пьетта встала из-за стола первой. Я следом за ней.

Не глядя ни на кого, я направилась к своей палатке. Краем глаза заметила, что Надаэр смотрит на меня. Возможно, он хотел подойти. А может быть, нет. На всякий случай я жестом показала ему, что хочу остаться одна.

У меня уже не было сил думать о том, что мы заварили. О тех ошибках, которые совершили. Оставалось отодвинуть их в сторону и двигаться вперёд.

ГЛАВА 8

Ночь была холодной.

Я вертелась с боку на бок, прислушиваясь к завываниям ветра, и больше всего жалела, что Надаэра нет со мной. Что я упёрлась как... обидевшись на его холодность, и так и не поговорила с ним последний раз перед сном.

Мысли о восставших в голове не держались.

Вместо этого в сознание постоянно возвращались его руки и его лицо, и от этих образов я казалась себе ещё более одинокой, чем была наяву.

Около полуночи я не выдержала и, закутавшись в плащ, выбралась из шатра. В кристально чистом небе ярко сиял молочно-белый диск луны. Было так тихо, что перестань дышать – и услышишь, как стучит твоё собственное сердце.

Я отошла к краю плато и забравшись под рубашку, выудила аррак. Замерла, разглядывая его. Как им пользоваться я не знала. Всё то время, что я провела во дворце с Асмодеем, амулет служил мне напоминанием о Надаэре.

Когда мы ступили в последний разлом, при мне не было ни мушкета, ни шпаги. Честно говоря, я так толком и не научилась с ними обращаться.

У меня вроде бы был какой-то дар – но за всё прошедшее время никто не удосужился объяснить, в чём он заключается и как им управлять.

Минуту назад я достала аррак просто потому, что не хотела быть одна. Хотела коснуться если не Надаэра, то хотя бы вещи, которую он держал в руках.

Однако теперь, глядя на загадочный кругляшок, я поглаживала его испещрённую инкрустациями поверхность и думала о том, что это ещё и оружие.

Доран сказал, что к арраку можно привязывать заклятья. Возможно, я смогу воспользоваться теми, что привязал Надаэр?

Я осторожно провела пальцем по острой грани амулета и вздрогнула, когда прикосновение к небольшой выщербинке заставило

крышку отскочить.

Однако то, что находилось внутри, ни о чём мне не говорило. Аррак походил на карманные часы, только вместо циферблата было бесцветное матовое стекло, под которым клубилась серая мгла.

Надаэр с самого заката не сомкнул глаз.

Они с Дораном без помощи бунтовщиков поставили шатёр – один на двоих. Но с самого момента, когда голова его коснулась шерстяной подстилки, Надаэр чувствовал, что ему тесно здесь. Присутствие друга душило его. Он хотел вырваться, уйти – сам не знал куда. Но не мог, потому что понимал, что не имеет права ошибиться в третий раз.

Однажды его слабость, его отчаяние уже привели к тому, что погибла женщина, которой он дорожил. Тогда он тоже хотел уйти – и ушёл. Не думая о тех, кто остался во дворце.

Второй раз он оставил Элирену без защиты – и вот к чему это привело теперь.

– Спи... – слышался мрачный голос Дорана в темноте.

– Не могу, – отозвался Надаэр и сел.

– Надеюсь, ты изо всех сил пытаешься придумать план? – Доран открыл один глаз.

– Нет, – отрезал Надаэр и опустив подбородок на колени, уставился перед собой.

– Сейчас самое главное – убедить Пьетту в том, что мы можем восстановить порядок. Любые другие проблемы можно решить потом.

Надаэр медленно повернул голову к нему.

– Доран, а тебе самому не приходило в голову, что мы думаем не о том?

Доран в недоумении смотрел на него.

– Должны убедить, разберёмся потом... Бесконечные разговоры о долге и ничего о том, зачем нам нужен этот долг. Когда я пришёл к Торвану, я думал, он лучше Ловейна. Потому что Ловейн только и делает, что говорит прихожанам о долге. Человек ничего не значит для него. Только цель. А у нас и цели то нет... А долг всё равно есть. Если хочешь знать, чем дальше, тем меньше меня интересует, чем кончит этот проклятый Аркенор. Если стоять на своих вековых традициях, не думая о людях, его выбор – пусть будет так. Если его выбор – восстать

и смести тех, кто даёт Аркенору жить, то давай дадим им право выбирать? Разве не в этом наш девиз? Воля решает всё.

Надаэр качнул головой.

– Можешь не отвечать. Я для себя уже всё решил. И действительно – давай спать.

Сколько ни старалась, я не могла понять, как пользоваться предметом, который держала в руках. Крутила его так и так. Пробовала касаться пальцами стекла и искала с боков спрятанные рычажки... ничего.

Наконец я закрыла глаза, собираясь с мыслями. И, напротив, отпуская их. Попыталась вспомнить, что делали персты, когда использовали его. Ничего... По крайней мере, ничего, что я смогла бы разглядеть. Значит, без чужой помощи мне его не открыть.

Вот бы всё было просто как в сказках – захотел – и получил.

– Мы уже говорили об этом, – раздался голос Пьетты. Так близко, что я вздрогнула. Открыла глаза и увидела, что серая мгла под стеклом сменилась изображением двух людей. Изображением ли? Хотя картинка была совсем маленькой, она как будто затягивала в себя. Стоило сосредоточиться на ней, как казалось, что ты сам находишься там в палатке бунтовщиков.

Пьетта нервно расхаживала по шатру из конца в конец.

Мало того, что троица вельмож, с которыми ей пришлось разговаривать в последние дни, истончила её терпение до предела, так теперь ещё Эрик, который мало чем отличался от них, требовал своё.

Пьетта не была аристократкой. Она владела шоколадницей на одной из центральных улиц Пандемониума и больше всего хотела, чтобы на этой улице всегда было спокойно. Гуляло много радостных и довольных жизнью людей, которые бы охотно покупали у неё шоколад.

Увы, она слишком хорошо понимала, что безвластие, гражданская война, а затем неумелый и самовлюблённый король довели город – и

королевство, но за него Пьетта волновался куда меньше – до такого отчаяния, что о шоколаде и речи быть не могло.

Пьетта, возможно, не взялась бы за это сомнительное мероприятие и не вступила в Алую Лигу, если бы однажды, около года назад, Эрик из Кархерода не подвернулся ей на пути. Тогда Пьетта ещё не знала, откуда Эрик родом. Да и вообще мало что знала. Но всё, что она делала, она привыкла делать хорошо.

Чего хотел Эрик, Пьетта не понимала. То есть нетрудно было догадаться, что кархеродец имеет свой экономический интерес. (Пьетта вообще была склонна во всём, что случалось, видеть чей-то экономический интерес. Именно поэтому ей особенно трудно давался разговор с такими как Асмодей и Ловеин).

– Они пытаются тебя умаслить, – упрямо говорил Эрик в третий раз за ночь. – Предлагают компромисс, но неужели ты поведёшься на это ещё раз? Вспомни, однажды у тебя уже была возможность убить их всех. А ты вместо этого поверила в этот балаган с наследницей Элайи и её светоносной судьбой.

Эрик с каждым словом раздражал Пьетту всё сильнее.

– Логика в твоих словах есть. Но насколько эта логика направлена на то, чтобы помочь нам? А насколько на то, чтобы реализовать интерес, который преследует Кархерод?

Пьетта действительно не хотела никого убивать. Ни тогда, во время Отбора, когда принцы, Ловеин и все остальные претендентки оказались в её руках. Ни теперь, когда вся компания аристократов оказалась вовсе в бегах.

Но Пьетта понимала, что если она согласится смягчить позицию, а Асмодей и свита действительно решат её предать – без оружия, которое поставлял Кархерод, ей никак не обойтись.

– Нет места компромиссам, – упрямо повторил Эрик в который раз. – Ты слишком мягка, Пьетта. Мы должны убить их. Прямо здесь. Пока они полностью в наших руках.

Я торопливо захлопнула аррак и уставилась перед собой.

«Что делать?» – вертелось в голове.

Первой мыслью было пойти и рассказать обо всём Надаэру. Я уже сделала несколько шагов по направлению к его шатру – и замерла,

вспомнив, как вечером они вдвоём с Дораном устанавливали шатёр.

Если я ещё могла переступить через гордость и довериться Надаэру, то о том, чтобы делиться с Дораном и речи быть не могло. Мне абсолютно не нравился этот жёсткий и расчетливый человек. И какие основания у меня были доверять ему? Какие основания думать, что он, как и Эрик, не преследует собственный интерес?

– Тоже не можете уснуть? – послышался мягкий голос Ловейна в паре шагов от меня.

Я вздрогнула. Прижала к груди аррак и торопливо спрятала в складки рубашки.

– Не могу, – призналась я. Сердце бешено стучало. Ловейн наверняка мог помочь. Но зачем? Какой интерес у него? Я так и не поняла этого до конца. Я всё же решилась. – Ваше Преосвященство, разрешите задать вам вопрос?

Ловейн кивнул. Он подошёл к обрыву и тоже остановился возле него.

– С кем вы договаривались о том, чтобы организовать эту встречу?

Задавая вопрос я надеялась, что соглядатай Ловейна в лагере мятежников сможет помочь нам ещё раз. Сможет повлиять на Пьетту или сделать что-то ещё, чтобы предотвратить зревший в голове Эрика план.

Ловейн колебался несколько секунд, а потом его лицо смягчилось и сделалось совсем усталым.

– Его зовут Эрик, – сказал он. – Думаю, теперь уже можно не скрывать. А что?

Я только и смогла что качнуть головой.

– Спокойной ночи, кардинал, – я вежливо поклонилась и направилась в свой шатёр.

Утро встретило нас промозглым дождём. Пришлось установить тенты над столом. Все, даже те, кто привык к непогоде, зябко кутались в плащи.

Переговоры задерживались, и пока устанавливали стол, я снова поймала взглядом Надаэра. На сей раз мне нужно было с ним поговорить, и я не собиралась отступать.

Я шагнула к нему и почти что сразу же напоролась на пристальный взгляд. Затылком я чувствовала, что за мной следит кто-то ещё, но лишь повела плечом, отгоняя дурное предчувствие.

– Надаэр, – окликнула я. – Мы больше не можем друг друга избегать.

– Прости, – почти что одновременно со мной сказал он. Бросил быстрый взгляд куда-то вбок, но я оборачиваться не стала. Князь взял мои руки в свои и крепко сжал. – Прости, что втянул тебя в это всё. Прости, что вёл себя как идиот. Ты не представляешь, как я хочу сейчас, чтобы с тобой всё было хорошо. Всё, что для меня важно теперь – это ты.

Я замешкалась, потому что хотела говорить о другом. Но от этих слов на глаза навернулись слёзы, и я, не удержавшись, произнесла:

– Ты тоже меня прости. И прости, что я не смогу выполнить твою первую просьбу. Я не смогу царствовать вместе с Асмодеем. Если я и останусь в Аркеноре после всего этого, то только с тобой.

Надаэр шагнул ко мне и крепко обнял. На сей раз совсем не так, как тогда в парке. В его объятиях не было ни жара, ни желания, только тепло и любовь. Я чувствовала её, хотя Надаэр и не говорил о ней вслух.

– А теперь... – тихо сказала я, и в это мгновение оклик Пьетты потребовал всех к столу.

Я отстранилась и, направляясь к нашей импровизированной переговорной, заметила, кто смотрел на меня всё это время – Асмодей.

Когда мы снова стали садиться за стол, Волхонский решительно отодвинул Асмодея и Ловейна, направившихся к одному из двух стульев. Моё место не оспаривал никто – видимо потому, что я молчала и не мешала им молоть чушь.

Теперь, когда рядом со мной, плечом к плечу, за столом оказался Надаэр, я ощутила себя неожиданно спокойно – хотя и плохо представляла, что он собирается сказать. Хотя и знала, что нас собираются убить.

Предоставив ему вести разговор, я полностью погрузилась в изучение артефакта, который всё ещё носила с собой.

Надаэр

Девушка, сидевший передо мной, вызывал у меня противоречивые чувства. Сегодня, на третий день, она стала более разговорчива, чем в прошедшие два.

Сама мысль о том, чтобы свергнуть короля, была неприемлема для меня.

И в то же время, к своему ужасу я обнаружил, что понимаю её.

– Мне всё равно потомки Элайи правят или нет, – говорила она. – Я хочу, чтобы в Пандемониуме царил порядок. И хочу, чтобы люди жили достаточно хорошо. За прошедший год сборщики налогов приходили в два раза чаще, чем всегда. Мы заплатили двойной налог: один – в казну Асмодея, другой – в казну Калерона. И что теперь? Вместо того, чтобы дать нам спокойно жить, Асмодей объявляет, что нужно ещё ненадолго затянуть пояса.

– Но в казне нет денег, – я покосился на Асмодея. Честно говоря, у меня проскользнуло сомнение в том, что я говорю. – После гражданской войны мы так же истощены, как и вы.

– Кто это – вы? Принцы и князья.

Я не сдержал усмешки.

– В моём поместье в этом году налог не собирался вообще. Мне было просто не до того. И я, князь Волхонский, не унижусь до того, чтобы просить у вас денег. Но вы должны войти в положение...

– Мы всё время вам что-то должны... Вы говорите, что без королевского рода нет Аркенора – но что может без нас королевский род?

Я потёр висок.

– Вы хотите, чтобы Асмодей отменил двойной налог? – вмешалась Элирена.

– Мы ставим об этом вопрос с момента коронации! – не сдержалась Пьетта.

Теперь на Асмодея покосилась и Яна.

– Я его отменяю, – твёрдо сказала она.

Наступила тишина.

– Ваше Величество... – прошептал Ловеин, но Яна знаком показала ему молчать.

– Я его отменяю. Дайте бумагу – я подпишу. Что теперь?

Секунду Пьетта колебалась, а затем приказала:

– Подайте бумагу.

За её спиной произошло шевеление. Пьетта не обернулась.

Мы с Яной тоже сидели, не отрывая глаз от неё. До тех пор, пока сухой хлопок выстрела не заставил меня вскочить на ноги.

Инстинктивно я бросился на Яну, роняя её под стол, и в тот момент, когда прозвучал удивлённый вскрик Асмодея, мы оба уже лежали на земле.

Чья-то рука рывком перевернула стол.

Я не видел перед собой ничего, кроме расширившихся от страха огромных зрачков Яны, когда рядом передёрнули затвор и раздался ещё один хлопок.

Едва успел повернуть голову и увидел, что пуля летит мне в лицо.

Эрик потратил на эту операцию год.

Каждый день в столь ненавистном ему мире он отмечал галочкой в календаре и ждал, ждал, когда поручение герцога Арденского наконец подойдёт к концу.

А время всё тянулось медленно, как течёт вода в болотистой реке.

И с каждым днём Эрик ненавидел всех, кто окружал его, только сильнее.

Он разработал отличный план и нашёл хорошего исполнителя. Пьетта Лефон была фанатично предана своему городу. Она готова была на всё. Но даже несмотря на это, Эрику пришлось потратить немало сил, чтобы уговорить её устроить теракт.

Во время церемонии Отбора Пьетта должна была взорвать храм. Эрик сказал ей, что Пьетта легко выберется через запасной ход.

Никакого хода не было. Но это не имело значения – после гибели королевской семьи Аркенор всё равно должен был погибнуть.

Взрыв уничтожил бы не только принцев, но и сам источник силы, на котором держалась в этом мире жизнь.

А Аркенор был вкусным куском. Герцог Арденский давно это знал. Он тоже находился в родстве с королевской семьёй Пандемониума – очень дальнем родстве. Насколько знал Эрик, герцог

давно уже просчитал всё, собрал документы, чтобы объявить эту землю своей.

Эрику было всё равно. Он зависел от герцога. У него был очень старый долг. И герцога он ненавидел так же сильно, как и всех, кого встретил здесь.

Он сам вошёл бы в храм и взорвал его – если бы мог. Но он не мог.

А Пьетта так и не выполнила уговор.

Теперь, когда Пьетта приказала принести бумагу, Эрик понял, что та предаст его ещё раз. Пьетте было наплевать на любые обещания. Она думала только о цели. И только о своей.

«Какой к чёрту налог?» – крутилось в голове у Эрика бесконечно долгую секунду, прежде чем он вырвал мушкет и дал первый залп.

Асмодей с пронзительным вскриком осел на землю, и на мгновение Эрику стало легче. Но оставались ещё двое. Двое тех, кто принадлежал к королевской семье. И он стремительно перезарядил мушкет.

Последнего, Калерона, он убьет как-нибудь потом.

Главное успеть.

ГЛАВА 9

Краем глаза я успел заметить, как Доран бросается в атаку. Слишком поздно – пуля уже покинула ствол.

Я смотрел, как она мучительно медленно приближается ко мне и радовался только тому, что умру так, как нужно. Укрыв Яну собой.

А потом маленький кусочек свинца ударился о воздух и отскочил.

Серые трещинки молниями разбегались в сторону от той точки, через которую пуля должна была добраться до нас.

Я выдохнул и перевёл взгляд на Яну, не веря тому, что ещё жив.

Та смущённо подняла перед собой старинный артефакт.

– Твой аррак, – пояснила она.

Какое-то время я не мог шевельнуться. Просто смотрел на её лицо, оказавшееся внезапно так близко. Не мог поверить, что она жива, что я увижу её снова завтра, послезавтра... Когда всё это подойдёт к концу.

Элирена медленно подняла руку и провела кончиками пальцев по моей щеке. Мне захотелось закрыть глаза и навсегда остаться здесь с ней. Наплевав на всё, что творится вокруг нас.

Я качнул головой, заставляя себя стряхнуть наваждение и поднялся на ноги. Элирене не помог – незачем ей лезть под огонь.

Кругом царил хаос. Началась свалка.

Ловеин прятался за опрокинутым столом. Раненый Асмодей лежал возле него.

Доран, похоже, бросился к стрелявшему, чтобы помешать ему снова перезарядить мушкет, но не успел – его уже опрокинул кто-то из своих.

Похоже, мятежники сами не могли решить, хотят ли они открывать огонь, потому что теперь они продолжали драку между собой. А Дорану оставалось только растерянно оглядываться по сторонам, пытаюсь понять, на чьей стороне продолжить бой.

Однако, больше никто не стрелял. И я решил этим воспользоваться.

Достал заряженный мушкет и дал залп в небо.

Дерущиеся мгновенно застыли, глядя на меня.

– Вы только что попытались убить короля. Все вы знаете, что цареубийство карается казнью. Обжалованию приговор не подлежит. Вам выбирать, выдать нам виновника – или отправиться на виселицу вместе с ним.

Яна

Едва Надаэр заговорил, я тихонько застонала. Иногда он внушал такую уверенность...

А иногда вёл себя как полный идиот. Какая виселица? Где мы её найдём? Неужели он не понимает, что на обычаи этим людям уже наплевать?

И точно, после секундной заминки, когда первый страх от выстрела прошёл, все союзники Пьетты бросились уже не друг на друга, а на нас.

Доран шагнул вбок. Теперь они с Надаэром вместе заслоняли нас собой.

– Нам каюк, – резюмировал Доран.

Я наконец поднялась с земли и судорожно перебирала возможности аррака, которые успела открыть.

Доран и Надаэр обнажили мечи. Чуть сменили позицию и приняли первый натиск на себя. Но противников было слишком много, а у варлоков, похоже, не осталось сил для колдовства.

– Надо было взять Ренвила с собой, – пробормотала я. Хотя и понимала, что один боец не поменял бы здесь ничего.

Нас медленно теснили за стол – туда, где остались сидеть Ловеин и Асмодей.

Очередной удар варлоки отразили уже не мечом, а серебристым пространственным щитом – наподобие того, что мне удалось создать через аррак.

– Открывай туннель, – рявкнул Надаэр, оборачиваясь ко мне.

– Я? – у меня глаза полезли на лоб.

– У тебя мой аррак. Там подготовлен переход.

– И что нужно делать?..

– Представь, что ты его открываешь, вот и всё.

Он снова отвернулся, отражая очередной удар.

Я открыла аррак и сосредоточилась, пытаюсь представить какой-то переход. Но я абсолютно не знала, куда мы идём. Даже просто вспомнить, как выглядит перемещение со стороны, мне удалось не без труда.

А щит, выставленный Надаэром, похоже стремительно слабел. Металл звенел со всех сторон.

«Зачем приносить на переговоры столько оружия?» – билось в голове.

Где-то вдали слышались окрики Пьетты, но я не могла понять, что она кричит – гонит остальных в атаку или наоборот, пытается остановить.

Наконец, мне что-то удалось. Реальности стали расслаиваться. У меня закружилась голова, и я мгновенно поняла, почему многим подобный переход давался так тяжело.

– Быстрей! – крикнул Доран и тронул Надаэра за плечо.

– Асмодей! – тот вырвался из его рук и бросился к принцу.

Доран толкнул меня в открывшийся проход, я запомнила, что кто-то толкнул меня в плечо, а в следующее мгновение ощутила болезненный удар по голове и вовсе провалилась в темноту.

В себя я пришла в полумраке. Моргнула, разгоняя разноцветные круги, плясавшие перед глазами, и коснулась пальцами рассечённого виска.

Похоже, пропустила я не так уж много.

Стонущий Асмодей лежал рядом. Его рука прижимала огромное окровавленное пятно на животе.

Я поспешно отвернулась. Было стыдно, но сделать я всё равно ничего не могла.

За три недели этот человек так и не стал мне родным. Мне было его жаль. Но я не знала, что могу ему сказать, если он собирается умереть.

Думаю, что и он в эти мгновения думал не обо мне.

Однако, отвернувшись от Асмодея, я увидела кое-что, что было в данный момент куда важней.

Во-первых, в зале, куда мы попали – а это был подземный храм под королевским дворцом – кроме нас находились ещё трое.

Они стояли по другую сторону от фонтана, находившегося в самом центре зала. Все трое сжимали в руках клинки. К счастью, мушкетов у них уже не было – или они успели израсходовать заряды.

Доран и Надаэр тоже стояли в полный рост готовые продолжить бой.

– Самое лучшее место, чтобы сдохнуть, – услышала я голос Дорана.

– Да брось. Их всего трое...

– Но их нельзя убивать, – вклинилась я, поднимаясь на ноги и отряхивая одежду от пыли.

Оба варлока бросили на меня быстрый недовольный взгляд.

– Их нельзя убивать, – упрямо повторила я. – Если кто-то и сможет остановить восстание – то это Пьетта.

Не дожидаясь реакции на свои слова, я повернулась к фонтану.

– Это и есть тот источник, от которого зависит всё.

Бросила быстрый взгляд на Надаэра, и тот кивнул.

Сказать, что источник выглядел неважно – значит, ничего не сказать. Вода в нём подёрнулась тиной. Сам фонтан заглох.

– Мы должны им объяснить.

Кажется, моя идея не вызвала энтузиазма со стороны союзников.

Ловеин попытался подняться.

Не оглядываясь на него, я шагнула к источнику – и к нашим врагам.

Надаэр немедленно попытался заступить мне путь, но я отодвинула его в сторону и вышла вперёд.

– Пьетта! – окликнула я.

Та напряжённо смотрела на нас.

– Пьетта, мы не хотим войны. И власти мы тоже не хотим.

Асмодей слабо дёрнулся и застонал. Кажется, он хотел возразить.

Пьетта крепче стиснула рукоять клинка. Даже при том, как мало я понимала в оружии, не могла не заметить, что это оружие ей непривычно.

– Ты чужачка! – выдохнула она. – Что ты можешь знать о нашей стране?! О том, чего мы хотим!

– Я думаю, все хотят одного и того же, – возразила я. Асмодей снова застонал, а Ловеин зашипел. – Или почти все. Но боюсь, я всё-таки знаю немного больше тебя.

Я шагнула к источнику. Что с ним делать и как он должен выглядеть я понятия не имела. Зато Асмодей издал протяжный возглас за моей спиной. Всё ещё зажимая рану одной рукой, другой он заскрёб по полу и кое-как сумел подняться на ноги.

– Нет! – выдохнул он. Асмодей стоял скособочившись, одной рукой опираясь о стену, но на лице его была такая уверенность, что я поняла: он скорее умрёт, чем уступит кому-то трон. – Не смей говорить! Это не твоя тайна! Ты здесь никто!

– Мне уже всё равно, кто потомок Элайи, а кто нет! – перекрыв его вопли, предупредила Пьетта.

– Асмодей прав, – я старалась не смотреть на супруга. – Без короля, без крови Элайи – Аркенор умрёт. Послушай! – я повысила голос, чувствуя, что Пьетта готова ринуться вперёд. – Я вижу, ты умная девушка. И ты плохой боец. Надаэр и Доран легко справятся с тобой и твоими людьми.

– Вы держите нас в живых, только чтобы снова навешать на уши лапши, – с презрением произнесла Пьетта и снова чуть подалась вперёд.

– Нет, мы держим вас в живых, потому что только вы можете спасти Аркенор! – я сделала глубокий вдох. Попыталась представить – поверила бы я на месте Пьетты тому, что сейчас собираюсь сказать? Конечно нет... – Надаэр, помоги...

– Нет, – отрезал тот. – Асмодей прав. Ты не имеешь права им говорить.

– Но я скажу! Раз никто из вас больше не способен думать головой! – я снова повернулась к Пьетте. – Я вижу, ты не маг. Ты такой же обычный человек, как и я. Но ты родилась в мире магии. Ты понимаешь, что магия в Аркеноре лежит в основе всего. Разве не так?

Пьетта напряжённо молчала.

– Не смей её слушать! – процедил один из мятежников. Тот, что стоял у Пьетты за правым плечом. Это был не Эрик, но теперь, приглядевшись, я заметила что-то очень похожее в его лице.

– Магия поддерживает... экологию Аркенора! – продолжила я, стараясь перекрыть его голос своим. – Господи, вы тут знаете, что

такое экология, или нет?

– Знаю! – мрачно отрезала Пьетта. – Как ты сказала – я умная девушка.

– Так вот эта магия завязана на древнюю кровь, кровь аркенорских королей.

Асмодей больше не мог этого терпеть. Он чувствовал, что смерть близка, как никогда. «Всё, что у меня есть – это моя честь», – думал он.

Честь была тем, что не дало ему умереть в застенках пыточных камер. Честь была тем, что помогло ему подняться на ноги сейчас.

Королевская честь, честь сына Гелоры и наследника самого древнего рода в Аркеноре заставила его броситься вперёд.

Как таран он врезался в плечо Яны, проволока её вперёд.

Вместе они рухнули в воду – прохладная и колючая, она огнём опалила тело там, где под рёбра Асмодея вошла пуля от мушкета. Шрам пылал там, где брызги воды попали на него.

Асмодей изо всех сил пытался удержать Яну под водой, но в отличие от него, та была здорова.

К своему недоумению и к собственной ярости, Асмодей в отчаянии понимал, что супруге вода вовсе не причиняет той обжигающей боли, которую чувствовал он сам.

Вынырнув ненадолго из воды, Асмодей увидел, что там, где его кровь оросила воды источника, по глади подземного пруда бегут дорожки настоящего пламени. Вода размывала алые всполохи, и огнём стремительно покрывалась вся поверхность каменной чаши.

Пьетта в оцепенении смотрела на то, как пылает вода. И как едва моросившие струи фонтана наливаются силой, превращаясь в настоящие потоки. Брызги рассыпались, не долетая до поверхности воды, взлетали под купол храма ключьями тумана.

Сомнений быть не могло – там, в пруду, боролось колдовство с колдовством. И зрелище это так же зачаровало её, как три недели назад видение света, облачившего фигуру намледницы Элайи.

Пьетта была прагматиком. В то же время она хотела верить. Эта вера долгие годы удерживала её от восстаний, мятежей и любого

другого недовольства.

И сейчас она чувствовала, как вопреки недовольному шипению союзников, эта вера возвращается к ней.

– Нет! – выдохнул Надаэр и рванулся было вперёд, в тщетной надежде остановить падение. Он знал много. Больше Пьетты. Больше Яны. И даже больше самого Асмодея.

Он знал Гелору так хорошо, как не знал её никто. И поэтому сына её тоже знал. Союз, в котором родился наследник, не был благословлён Элайей. Не были, впрочем, благословенны и все поколения предков Элирены за последние 200 лет.

Надаэр успел мысленно представить, как пылают оба, объятые пламенем.

А потом две фигуры вырвались из-под воды, рассыпая кругом тысячи брызг. И одну из них действительно объял огонь.

Доран встал на пути друга и крепко стиснул оба его плеча.

– Не хватало, чтобы сгорел и ты! – рявкнул он.

Но Волхонский не слышал его слов. Кровь молотом стучала в висках. Оттолкнув побратима, он бросился вперёд, и перескочив каменный бортик чаши, ступил в огонь.

Не обращая внимания на языки пламени, взбегавшие по его рукам, на воду, мешавшую каждому движению, Надаэр попытался выловить из воды обоих дерущихся и выудить их из фонтана.

Однако Асмодей оттолкнул Яну так далеко вглубь, что как бы не старался, Надаэр не смог бы дотянуться до обоих.

Теперь он видел, что тело Яны так же пылает. Нужно было решать мгновенно, он успел бы вытащить только одного.

Надаэр шагнул к Яне и, взяв за плечо, вытянул из воды.

Пламя вспыхнуло, взвилось до самого потолка и пробежало по стенам зала.

Спутник Пьетты испуганно вскрикнул, чувствуя, как оно обжигает ему пятки, но волна огня тут же погасла, оставив стены сиять ровным золотистым светом.

Продолжая поддерживать Яну за плечо, но уже не пытаясь выудить её из воды, Надаэр наравне со всеми оглядывался по сторонам.

И в это мгновение в шести местах кругом фонтана полыхнули разрывы реальности. Пятеро варлоков в серых плащах вступили в неё – и пять магических снарядов замерли в воздухе, нацеленные на каждого из присутствовавших. Кроме одного.

– Стоять, – приказал Ловеин. Всё время, что происходила свалка, он не шевельнулся.

– Это касается и тебя, – спокойно ответил ему голос, раздавшийся со стороны последнего разрыва, открывшегося в тени меж колонн.

– Торван! – выдохнул Надаэр полушёпотом и тут же замолк.

Магистр не спешил выходить на свет, но и Ловеин жестом показал своим людям замереть.

– Пусть разберутся сами, – продолжил голос, звучащий из темноты. – Здесь. И без нас.

Ловеин, похоже, колебался. Но наконец приняв решение, показал химерам также отступить в тень.

Все участники битвы постепенно приходили в себя. Пламя стало затухать.

Сердце Надаэра пронзила боль, когда он увидел всё, что осталось от Асмодея – горстку костей, которые продолжали дымиться и стремительно растворялись в воде.

– Я не убеждена, – осторожно сказала Пьетта. Она приблизилась к источнику. Протянула руку, чтобы коснуться воды, и замерла так.

– Тебе придётся поверить, – устало сказала Яна. – Я повторяю. Я не больше хочу быть вашей королевой, чем ты желаешь, чтобы я ею была. Также и Надаэр... Но мы оба хотим, чтобы этот мир продолжал существовать.

– Какая разница тебе? – Пьетта вскинула голову и прищурилась, внимательно глядя на Яну.

– Мне некуда идти. И я не жестока. Вот и всё. Если можно не губить людей – то я хочу, чтобы никто из них не погиб.

Наступила тишина. Несколько секунд в зале царило молчание, а затем один из спутников Пьетты пронзительно выкрикнул:

– Ложь! – и рванулся вперёд.

Одним быстрым движением второй ударил его эфесом в висок, и тот осел на каменный пол.

Равнодушным взглядом Пьетта проследила за этим происшествием.

– Мне нужно подумать. И поговорить со своими людьми, – резюмировала она.

Яна кивнула.

Пьетта огляделась по сторонам в поисках выхода.

– Доран проводит тебя, – Надаэр кивнул другу, и тот достал аррак, чтобы выполнить приказ.

Доран, Пьетта и их спутники растворились в серой мгле портала. И только тогда голос Торвана снова приказал из темноты:

– Ловеин, убери своих людей. Нам тоже нужно подумать. И поговорить.

На сей раз Ловеин кивнул и знаком приказал варлокам отступить. За несколько секунд те выполнили приказ, и в зале остались всего четверо: Надаэр, Яна, Торван и Ловеин.

Надаэр и Яна всё ещё стояли по колению в воде, поддерживая друг друга.

Торван выступил из темноты и двинулся к ним.

Ловеин тоже шагнул вперёд.

Яна невольно отметила, как похожи их движения. Хотя теперь, когда она видел рядом оба лица, уже не могла бы перепутать их между собой.

Оба они были мягкими и в то же время уверенными, оба были украшены мягкими короткими бородками и очерчены волнами седых волос. И всё же они были разными.

В чём заключается эта разница, Яна не знала. И мягкость и сила в обоих лицах была абсолютно разной, вот и всё.

– Ты победил, – устало признал Ловеин, осматривая фонтан. – Он ожил. И это сделал один из твоих людей.

– Да, – устало согласился Торван. – Я победил.

– Сегодня, – уточнил Ловеин. – Кто знает, что будет через десять лет? Не провернётся ли снова колесо?

– Может быть, – согласился Торван. Посмотрел на Надаэра. – Выбирайтесь, – сказал он. – Поговорим, когда вы вернётесь во дворец.

Ни Ловеин, ни Торван не использовали арраки. Они синхронно шагнули в сумрак и растворились в нём.

ЭПИЛОГ

В Аркеноре наступала осень.

Со дня, когда Яна впервые ступила в новый мир, прошло больше трёх месяцев.

Иногда тяжёлых, иногда выматывающих. По большей части жарких и бесконечно долгих.

Оглядываясь назад, Яна не могла отделаться от чувства, что прожила целую жизнь. Совсем чужую – и в то же время внезапно ставшую её собственной.

Пьетте удалось утихомирить союзников. Однако, переговоры длились ещё долгих два месяца. Пьетта сменил окружение и при поддержке новых советников тщательно продумывал каждый пункт своих требований.

По её настоянию в Аркеноре появились Сенат и Городская Управа. И хотя теперь Яна волей неволей следила за политическими новостями, большую часть вопросов внутренней политики эти два органа взяли на себя.

Яна не слишком расстраивалась по этому поводу. Чем больше она знакомилась с жизнью Пандемониума, тем скучнее ей становилось здесь.

Пусть на улицах вместо бензина пахло навозом, а вместо машин мимо окон кофейен проносились летающие экипажи на магическом приводе – это место слишком напоминало ей дом. И в то же время домом не было.

Надаэр уехал сразу же после того, как убедился, что королева в безопасности. Даже с Торваном Яне пришлось встретиться без него.

Разочарование было мгновенным и таким сильным, что она и не знала, как воспринимать этот отъезд.

Однако не прошло и двух недель, как незнакомый мальчик прискакал во дворец на чёрном коне и принёс письмо, которое согласился отдать только лично в руки Её Величеству.

Яна раскрыла письмо в одиночестве, стоя у окна, и поняла, что строчки прыгают и разбегаются перед глазами от подступивших слёз.

«Я помню всё, что тебе обещал, – писал отправитель. И хотя Яна впервые видела этот почерк, не перепутала бы его ни с чьим другим. – Я помню и то, что сказала мне ты.

Пожалуйста, не делай глупостей, Яна. Дождись меня.

Обещаю, я вернусь. И больше уже никогда не оставлю тебя одну».

Яна скомкала письмо и сделала глубокий вдох, но успокоиться в тот вечер так и не смогла.

Она и сама понимала, что Надаэру лучше не быть сейчас здесь. Не присутствовать на похоронах Асмодея, не видеть его закрытый гроб.

Не давать повода для сплетен и слухов... Хотя Яна и сомневалась, что выдержит положенный траур целый год. Она и знала-то Асмодея не так долго, как должна была по нему горевать.

Носить траур целый год и не пришлось.

Первым о необходимости нового брака заговорил Ловеин. Кардинал теперь не часто появлялся при дворе, и Яна подозревала, что причиной тому случившийся между ним и Торваном разговор. Однако, только в конце августа Яна обнаружила, что Ловеин собирается навсегда покинуть Аркенор.

Это было как раз в тот день, когда кардинал пришёл предупредить её: если Яна не выберет супруга сама, ей придётся проводить новый Отбор.

– Господи Боже мой... – только и пробормотала она, услышав эту новость. Она не знала, как объяснить Ловеину, что вообще не собирается оставаться в столице и по-прежнему не горит желанием быть королевой.

В унынии закончила Яна разговор и двинулась по направлению к своей спальне. Она долго стояла перед зеркалом, разглядывая своё осунувшееся от усталости лицо, и не сразу заметила незнакомую шкатулку, лежавшую перед самым её носом на столе.

Яна протянула к ней руку, и замерла, размышляя, не позвать ли своего перста, прежде чем открывать таинственный предмет.

– Не бойся, – прозвучал до боли знакомый голос из темноты.

Яна не сдержала всхлипа и, уже не обращая внимания на шкатулку, метнулась на звук. Повисла на шее у человека, который стоял перед ней.

– Надаэр... – прошептала она, с трудом сдерживая слёзы.

– Я здесь, – князь прижался лицом к её виску и замер, осторожно поглаживая уложенные по дворцовой моде волосы королевы. – И всё-таки открой.

Яна сделала глубокий вдох, заставила себя успокоиться и, разомкнув объятия, вернулась к столу.

Теперь шкатулка пугала её ещё сильнее.

Она взяла её в руки и осторожно отщёлкнула крышку. На подушечке из синего бархата лежал плоский круглый амулет. Крышку его покрывали узоры, вырезанные на гладкой поверхности перламутра.

– Аррак... – в недоумении произнесла она. Яна и сама не знала, чего ждала. «Ну не могло же это быть кольцо...» – попыталась урезонить себя она.

– Я был в мире, где есть обычай: на свадьбу возлюбленные обмениваются подарками, которые нельзя купить за деньги.

Я рвано выдохнула. Невольно представила себе этот мир и мучительно захотела уехать к чёрту из дворца и попасть туда.

– Но у нас с тобой не свадьба... – тихо сказала я.

– Это решать тебе.

Я медленно обернулась к нему и заглянула Надаэру в глаза, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

– Элирена, королева Аркенора. Я, Надаэр Волхонский, один из немногих, кто по праву принадлежности к королевской семье может задать тебе вопрос. Желает ли ты вступить со мной в брак на земле и на небесах?

Я закусила губу, не зная, что и сказать.

– Если таково твоё желание, я готов пройти для тебя королевский отбор.

Слёзы навернулись на глаза. Я не знала, плакать мне или смеяться. Торопливо отложила шкатулку и снова обняла его.

– Но ты ведь уже его прошёл, – прошептала я, вжимаясь лицом в его плечо.

– Элайя благословила нас, разве не так?

– Надеюсь, что так, – ответил Надаэр и обнял меня в ответ.

В поместье князя Волхонского начиналась осень. Золотистые лучи закатного солнца играли на верхушках деревьев. Мальчики в чёрных ливреях, расшитых серебром, стояли вдоль аллеи с факелами в руках.

С востока к белокаменной беседке на берегу пруда двигались трое – первой шла Элирена, одетая в простое белое платье до самой земли. Светлые волосы – длинные, по моде Аркенора, но не тронутые железными щипцами горничных – разметались по её спине. За правым плечом её шёл Ренвил. За левым – его высочество Калерон.

Все трое вышли к беседке и остановились в ожидании.

Надаэр, в неизменном черном плаще, приближался к озеру с западной стороны. Волосы его были распущены и как всегда небрежно колыхались на ветру. За правым плечом его шёл Доран. За левым невесомой походкой скользила по первой палой листе Вега.

Все трое вышли в центр небольшой поляны, к которой вели сразу несколько дорог. И остановились – напротив других троих.

В этот раз церемонию проводил Торван, а не Ловеин. В чёрном одеянии с серебряным знаком на груди он стоял у самого входа в беседку. В руках его не было никаких священных книг.

Гостей на церемонии не было. Ни Яна, ни Надаэр не желали устраивать публичное торжество, на которое придётся пригласить тех, кого совсем не хочется видеть.

Дождавшись, когда все участники займут свои места, Торван взял за руку Надаэра, а затем и его невесту. Он вложил ладонь Яны в руку её будущего супруга и произнёс:

– Все мы знаем, в сколь тяжёлые дни довелось встретиться этим двоим. Всем мы знаем, как дорого обошёлся Аркенору мир. Как было сказано – одна война подошла к концу. Но время продолжает двигаться вперёд. И каким будет наше завтра – не знает никто.

Торван перевёл взгляд на Надаэра и продолжил:

– Нелёгким было решение отпустить тебя, но я полагаю, твоя миссия закончена – в этом мире и в любом другом. Я надеюсь, что больше никогда тебя не сделает несчастным твой долг. И в душе твоей воцарится мир.

Надаэр медленно кивнул.

Торван обернулся к Яне и продолжил:

– Не так начался твой путь среди бесконечности миров, юная Элирена. Не так, как хотел бы любой из нас. Но глядя на тебя я вижу, что он многое в тебе поменял. Твоя жертва не была пустой.

Яна опустила взгляд и кивнула. Она понимала.

– Волей теней освобождаю тебя от клятв, данных под другим венцом. И благословляю на новый брак.

Торван вложил пальцы Яны в ладонь Надаэра и молча отошёл на шаг назад.

Теперь новобрачные смотрели только друг на друга и не видели ни солнца, медленно опускавшегося за горизонт, ни глади озера, ни деревьев, окруживших их со всех сторон.

– Я помню день, – сказал Надаэр тихо, – когда увидел тебя в первый раз. Ты была совсем другой. Но во мне не было и тени сомнения, что ты должна править миром, который я любил всей душой. Прости меня за то, что ради этого мира я заставил тебя пожертвовать собой. Перед лицом света и теней я клянусь, что никогда более не оставлю тебя одну. Что никогда более не рискну тобой. И никогда более не поставлю выше нашей любви ни долг, ни честь, ни любую иную силу. Прими мою клятву и будь со мной.

Яна видела, с каким трудом Надаэру даются эти слова. Но заговорить самой ей оказалось ещё трудней.

– Я помню миг, когда понял, что больше не смогу без тебя, – тихо сказала она. – Это было раньше, чем я увидела твой мир. Раньше, чем стала королевой. И если бы не любовь к тебе, я никогда не отказалась бы от того, чтобы быть с тобой. Прости меня... Я больше никогда не откажусь от нашей любви. Я больше никогда не уйду и не позволю тебе уйти. Я люблю тебя, Надаэр. Прошу, прими мою клятву и будь со мной.

Они потянулись друг к другу и заключили в объятия. Губы Надаэра коснулись губ Яны, и та вздохнула, полностью отдавая себя во власть мужчины, которого любила.

Эта свадьба ничем не походила на ту, первую, которая до сих пор казалась Яне чужой.

Они долго не могли разомкнуть объятий, а когда наконец отстранились друг от друга, солнце уже почти опустилось за горизонт.

– Спасибо, – сказал Надаэр, на мгновение обернувшись к Торвану. А затем уже ко всем собравшимся кругом: – Вы все можете оставаться

гостями в моём доме. Слуги позаботятся о вас.

Поняв намёк, участники церемонии стали разбредаться по своим делам.

– Пира не будет? – тихонько спросила Яна.

– Не сегодня, – Надаэр качнул головой. – Сегодня я хочу видеть только тебя. И хочу... показать тебе кое-что.

Яна кивнула.

Надаэр отвернулся, достал аррак и не выпуская Яну из объятий, одной рукой прочертил в воздухе магический знак.

Слои пространства расступились, пропуская их, и Яна замерла, с удивлением оглядываясь по сторонам.

– Это то место... где мы прятались во время восстания? – спросила она.

Однако, узнать парк удалось бы с трудом.

Деревья вдоль аллеи нависали такими же пушистыми арками, но дорожки оказались тщательно убраны и посыпаны свежим гравием. На клумбе, убежавшей вдаль и кончавшейся у самого парка, алели последние летние цветы.

– Что мы здесь делаем? – по-прежнему недоумевая спросила Яна.

– Идём, – Надаэр легонько подтолкнул её в сторону дворца и только когда они сделали несколько шагов, заговорил. – Её звали Иона. Она стала моей невестой, потому что так хотел отец... – на некоторое время Надаэр замолк, и Яна не пыталась его торопить. Затем, наконец, он продолжил: – Не думаю, что я её любил. Меня никогда не покидала мысль, что она не создана для меня. Что то, что я ищу, находится где-то очень далеко, в иных мирах... Но я чувствовал, что отвечаю за неё.

Он снова замолк. Яна перехватила его руку и стиснула пальцы в молчаливой поддержке.

– Время не повернуть вспять, – тихо сказала она.

Надаэр кивнул.

– Я надеюсь, что не повторю тех ошибок, которые уже допустил, – сказал князь, и теперь кивнула Яна, показывая, что доверяет его словам. – Я хотел подарить ей на свадьбу этот парк. Не успел. Я не говорю, что ты должна принять его, потому что он делался для неё... Если хочешь, я найду другой подарок, но, я бы хотел...

Яна остановилась. Развернулась к спутнику и поймала в ладони его лицо.

– Мне очень понравилось здесь, – честно сказала она. – Это первое место во всём Аркеноре, где мне показалось, что я вернулась домой. Следовало догадаться... Что это ты создал его.

Надаэр опустил веки и накрыл её пальцы своими.

– Спасибо, – тихо сказал он и поцеловал узкую ладонь.

– И тебе, – Яна слабо улыбнулась и подалась навстречу.

Она хотела обнять Надаэра, но вместо этого сама не заметила, как оказалась у него на руках.

Яна вскрикнула от неожиданности, когда почти бегом тот бросился по аллее в сторону дворца.

Надаэр бежал легко, как будто и не замечал веса чужого тела в своих руках. Яна обхватила его за шею, чтобы не упасть, и крепко прижалась щекой к его плечу.

Той ночью больше никто из них не произнёс ни слова. Руки Надаэра скользили в упоительном танце, изучая едва знакомое тело.

А наутро, разбуженная первым лучиком рассветного солнца, Яна не поверила собственным глазам. Надаэр лежал в постели рядом с ней, обнимая её одной рукой. Голова Яны покоилась на обнажённом плече. И стоило зашевелиться, как Волхонский прижал её ещё плотней.

– Доброе утро, – прошептала Яна. Она приподнялась, чтобы поцеловать супруга, и тут же оказалась придавлена к кровати весом его тела.

– Доброе, – выдохнул Надаэр, покрывая поцелуями её лицо, плечи и грудь.

Наконец он отстранился, чтобы заглянуть любимой в глаза.

– Ты же не собираешься возвращаться во дворец?

Яна торопливо замотала головой.

– Но! – заметила она, рассеянно перебирая прядку волос Надаэра, упавшую ей на плечо. – Мне полагается медовый месяц. Во всех мирах, где ты успел побывать без меня.

{Вот теперь уже точно "Конец".}

Что-то вымотала меня эта работа... После перерыва было очень трудно браться за вторую часть. Но я ещё планирую вернуться к ней через несколько месяцев и расширить этак на 10-12 глав}

